

Френк Рассел

Ближайший родственник

ГЛАВА 1

Он знал, что снова зря высунул нос, но отступить было уже слишком поздно. С ним так бывало с раннего детства - он принимал вызов и тут же сожалел об этом. Говорят, на ошибках учатся; будь так, человечество уже давно избавилось бы от глупости. В свое время он получил немало жизненных уроков, но большая их часть забылась через неделю. Итак, в очередной раз он попал в переpleт; теперь, конечно, придется выкручиваться самому.

Он постучал в дверь еще раз, чуть сильнее, но не слишком назойливо. За стеной скрипнуло кресло и хриплый голос с оттенком явного нетерпения ответил:

- Войдите!

Зайдя в комнату, он встал у стола по стойке смирно: подбородок вздернут, руки по швам, ступни развернуты под углом сорок пять градусов.

"Как робот, - подумал он, - как чертов робот".

Адмирал Флота Маркхэм оглядел его из-под кустистых бровей. Холодный взор медленно скользнул с ног до головы и обратно.

- Ты кто такой?

- Офицер-разведчик Джон Лиминг, сэр.

- Ах да, - взгляд Маркхэма на мгновение застыл, и вдруг он прорычал: - Застегни ширинку!

Лиминг смущенно потупился:

- Не могу, сэр. Молния сломалась

- Так почему же ты не зашел к портному? Для этого на базе и существует мастерская, верно? Неужели твоему командиру нравится, когда его люди вваливаются ко мне в таком виде? Ты что себе, черт побери, позволяешь?

- У меня на это не было времени, сэр. Молния сломалась всего несколько минут назад, - объяснил Лиминг.

- Это правда? - адмирал флота Маркхэм откинулся в кресле и нахмурился. - Идет война, галактическая война. Для того чтобы успешно вести ее и победить, мы должны целиком и полностью полагаться на наш космический флот. И чертовски скверно, когда флот идет в бой с расстегнутыми штанами.

Поскольку адмирал явно ждал ответа, Лиминг не замедлил его дать.

- При всем уважении к вам, сэр, я не считаю, что это так уж важно. В бою человеку все равно, что у него со штанами. Главное - остаться в живых.

- Согласен, - кивнул Юаркхэм. - Однако меня беспокоит другое - ведь уставу могут не соответствовать и иные, более важные вещи. Если наши добровольцы не избавятся от гражданских привычек в мелочах, они определенно проиграют в главном. Подобные ошибки могут стоить жизни.

- Да, сэр, - ответил Лиминг, недоумевая, к чему тот клонит.

- Возьмем, к примеру, новый неиспытанный корабль, - продолжал Маркхэм. - Если он ведет себя так, как это предусмотрено конструкторами, то все как нельзя лучше. А если нет... - Он не закончил фразу и, помолчав, добавит - Мы объявили набор добровольцев в дальние разведывательные патрули. Ты вызвался первым. Я хочу знать - почему.

- Если нужно выполнить работу, то ведь кто-то же должен за нее взяться, - уклончиво ответил Лиминг.

Это я и так прекрасно понимаю. Но я хочу знать конкретно: почему ты пошел добровольцем. - Он сделал паузу, а потом настойчиво

потребовал: - Давай, говори! Я не стану наказывать парня, идущего на такой риск, если он скажет мне правду - какой бы она и была.

Почувствовав одобрение адмирала, Лиминг начал:

- Я люблю действовать. Люблю работать в одиночку. Терпеть не могу всю эту муштру на базе. От нее меня просто тошнит. Смирно, вольно, грудь колесом, живот убрать, ботинки надраить, постричься, не - смотри на меня как придурок, отставить разговорчики. Я квалифицированный пилот-разведчик, а не манекен для словесных упражнений горлодеров в форме. И хочу заниматься делом, которое мне по душе, вот и все.

Маркхэм не выказал гнева. Напротив, он понимающе кивнул.

- Большинство из нас считает так же. Земляне - непоседливый народ. Ты думаешь, мне интересно торчать здесь, за столом, когда разворачивается главное сражение? - Не ожидая ответа, он добавил: - Я не хочу убивать время на тех, кто пошел в добровольцы из-за несчастной любви или для того, чтобы потом хвастать напропалую. Мне нужен опытный пилот, одиночка и непоседа.

- Да, сэр.

- Кажется, тыходишь. Пилотское удостоверение у тебя первоклассное. Но дисциплинарная карточка - хуже некуда, - адмирал с каменным лицом уставился на Лиминга. - Два случая невыполнения приказа, четыре случая дерзкого поведения и неповиновения. Один раз ты встал в строй в фуражке, надетой задом наперед. Какого черта тебе это понадобилось?

- Накатило настроение, когда хочется всех послать, сэр, - объяснил Лиминг.

- Да? В таком случае ты - ходячая обуза. Без тебя на базе все вздохнут спокойно.

- Да, сэр.

- Как тебе известно, мы, вместе с несколькими союзниками, сражаемся с крупным космическим сообществом, которое возглавляют латиане. Размеры сил врага нас не беспокоят. Там, где мы уступаем в количестве, мы превосходим в умении и эффективности. Наш боевой потенциал огромен и быстро растет. В конце концов мы с этих латиан шкуру сдерем заживо.

Поскольку Лимингу надоело поддакивать, он воздержался от комментариев.

- У нас есть одно серьезное затруднение, - сообщил Маркхэм. - Отсутствие точной информации о вражеских тылах - я имею в виду глубокие космические тылы. Мы знаем, на какую ширину раскинулось сообщество, но не представляем, как глубоко оно уходит в звездное пространство. С другой стороны, враг тоже не имеет о нас подобной информации; но это уже его проблема.

Лиминг опять промолчал.

- Продолжительность полета обычного боевого корабля не позволяет разведчику копнуть поглубже тылы Сообщества. Мы справимся с этим затруднением, когда захватим пару-тройку их баз на планетах, близких к фронту - вместе с ремонтным и заправочным оборудованием. Однако мы не можем ждать так долго. Нашей Разведывательной Службе требуются точные данные - и как можно быстрее. Ясно?

- Да, сэр.

- Отлично! Итак, мы создали новый сверхскоростной корабль-разведчик. Я не имею права-объяснять тебе все принципы его устройства, кроме одного: в нем нет цезиевых ионных двигателей. Его силовая установка строго засекречена. Поэтому он не должен попасть в руки врага. В крайних обстоятельствах пилот обязан уничтожить корабль, даже если это означало бы его собственную смерть.

- Полностью уничтожить корабль, пусть даже небольшой, гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд, сэр.

- Только не этот, - возразил Марихэм. - В его силовом отсеке расположен мощный заряд взрывчатки. Пилоту нужно лишь нажать кнопку,

чтобы двигатель разнесло на мелкие кусочки.

- Понятно.

- Заряд - единственная взрывчатка на борту. У корабля нет ни пушек, ни управляемых ракет, ни другого оборудования. Это - предельно облегченная машина, в которой ради скоростных качеств пожертвовано всем лишним; его единственное спасение - шустро смыться подобру-поздорову. А на это, уверяю тебя, корабль вполне способен. Вруби все двадцать двигателей - и никто в нашей галактике не сможет тебя догнать.

По мне - неплохо звучит, сэр, - одобрительно заметил Лиминг, облизывая губы.

- Это отличный корабль. Он просто обязан быть отличным. Единственное, что нам неизвестно - достаточно ли он хорош, чтобы вынести все передраги долгого, очень долгого полета. Самая ненадежная часть любого космического корабля - дюзы. Рано или поздно они выгорают. Меня тревожит именно это. На новом корабле дюзы защищены специальной внутренней обшивкой; теоретически, они должны выдержать многие месяцы работы. Но на практике может и не получиться. Понимаешь, к чему я клоню?

- Ни ремонта, ни запчастей на вражеской территории и никакого способа вернуться обратно, - кивнул головой Лиминг.

- Верно. Причем корабль должен быть уничтожен. И с этого момента пилот, если ему удалось выжить, окажется один, совсем один в просторах вселенной. Шансов вновь увидеть человечество у него практически никаких.

- Бывают ситуации и похуже. Я бы предпочел остаться живым неизвестно где, чем трупом здесь. Пока живешь - надеешься.

- Ты все еще хочешь рискнуть?

- Конечно, сэр.

- Тогда пеняй, несчастный, на себя, - с мрачным юмором произнес Марихэм. - Ступай по коридору, седьмая дверь направо. Доложить полковнику Фармеру. И скажи, что тебя прислал я.

- Есть, сэр.

- Но сначала попробуй застегнуть свою чертову ширинку. Сейчас же, при мне!

Лиминг покоролено повторил попытку. Молния застегнулась, как по маслу. Он изумленно уставился на адмирала с выражением оскорбленной невинности.

- То-то, - многозначительно промолвил Маркхэм. - Я сам начинал с рядовых и еще не забыл такие проделки. Меня не проведешь!

Полковник Фармер из Военной разведки оказался тучным и краснолицым. Несмотря на туповатый вид, он был весьма проницателен. Когда Лиминг вошел в кабинет полковника, тот изучал огромную карту звездного неба, висевшую на стене. Фармер резко обернулся, будто ожидал удара в спину.

- Тебя что, не учили стучаться перед тем, как войти?

- Учили, сэр.

- Почему же ты не постучал?

- Забыл, сэр. Я размышлял о разговоре, который только что был у нас с адмиралом Маркхэмом.

- Это он послал тебя ко мне?

- Да, сэр.

- А, так ты - тот самый пилот дальней разведки? Не думаю, что коммодор Крутт расстроится, когда ты уйдешь от него. Ты ведь у коммодора как бельмо на глазу, верно?

- Нет, сэр, - возразил Лиминг, - просто у него в заднице стреляет, когда он пытается сесть на меня верхом.

- В армии к подобным вещам приходится привыкать.

- Извините, сэр, но я не согласен. В армию идут, чтобы воевать с врагом, а не по каким-то другим соображениям. Я не малолетний

преступник и не нуждаюсь в том, чтобы коммодор или кто-то там еще меня перевоспитывали.

- Здесь вы с ним расходитесь. Он поборник дисциплины. - Фармер усмехнулся собственным мыслям и добавил: - Крутт по фамилии, да и нравом крут. - Некоторое время он разглядывал собеседника, потом продолжил более серьезно: - Ты выбрал себе нелегкую работу, парень.

Это меня не беспокоит, - заверил его Лиминг.. - Рождение, женитьба и смерть тоже нелегкий труд.

- Ты рискуешь никогда не вернуться.

- Ну и что... Все мы когда-нибудь отправимся в путь, из которого нет возврата.

Не стоит говорить об этом с таким мрачным удовольствием, - заметил Фармер. - Ты женат?

Нет, сэр. Каждый раз, когда у меня к этому идет дело, я залезаю в кровать и отлеживаюсь, пока не пройдет охота.

- Боже! - простонал Фармер, возведя глаза к потолку.

- А вы чего ожидали? - несколько агрессивно осведомился Лиминг. - Пилот-разведчик работает в одиночку. Он - словно жук в консервной банке; ему волей-неволей приходится приучать себя обходиться без многого, особенно без общения. Удивительно, на какие лишения способен человек, если как следует постарается.

- Ну-ну, - успокоил его Фармер. Он указал на звездную карту. - Вот эти светлые точки обозначают вражескую передовую. Звездная туманность за ними - неисследованное пространство. Сообщество может оказаться значительно слабее, чем мы предполагаем, так как его фронт - тоньше тонкого. Или, напротив, оно может быть гораздо более мощным, так как его влияние распространяется далеко в глубины галактики. Единственный способ выяснить, с чем нам придется столкнуться, - провести глубокий рейд по тылам врага.

Лиминг промолчал.

- Мы намерены направить специальный корабль-разведчик вот в этот район, где занятые противником миры далеко отстоят друг от друга. Здесь оборона Сообщества несколько рассредоточена, а средства обнаружения относительно редки, - Фармер ткнул пальцем в темное пятно на карте. - Учитывая скорость нашей новой машины, можно надеяться, что у неприятеля навряд ли хватит времени, чтобы тебя опознать. У нас есть все основания полагать, что ты сможешь проскользнуть в тыл без всяких затруднений.

- Надеюсь, - кивнул Лиминг, сообразив, что от него ожидают ответа.

Единственное опасное место находится вот здесь, - передвинув палец на дюйм, Фармер указал на яркую звезду. - В этой системе, принадлежащей латианам, находятся как минимум четыре большие базы их космического флота. Если тут будут болтаться их патрули, они могут перехватить тебя - скорее случайно, чем преднамеренно. Поэтому мы вышлем сильный эскорт, который прикроет тебя в начале пути.

- Это неплохо.

- Если эскорт вступит в бой, ты не должен ввязываться. В любом случае это бесполезно, так как на твоём корабле нет боевого вооружения. Ты воспользуешься тем, что противника отвлекут, сможешь из зоны обстрела и проскочишь через передовые позиции Сообщества. Ясно?

- Да, сэр.

Дальше тебе придется проявить личную инициативу. Запомни - нам все равно, как далеко тянутся миры с разумной жизнью; можно лететь до потери пульса и не добраться до конца. Нам только нужно знать - как далеко за передовой находятся миры, поддерживающие регулярную связь с Сообществом. Если встретишь обитаемую планету, которая снюхалась с Сообществом, немедленно сообщи на базу все, что сможешь разузнать.

- Есть, сэр!

- Как только ты убедишься, что достиг конца контролируемого

неприятелем пространства, немедленно возвращайся. Если возможно, сохрани корабль. Если нет, его придется превратить в груды металлолома. Ты ни в коем случае не должен бросать его в открытом космосе, топить в океане и так далее. Корабль должен быть уничтожен. Маркхэм тебе об этом уже говорил?

- Да, сэр.

Отлично. Тебе дается сорок восемь часов, чтобы уладить личные дела. Потом ты должен прибыть в десятый космопорт. - Фармер протянул руку. Желаю удачи.

- Полагаете, она мне пригодится? - усмехнулся Лиминг. - У вас ведь на лице написано, что вы сильно сомневаетесь в том, что снова увидите меня. Но я вернусь. Хотите пари?

- Нет, - ответил Фармер, - я никогда не спорю, мне жутко не везет. Но если ты вернешься, я своими руками уложу тебя в постельку.

- Ловлю на слове, - предупредил Лиминг.

Он вернулся в свою крохотную комнатку и обнаружил, что ее уже занял какой-то парень. Этот тип смущенно уставился на него.

- Ты Лиминг?

- Точно.

- Я Дэвис, Джек Дэвис.

- Приятно познакомиться, - кивнул Лиминг и, достав чемоданы, принялся их собирать, небрежно швыряя внутрь рубашки, воротнички и носовые платки.

Сидя на кровати, Дэвис сообщил:

- Мне сказали, что я могу занять твою комнату, потому что ты сегодня уезжаешь.

- Все правильно.

- Далеко собрался?

- Точно не знаю. Возможно, слишком далеко.

- Ты рад, что уезжаешь?

- Еще бы! - Лиминг изобразил восторг.

- Не могу сказать, что осуждаю тебя, - произнес Дэвис и мрачно задумался. Потом сказал: - Я прибыл сюда пару часов назад и доложил дежурному офицеру Базы. Таких деспотов поискать, - и он выдал сжатое, неприукрашенное описание коммодора Крутта. - А как его зовут?

- Чепуховер, - с готовностью сообщил Лиминг.

- Да? Какая необычная фамилия...

Ничего подобного, - закрывая чемодан, Лиминг надавил на крышку коленом, защелкнул один замок и взялся за второй - Это имя старо как мир. Ты наверняка уже слышал о Чепуховерах, ведь правда?

- Да, действительно...

- Ну, в такой дыре их предостаточно.

- Пожалуй, ты прав. Чепуховер только разок глянул на меня и тут же заорал: "Постричься!" - Дэвид уныло погладил ежик на макушке. - Ну, пошел я, постригся. Что же это за Космический Флот? Только появишься, так сразу и норовят оболванить! Как ты думаешь, что было дальше?

- Тебе выдали щетку и расческу.

- Вот именно, - он опять потер макушку. - Только зачем?

По той же причине, почему они делают все остальное, - объяснил Лиминг, - МПМ.

- МПМ? Что это такое?

- Это девиз ребят из резерва. Тебе придется повторять его по двадцать раз на дню. Мысли Пачкают Мозги.

Понятно, - сказал Дэвис, приняв озабоченный вид.

- Единственный способ избежать всего этого - поссориться с Круттом. Тогда он избавится от тебя - после того, как вконец достанет.

- Крутт? А это кто?

- Чепуховер, - быстро поправился Лиминг. - Ребята за глаза зовут его Крутт. Если не хочешь неприятностей, никогда не называй его Крутом в лицо. Он любит, чтобы к нему обращались "мистер Чепуховер".

- Спасибо, что подсказал, - с благодарностью отозвался ничего не подозревающий Дэвис.

- Не за что. Приподними-ка задницу с койки - мне нужно достать пижаму.

- Извини, - Дэвис привстал, потом уселся снова.

Запахив пижаму в чемодан, Лиминг закрыл его и тщательно осмотрелся.

- Вот, пожалуй, и все. Война затянулась в связи с полным отсутствием исправных застежек на штанах. Эту информацию я получил из самых верхов. И меня отправляют ускорить победу. Так что теперь всем вам остается посиживать спокойно да считать дни. - Он направился к двери, держа в каждой руке по чемодану.

Опять поднявшись с кровати, Дэвис неловко пробормотал:

- Удачной посадки.

- Спасибо.

Первым, кого встретил Лиминг в коридоре, был коммодор Крутт. Слишком навьюченный, чтобы отдать честь, он по-уставному сделал равнение налево, на что Крутт ответил коротким кивком. Коммодор прошел мимо и вошел в комнату. Из-за двери раздался его громкий хриплый голос:

- А, Дэвис! Значит, с жильем уже устроился. Сегодня ты мне не понадобишься, так что можешь вылизывать этот свинарник, чтобы подготовиться к моему вечернему обходу.

- Так точно, мистер Чепуховер!

- Что?!!

Лиминг покрепче ухватил чемоданы и дал деру.

Корабль был просто загляденье - такого же диаметра, как обычная разведывательная ракета, но раза в два длиннее. Эти пропорции придавали ему вид не одноместного поискового судна, а скорее миниатюрного крейсера. Стоя вертикально, он, казалось, доставал носом почти до самых облаков.

Внимательно разглядывая корабль, Лиминг поинтересовался:

- А есть еще такие же?

- Три, - ответил Монтичелли, главный инженер космопорта. - Все они упрятаны в других местах под усиленной охраной. Строгий приказ сверху гласит, что корабли этого типа можно использовать лишь по очереди. Пока твой не возвратится, второй посылать нельзя.

- Значит, я иду первым в списке, да? А если я не вернусь? Что, если машину придется уничтожить, а вы не сможете ничего узнать?

Инженер пожал плечами.

- Это забота не моя, а Военного Совета. Я только подчиняюсь директивам сверху, что тоже не сахар.

- Хм! Может быть, они установили какой-то срок, в который я должен уложиться? А если я не вернусь вовремя, меня будут считать пропавшим без вести.

- Они об этом ничего не сказали?

- Нет.

- Тогда и тебе нечего волноваться. Жизнь и так слишком коротка. А во время войны для многих становится еще короче. - Монтичелли хмуро посмотрел на небо. - Каждый раз, когда корабль взлетает, я никогда не знаю, увижу ли его снова.

- Правильно, настроение перед стартом нужно поднимать, - сказал Лиминг. - Да вы просто весельчак!

- Извини, парень, я совсем забыл, что на этот раз летишь ты, - усмехнулся инженер и кивнул в сторону расположенного неподалеку здания: - Там у нас стоит дубликат носовой кабины, специально для тренировок. С неделю тебе придется изучать новые приборы и правила пользования субпространственной связью. Можешь начинать, когда захочешь.

Главное, что меня волнует, - это автопилот, - заявил Лиминг. - Он

должен быть абсолютно надежным. Нельзя неделями лететь без сна, а если корабль несется без руля и без ветрил, тут уже не вздремнешь.

По-настоящему хороший автопилот - все равно, что добрая фея.

- Послушай, сынок, если бы автопилот мог не только держать курс, но еще и думать, и сам передавать сведения, мы послали бы корабль без тебя. Но ты не волнуйся, - Монтичелли снисходительно похлопал собеседника по плечу, - тут установлена лучшая модель. Он позаботится о корабле - даже если ты устроишь себе медовый месяц и космос совсем вылетит у тебя из головы!

- Я вижу тут единственное сходство, - бросил Лиминг. - В обоих случаях мне пришлось бы поднапрячься.

Он пошел к зданию и следующую неделю почти не вылезал из тренировочной кабины.

Взлет состоялся через час после заката. Черный бархат ясного неба был усеян звездами. Трудно было представить, что где-то далеко, на невероятном расстоянии отсюда, плывут в космической тьме неисчислимые обитаемые миры, между которыми осторожно пробираются корабли Сообщества - в то время, как флоты Земли, Сириуса, Ригеля и других союзников несут патрульную службу по всему необъятному фронту.

Длинные цепочки дуговых фонарей слегка подрагивали под легким ветерком, пролетающим над огромным полем космопорта. За барьерами, ограждающими стартовую площадку, стояла группа людей: отсюда, с высоты, Лиминг не мог их как следует разглядеть. Наверное, они собрались понаблюдать за взлетом. Он скорчил гримасу и представил, как корабль падает и вся эта свора, будто наскипидаренная, мчится к убежищу. Ему не пришло в голову, что в случае аварии он навряд ли сумел бы насладиться этим зрелищем.

Из маленького динамика, расположенного на стене кабины, раздался голос:

- Пилоту приготовиться.

Он нажал на кнопку. Что-то щелкнуло, корабль взревел и содрогнулся. Огромное круглое облако пыли и пара прокатилось по бетону и скрыло из вида барьеры. Надсадный рев и вибрация продолжались: Лиминг сидел спокойно, внимательно наблюдая за приборной панелью. Стрелки двадцати указателей поползли вправо, дернулись и замерли. Все двадцать кормовых дюз были готовы к работе.

- Пилот, все в порядке?

- Да.

- Можете стартовать. - Пауза - Ни пуха ни пера!

- К черту!

Перед тем, как мягко подать на себя рукоятку тяги, он еще с полминуты продувал дюзы. Дрожь усилилась, рев постепенно перешел в вой, иллюминаторы кабины затуманились, и небо потускнело.

Целую секунду, показавшуюся ему вечностью, корабль покачивался, стоя на хвосте. Затем медленно пополз вверх: фут, ярд, десять ярдов. Вой перешел в визг. Внезапно скорость подъема резко возросла, словно корабль получил хороший пинок в зад. Он рванулся ввысь. Сто футов, тысяча, десять тысяч. Корабль пронзил облака и устремился в ночное небо. Иллюминаторы очистились. Вокруг сияли мириады звезд, огромным шаром висела луна.

Динамик слабо проскрипел:

- Отличная работа, пилот.

Я всегда работаю отлично, - отозвался Лиминг. - До встречи в сумасшедшем доме.

Ответа не последовало. Внизу понимали, что он ощущает чувство безграничной свободы и безнаказанности, так называемый "взлетный хмель". Ему было подвержено большинство пилотов - когда родная планета оставалась за кормой корабля, а впереди виднелись только звезды. Симптомы заключались в язвительных замечаниях и ругани, которые дождем сыпались с небес на землю.

Пойди постригись! - орал в микрофон Лиминг. Он так и покатывался от смеха в своем кресле, пока корабль набирал скорость. - И вылижи этот свинарник! Тебя учили, как отдавать честь? Мысли Пачкают Мозги!

На Земле по-прежнему молчали.

Но внизу, в космопорте, в башне управления полетами, дежурный офицер повернулся к Монтичелли и сказал:

- Знаешь, мне кажется, что Эйнштейн не довел дело до конца.

- Что ты имеешь в виду?

- У меня есть гипотеза - по мере приближения к скорости света умственные способности у человека стремятся к нулю.

- Возможно, в этом что-то есть, - признал Монтичелли.

- Свинина с бобами, свинина с бобами, господа, опять свинина с бобами, - быстро-затихая, верещал динамик в башне управления. - Снимай штаны, потому что я хочу проверить твоё зрение. Теперь вдохни. Крутг, от которого все мрут, а...

Дежурный офицер отключил связь.

ГЛАВА 2

Эскорт присоединился к нему в Сирианском секторе; встреча произошла неожиданно - в то время, когда он опал крепким сном. Сигнал вызова включил сирену, пронзительный вой которой заставил его вылететь из койки. Несколько секунд он недоуменно озирался вокруг: пол вибрировал под его ногами, в голове отдавалось мерное тиканье автопилота.

- Зерн кайд уит? - проскрипел динамик: - Зерн кайд уит?

Это был кодированный запрос о принадлежности его судна.

Усевшись в пилотское кресло, Лиминг повернул ручку передатчика, который выбросил в пространство короткую серию цифр. Затем он протер глаза и поглядел на экран переднего обзора. Невооруженным глазом он мог видеть только мириады звезд, мерцавших в темноте.

Лиминг включил инфракрасные датчики: теперь по экрану параллельно его курсу полз ряд светящихся точек. Вторая группа кораблей, выстроившихся клином, маячила далеко впереди. Конечно, он увидел не сами суда, а тепловое излучение, которое испускали их раскаленные добела дюзы и шлейфы выхлопных газов.

- Кифа! - раздалось из динамика это означало "все в порядке".

Лиминг заполз обратно в койку, натянул на лицо одеяло и положился на автопилот. Минут через десять он начал дремать; ему пригрезилось, будто он спит в открытом космосе, где уже никто не сможет его достать. Вдруг, отставив код, динамик рявкнул на нормальном языке.

- Сбавь ход, пока мы тебя не потеряли!

Он подпрыгнул, как ужаленный, сел и тупо уставился на передатчик. Кто-то только что говорил с ним - голосом, которым отдают команды на плацу. Или ему послышалось? Лиминг подождал немного, но ничего не произошло, и он опять прилег. Динамик тут же нетерпеливо заорал:

- Ты что, оглох? Убавь скорость, пока мы тебя не потеряли!

Раздраженный Лиминг вылез из-под одеяла, сел за пульт управления и неторопливо приступил к работе. Передний тормозной двигатель выпустил две струи пара, тут же пролетевших вдоль бортов корабля. Кормовые дюзы уменьшили тягу. Он наблюдал за приборами, пока не решил, что стрелки ушли влево достаточно далеко для того, чтобы всех осчастливить. Тогда он вернулся в постель и снова закутался в одеяло. Ему казалось, что он раскачивается в небесном гамаке и наслаждается волшебным покоем, но из передатчика снова донесся рев:

- Еще! Еще убавь!

Он сбросил одеяло, доплелся до пульта и убавил так скорость еще раз. Затем, наклонившись к передатчику, произнес страстную речь. Местами она состояла из междометий, а также включала обширный экскурс в основные функции человеческого организма. Насколько он знал, среди

его изумленных слушателей должны были находиться два контр-адмирала и с дюжину коммодоров. Если так, то он неплохо их просветил.

В ответ Лиминг не услышал ни резких окриков, ни возмущенных начальственных голосов. За подобные упражнения в ораторском искусстве на большом боевом корабле ему вlepили бы сорок нарядов и отправили под трибунал. Но в космическом флоте существовало негласное мнение, что разведчики, месяцами лишенные общества себе подобных, на девяносто процентов становятся готовыми клиентами для психиатра. При исполнении служебных обязанностей они могли говорить все, что им заблагорассудится. Как правило, они так и поступали. Великолепно, когда тебя официально считают рехнувшимся.

На протяжении трех недель конвой сопровождал Лиминга в таком мрачном молчании, которым обычно окружают в семье слабоумного родственника. Все это время он бесился от нетерпения, потому что их максимальная скорость была куда меньше, чем у его корабля, и необходимость приноравливаться к ним вызывала у Лиминга ощущение автогонщика, следующего за похоронной процессией.

Главным виновником неторопливости их шествия являлся сирийский линкор "Уоссун", здоровенный неуклюжий дредноут, который плелся, как разжиревший гиппопотам; все прочие, более скоростные крейсера и истребители были вынуждены плестись вместе с ним. Лиминг не знал названия этого корабля, но понимал, что перед ним линкор, поскольку на инфракрасном экране тот походил на светящуюся горошину в окружении огненных булавочных головок. Каждый раз, когда Лиминг видел эту горошину, он отпускал в ее адрес грязное ругательство. Однажды, в очередной раз выпуская пары, он услышал, как динамик снова включился и впервые за много дней произнес:

- Понк!

Понк? Какой, к черту, понк? Насколько он помнил, это слово обозначало что-то очень важное. Он спешно пролистал книгу кодов и нашел: "Враг в поле зрения".

На его экранах неприятеля не было видно. Наверно, вражеские корабли находились вне зоны обнаружения локатора и были замечены летящим далеко впереди авангардом, который состоял из четырех эсминцев.

- Волна Ф, - раздался приказ из динамика.

Значит, готовясь к сражению, они поменяли частоту сигналов. Лиминг повернул ручку настройки многоволнового приемника с деления Т на деление Ф. Из динамика быстро понеслись лаконичные донесения кораблей конвоя.

- Резервная группа, влево двадцать, отклонение двенадцать.

- Есть!

- Конец связи.

- Есть!

На экранах пять светящихся точек быстро отделились от основной группы и ринулись вперед. Четыре из них были обычными крохотными точками, а пятая посредине - размером с половину горошины. Крейсер и четыре истребителя покидали поле боя с благородной целью отрезать неприятеля от его ближайшей базы.

В космическом пространстве, где скорости были колоссальны, а расстояния - невообразимы, эта тактика никогда не срабатывала, что, однако, не мешало обеим сторонам применять ее при каждом удобном случае. В зависимости от состояния вашего желчного пузыря, это можно было рассматривать или как неиссякаемый оптимизм, или как неизлечимую глупость.

Маленький отряд с максимальной скоростью мчался в засаду, надеясь затеряться в обманчивом звездном лабиринте, пока приближающийся неприятель не разгадает их нехитрый маневр. В это время "Уоссун" со своим сопровождением продолжал двигаться прежним курсом. Впереди, почти у предела радиуса действия локаторов эскорта, четыре эсминца

развивали наступление, даже не пытаясь рассредоточиться или изменить курс.

- Две группы по десять сходятся под углом сорок пять градусов вправо, уклон спуска пятнадцать, - доложили истребители, идущие в авангарде

- Тип? - затребовал "Уоссун".

- Пока неясно.

Шесть часов молчания. Затем:

- Две группы идут тем же курсом, похоже, что в каждой по два тяжелых крейсера и восемь мониторов.

Это было чисто умозрительное предположение, основанное на теории, согласно которой чем ярче объект светится на инфракрасном экране, тем больше корабль. Лиминг смотрел на свои экраны, прекрасно сознавая, что вражеские суда действительно могли быть боевыми кораблями, как предполагали наблюдатели, но они могли с той же вероятностью оказаться и эскортируемыми транспортом. С начала космических войн тихоходные грузовики часто принимали за мониторы.

Медленно, невыносимо медленно двадцать еле заметных точек вползли на его экраны. Теперь локаторы противника могли обнаружить и его корабль, и остальные, боевые суда конвоя. Четверку передовых эсминцев латиане заметили много часов назад; повидимому, столь небольшие силы не вызвали тревоги либо были приняты за своих. Интересно наблюдать за реакцией этих растяп, когда они врежутся в мощную эскадру союзников.

Однако Лиминг не долучил возможности полюбоваться этим зрелищем. Динамик пронзительно заверещал: "Опасность сверху!", и его глаза автоматически метнулись к экранам верхнего обзора. Они были усеяны массой быстро увеличивающихся точек. Лиминг прикинул, что на эскорт пикируют шесть или восемь десятков кораблей, но пересчитывать их он не стал. С первого взгляда было ясно, что вражеские орудия нацелены прямо ему в переносицу.

Лиминг вцепился в рычаги управления. В следующий миг его стройный и тонкий, как спица, корабль задрал нос к зениту и на полной мощности рванул вверх. Перегрузка вдавила Лиминга в кресло, и его кишки попытались обвиться вокруг позвоночника. Он представил, какой эффект произведет на неприятеля его стремительный рывок, и ухмыльнулся. И так, сначала они обнаружат таинственное исчезновение корабля с перекрестья своих прицелов, а затем этот корабль промчится сквозь их строй с невиданной доселе скоростью. Если повезет, они могут подумать, что такой фокус способны выкинуть и остальные суда союзников. Каждого капитана космического флота преследует постоянный кошмар: ему на хвост садится другой, более скоростной корабль. Дюзы, пылающие огнем, - самое слабое место любого судна: в двигательном отсеке надежную защиту установить невозможно.

Лиминг упрямо двигался вперед. Выбранный им курс должен был в конце концов привести его прямо в тыл атакующего противника. Он внимательно следил за экранами. Плотная группа кораблей латиан уже четыре часа приближалась к эскадре союзников; еще немного - и враги окажутся в зоне обстрела.

Но тут их нервы сдали. Непонятная тактика союзников, продолжавших спокойно двигаться вперед, в то время как один корабль кометой мчался в их тылы, заставляла подозревать ловушку. Подозрительность и непоколебимая вера в коварство союзников являлась единственным товаром, в котором Сообщество никогда не испытывало недостатка. Поэтому их корабли внезапно отвернули вправо и разошлись в разных направлениях, как лепестки распускающегося цветка. Очевидно, их локаторы искали другой, более мощный флот, скрывающийся в засаде вне пределов видимости.

Капитан одного из латианских легких крейсеров вдруг понял, что новый курс приведет его в зону обстрела ракет, которыми, предположительно, был вооружен странный сверхскоростной корабль

Лиминга. Он попытался спастись, еще раз изменив курс, и попал под прицел орудий "Уоссуна". Линкор дал залп, и его ракеты точно накрыли крейсер противника. Вспыхнул взрыв чудовищной силы, и тепловая волна на некоторое время ослепила все инфракрасные экраны.

Новый взрыв сверкнул в звездной пустоте, далеко за пределами досягаемости орудий и ракет эскорта; Несколько минут спустя высокий пронзительный голос, искаженный статическим электричеством, доложил, что уничтожен одинокий вражеский эсминец. Эта неожиданная потеря, произошедшая за пределами основного поля боя, утвердила неприятеля в уверенности, что "Уоссун" и сопровождающие его суда - не что иное, как приманка в мышеловке, за которой может таиться нечто гораздо более внушительное. Корабли латиан продолжали быстро расходиться широким конусом, пытаясь одновременно обнаружить скрытую угрозу и не попасть в ловушку. - "Точь-вточь как косяк перепуганных рыбешек", - пробормотал Лиминг. Для сверхскоростного истребителя, способного догнать и расстрелять корабли врага один за другим, уничтожение рассеявшегося флота было бы несложной задачей. Но приходилось мириться с тем, что его безоружный разведчик мог лишь пугать неприятеля, в то время как сам Лиминг изрыгал в адрес латиан тщетные проклятия. На время он совершенно забыл о своей основной задаче, не говоря уже о строгом приказе ни при каких обстоятельствах не ввязываться в космический бой. "Уоссун" быстро напомнил ему об этом резким выговором:

- Пилот-разведчик, куда вы прете, черт возьми?

- Вверх и обратно, - холодно ответил Лиминг.

- От вас больше вреда, чем пользы, - съязвили на "Уоссуне", оставив его подвиги без надлежащей оценки. - Не суетитесь и валяйте дальше, пока все идет хорошо.

Лиминг заорал в микрофон:

- Вы думаете, я не знаю, что только мешаю всем? Плюнь на построении - пойдешь под трибунал! Помни, парень, коммодору ВСЕГДА нужно отдавать честь! Стоять смирно, когда говоришь со мной! Сломанные застежки на штанах - это саботаж! Выше ногу, сонная тетеря, - раз, два, левой, но-о!

Как и прежде, его слушатели ничего не ответили. Лиминг взялся за рычаги; теперь он двигался параллельно эскорту, но значительно выше. На нижнем экране он увидел, как корабли сопровождения начали разворачиваться по плавной дуге, готовясь лечь на обратный курс. Это означало, что конвой покидает его и отправляется домой. Перепуганный враг, до сих пор не рискнувший войти в зону обстрела, должно быть, принял этот маневр за очередную хитрость и продолжал упорно воздерживаться от атаки.

Корабль Лиминга быстро удалялся от эскорта, и вскоре огоньки кораблей сопровождения исчезли с экранов. Впереди и справа показались две новые вражеские группы. Они двигались в плотном строю и на большой скорости; очевидно, это были два торговых конвоя, старавшиеся держаться поближе к крейсерам прикрытия, Лиминг дал им уйти с чувством глубокого сожаления. Будь у него оружие, он налетел бы на этот парад и уничтожил парочку транспортов, пока экипажи крейсеров не успели проснуться! Но теперь он на полном ходу нырнул сквозь передовую линию вражеских кораблей и согласно инструкции направился к неисследованным тылам. Внезапно на его кормовом экране одна за другой сверкнули две вспышки. Далеко позади прекратили свое существование еще два корабля, но определить, чьи они, было невозможно. Он попытался выяснить это, настроившись на частоту конвоя и послав непрерывный запрос: "Что происходит? Что происходит?" Никакого ответа. На экране полыхнул третий взрыв. Лиминг был уже совсем далеко, но, выпустив в эфир кодовый номер своего корабля, попытался наладить связь еще раз. Никакого ответа.

Если сражение еще продолжается, они скорее всего слишком заняты, чтобы отвечать на его запросы. Он многое отдал бы за возможность

вернуться назад, ввязаться в заварушку и добавить к космическому мусору обломки двух-трех латианских посудин. Однако, как заметили с "Уоссуна", его безоружный корабль был бы только обузой в бою.

Раздосадованно покусывая нижнюю губу, Лиминг скорчился в пилотском кресле и хмуро уставился на передний экран. Его корабль стрелой мчался в темноту враждебного космоса. В расчетное время он вышел из зоны радиодосыгаемости эскадры союзников. Теперь ему не смог бы помочь никто.

С первым миром все оказалось проще некуда. Противник был твердо уверен, что ни один корабль союзников не сумеет проникнуть так далеко без дозаправки и смены дюз. Вероятно, поэтому любое судно, обнаруженное в округе, автоматически считалось своим - или, по крайней мере, нейтральным. На подходе к обитаемой системе неприятельские локаторы засекали корабль Лиминга, но никто не удосужился послать радиовывоз, который наверняка выявил бы в нем чужака - ведь пароля он не знал.

Лиминг подобрался к этой системе, пристроившись к небольшому конвою, который возвращался назад со звездного фронта. Он долго двигался за вражескими судами, пока не понял, каким курсом они следуют. Однако он не мог терять дни и недели, плетясь у них в хвосте; поэтому, обогнав караван, Лиминг помчался вперед и наконец приблизился к обитаемой планете - пункту назначения конвоя.

Изучить этот мир оказалось несложно. Он дважды облетел планету по экватору на небольшой высоте, позволявшей вести визуальное наблюдение. Для того чтобы составить полное представление о ее статусе в Сообществе, уровне развития и промышленном потенциале, не нужно было исследовать всю ее поверхность. То, что он увидел на протяжении двух витков, вполне удовлетворило бы разведывательную службу союзников. Он обнаружил три космопорта, два из которых пустовали, а в третьем находились восемь торговых судов неизвестной принадлежности и три боевых корабля Сообщества. Ряд признаков указывал на то, что этот мир густо населен, вполне цивилизован и к тому же обладает значительной военной мощью. Его можно было уверенно отнести к сторонникам Сообщества.

Вернувшись в открытый космос, Лиминг настроился на специальную волну X и по дальней связи передал всю собранную информацию вместе с данными о приблизительных размерах планеты, ее массе и звездных координатах.

- Я снизился и облетел вокруг этой свалки, - сообщил он и, прикрыв микрофон ладонью, скорчился от хохота. На память ему пришла точно такая же ситуация, послужившая поводом к небольшому конфликту во время его первого экзамена. Тогда, отвечая на вопрос о способах изучения вражеских миров, он написал: "Я должен осторожно приблизиться к незнакомой планете и затем очень быстро облететь ее". Листок вернулся обратно с пометкой: "Почему?" Он ответил: "Болтаться там слишком долго было бы вредно для моего здоровья". Это стоило ему десяти баллов и бесстрастного комментария: "Неправильно и неостроумно". Но экзамен он, тем не менее, сдал.

Ответа на сообщение не последовало, впрочем, Лиминг и не ждал его. Он мог без особого риска посылать информацию, но обратные сигналы, направленные с территории союзников в тыл противника, наверняка возбудили бы подозрения. Радиосвязь была узконаправленной, и латианская разведка только и ждала случая перехватить и попытаться расшифровать любое сообщение с передовой союзников. Однако вряд ли посты перехвата обратят внимание на сигналы, посланные с дальней окраины гигантского сектора пространства, контролируемого Сообществом.

Следующие двенадцать населенных планет он обнаружил точно так же, как и первую: определяя направление межзвездных трасс, Лиминг следовал по ним до конечных пунктов. Каждый раз он передавал информацию, и каждый раз ответом ему было гробовое молчания

Внезапно он обнаружил, что тоскует по звуку человеческого голоса; он летел уже достаточно долго для того, чтобы люди перестали внушать ему отвращение. Много дней он был заточен в гроыхающей консервной банке своего корабля. Дни превращались в недели, недели - в месяцы, и мало-помалу его стало одолевает одиночество. В самом деле, куда ни посмотри - звезды без конца и края, планетам нет числа, и ни одной живой души вокруг! Теперь он был бы счастлив услышать даже занудный голос Крутта, отчитывающий его за действительные или мнимые провинности, а сладостные воспоминания о перепалках с начальством приводили его в восторг.

Тяжелее всего давались дни, когда корабль летел по инерции с выключенными двигателями: тишина, бесконечная, безбрежная, почти лишала его рассудка. Он пытался нарушить безмолвие и начинал петь во весь голос или спорить сам с собой вслух. Но это приносило мало радости; его вокальные таланты были ниже всякой критики, а спор он не мог ни выиграть, ни проиграть.

Ночами его мучили кошмары. Иногда ему снилось, что автопилот сломался и корабль во весь опор мчится прямо на раскаленное солнце. Он пробуждался в холодном поту и перед тем, как вновь погрузиться в сон, быстро, но тщательно проверял все приборы. Случалось, что его будил грохот включавшихся двигателей; он вяло лежал в трясущейся койке и прислушивался к их протяжному реву.

Несколько раз в сонных видениях он бежал кудато по гроыхающим, вибрирующим темным коридорам, ощущая за спиной стремительный топот ног, но имелись ли у его преследователей ноги? Он с воплем просыпался - за секунду до того, как его должны были схватить... схватить чем-то, похожим на руки, но он знал, что эти ужасные конечности не были руками.

Возможно, тяготы и лишения дальнего полета переносились бы легче, используй он бортовую аптечку, битком набитую удивительными лекарствами; предназначенными для излечения любого мыслимого заболевания души и тела. Только кто знает, помогут они или нет. Если нет, то все эти средства не стоят выеденного яйца. А если да... тут возникала другая проблема. Лиминг не без причины опасался, что снадобья военных медиков способны вызвать у него эйфорию.

Однажды, перед тем, как лечь спать, он все же проглотил так называемую "нормализующую" таблетку; судя по описанию, она гарантировала избавление от кошмаров и счастливые, увлекательные сны. В результате он провел десять безумных часов в гареме турецкого султана. Сны были до того увлекательными, что проснулся он выжатым, как лимон, и больше никогда эти пилюли не принимал.

Он выслеживал очередной торговый караван в надежде обнаружить тринадцатую планету, когда тишину нарушил живой голос. Лиминг двигался далеко позади и выше группы судов, экипажи которых, чувствуя себя в глубоком тылу совершенно спокойно, видимо, не обращали никакого внимания на радары и не догадывались о присутствии чужого корабля. Лениво покручивая ручку настройки приемника, он случайно обнаружил частоту, на которой велись переговоры между транспортом.

У неведомых существ были громкие, гортанные голоса, а речь их на слух удивительно напоминала земную. Лиминг воспринимал эти таинственные звуки как диалог, который трансформировался в его сознании в знакомые слова.

Первый голос:

- Майор Сморгун поставил пудинг в печь.

Второй голос:

- Когда Сморгун поставил пару свеч?

Первый голос:

- Вчера поставил пудинг, как всегда.

Второй голос:

- Клянусь, приятель, это ерунда.

Первый голос:

- И пусть его умнет зеленый кот. -

Второй голос:

- К чему майору жечь голодный скот?

Следующие - десять минут собеседники вели язвительный спор о зеленых котах и голодных скотах, не забывая упоминать несчастного Сморкуна, его пудинг, гуси и свечи. Лиминг вспотел от напряжения, пытаясь проследить аргументы и контраргументы обеих сторон. Наконец в голове у него что-то щелкнуло и, настроив свой передатчик на нужную волну, он заорал:

- Кретины! Не пора ли вам разобраться с этими котами и скотами?

Наступила мертвая тишина, затем первый голос нерешительно проскрипел:

- Гнорф, пару свеч и пудинг в печь?

Ни в коем случае! - крикнул Лиминг, не давая бедному Гнорфу возможности похвастать своими талантами по части запекания свечей в пудинги. Последовала новая пауза, после которой Гнорф обиженно предложил, не адресуясь ни к кому конкретно:

- Вмазать пудинг тебе в рот?

- Слопай свечку, идиот! - рявкнул Лиминг. Он веселился напропалую.

Первый собеседник прокомментировал:

- Слишком толстая.

- Могу себе представить, - согласился Лиминг.

- Шпиц шприц? - внезапно спросил Гнорф с интонацией, явно означавшей: "Кто там?"

- Майор Сморкун, - отрекомендовался Лиминг. По каким-то таинственным причинам, эта информация вызвала продолжительные дебаты. Собеседники подробно обсудили прошлое бедняги Сморкуна, затем коснулись его будущих перспектив, но постепенно разговор опять вернулся и зеленым котам и голодным скотам.

В определенные моменты спор горячо разгорался вокруг таких насущных проблем, как намерение Смориуна запечь в пудинге дюжину свеч. В конце концов они достигли в этом вопросе взаимного согласия и перешли к анализу способов бить баклуши. Первый утверждал, что это лучше делать днем, второй настаивал на понедельник.

- Боже мой, - выдохнул в микрофон Лиминг.

Должно быть, эти звуки напомнили спорящим что-то близкое, поскольку они внезапно оборвали свой диспут и Гнорф опять поинтересовался:

- Шпиц шприц?

- Пошел-ка ты, лопух, - опять развеселился Лиминг.

- Кто опух? Я опух, энк? - судя по интонации, Гнорф был не на шутку взволнован.

- Ага, - подтвердил Лиминг. - Энк!

Очевидно, это переполнило чашу терпения неведомых собеседников, поскольку их голоса пропали, а с ними исчез даже треск и гул радиопомех. Похоже, Лиминг, сам того не подозревая, умудрился ляпнуть нечто исключительно непристойное.

Вскоре приемник снова ожил, и теперь уже другой гортанный голос запросил на скверном, но беглом космоарго:

- Чья коабл? Чья коабл?

Лиминг не ответил. После долгой паузы голос повторил:

- Чья коабл?

Лиминг не отзывался. Запрос был не закодирован; значит, враг-считал, что поблизости не может находиться чужое судно. Караван продолжал безмятежно продвигаться вперед, не меняя курса и не выказывая видимых признаков тревоги. Очевидно, у них отсутствовали мощные локаторы и они просто не могли обнаружить Лиминга. Запрос "Чей корабль" был сделан, скорее всего, наобум, для проверки - перед тем,

как начинать поиски шутника среди своей компании.

Получив точные данные о курсе противника, Лиминг пулей промчался мимо и в расчетное время приблизился к тринадцатой планете. Он исследовал ее, отправил информацию домой и принялся за поиски следующей. Это не заняло много времени: очередкой обитаемый мир находился в соседней солнечной системе.

Шло время. Лиминг прозондировал обширный участок пространства, принадлежащий Сообществу. Разделавшись с пятнадцатью планетами, он испытал искушение вернуться на базу для отдыха и техосмотра. Этот полет уже сидел у него в печенках. Он мечтал ощутить ароматы Земли, вдохнуть свежий воздух и вкусить радости общения с остальным человечеством. Но корабль находился в отличном состоянии, да и топлива ушло всего пятнадцать процентов. К тому же Лиминга подогривала мысль о возможном продвижении по службе: чем тщательней он выполнит работу, тем больший триумф ожидает его по возвращении. Эти веские соображения заставили его продолжать полет.

Он исследовал в общей сложности семьдесят две планеты, пока не достиг заранее запланированной точки глубоко во вражеском тылу. Отсюда он должен был отправить закодированное сообщение в сторону Ригеля, окруженного аванпостами союзников.

С интервалом в два часа Лиминг передавал единственное кодовое слово "гжи!" - "Готов продолжать. Жду инструкции". На это он мог получить один из двух кратких ответов - или "ворс", то есть "Информации достаточно. Возвращайтесь немедленно", или "жми", значившее "Нам требуются дополнительные данные. Продолжайте разведку".

Но вместо этого он принял отрывистый звуковой всплеск - сжатую серию чисел. Они так быстро сменяли друг друга, что разобрать их на слух он не смог. Лиминг записал сигналы и затем воспроизвел их на медленной скорости. Потом заглянул в шифровальную книгу и с ее помощью прочел: "47926. Пилот-разведчик произведен в звание лейтенанта. Действительно со дня получения".

Лиминг долго глазел на радиограмму, перед тем как снова передать "гжи! гжи!". К своему изумлению, в ответ он услышал "пст!". Он повторил попытку и опять получил "пст!". Это двусмысленное междометие повергло его в недоумение. Тщательно обдумав ситуацию, Лиминг пришел к выводу, что столкнулся с происками некоей радиостанции Сообщества, включившейся в игру с целью его запугать. Теоретически противник вряд ли мог сделать это: ведь Лиминг использовал гораздо более высокие частоты, чем диапазон, который предпочитали латиане. К тому же и его сигналы, и ответные были закодированы. Тем не менее, кто-то это сделал.

Своим далеким слушателям в окрестностях Ригеля он сообщил интересные подробности о физиологических отравлениях майора Сморуна; умявшего в один присест пудинг со свечами: пусть-ка попробуют разобрать, что и чему. Пусть эти тупицы усвоят, что отныне имеют дело не с простым пилотом-разведчиком, а с настоящим лейтенантом. Если же это известие перехватит неприятель, то он, пожалуй, временно прекратит военные действия, чтобы раз и навсегда окончательно разобраться с фокусами таинственного Сморуна.

Заклучив, что домой его не зовут, Лиминг продолжал полет. И лишь четыре дня спустя, листая от скуки шифровальную книгу, он по случайности наткнулся на слово "пст!", означавшее "На ваше усмотрение".

Он решил, что было бы очень неплохо вернуться домой, имея на счету семьдесят две обнаруженные и обследованные планеты, но если их будет круглое число, а именно - сто, то результаты наверняка покажутся более впечатляющими. Тогда его произведут, по меньшей мере, в космические адмиралы; значит, он сможет приказать полковнику Фармеру постричься, а коммодору Крутту - надраить пуговицы. Он будет расхаживать повсюду, бряцая медалями: рядовые и кадеты станут почитать его как святого, а

тыловые крысы за глаза начнут называть свиньей.

Эта картина выглядела так соблазнительно, что Лиминг тут же настроился на вожделенный результат - сто планет, и ни одной меньше! Словно для того, чтобы дать ему возможность поскорее искупаться в лучах славы, в следующей солнечной системе обнаружилось сразу четыре вражеских мира, что увеличило счет до семидесяти шести. Вскоре Лиминг довел его до восьмидесяти. Затем до восьмидесяти одного.

Первые признаки надвигающейся катастрофы обнаружались, когда он приближался к восьмидесяти второй планете.

ГЛАВА 3

На экранах его радаров светились две точки. Они были крупными, но определить, военные это корабли или торговые транспорты, не представлялось возможным. Суда шли в кильватерном строю и явно направлялись в те места, где он еще не был.

Применив свою безотказную тактику, Лиминг некоторое время просто следовал за ними, чтобы выяснить, к какой звезде они держат путь, а затем рванул вперед. Он настолько обогнал эти корабли, что их отметки уже пропали с экранов, как вдруг одна из дюз выплюнула свою внутреннюю обшивку миль на сорок назад. Он понял это, когда на панели управления зазвенел сигнал тревоги, стрелка указателя мощности смахнула влево на полшкалы, а стрелка соответствующего термометра поползла к красной отметке, обозначающей точку плавления.

Лиминг спешно отключил подачу топлива к вышедшему из строя двигателю. Давление в нем тут же упало до нуля; температура поднялась на несколько градусов, затем начала медленно падать.

В хвостовой части корабля размещались двадцать огромных цилиндрических двигателей, окаймленных восемью рулевыми, сравнительно небольшого диаметра. Отказ одного двигателя еще не был катастрофой. Это означало лишь пятипроцентное снижение мощности - и соответствующую потерю функциональной эффективности корабля. На Земле ему говорили, что можно пожертвовать даже восемью двигателями - в случае, если они расположены симметрично: тогда его скорость и маневренность снизятся до уровня латианских эсминцев.

С точки зрения технического превосходства над врагом пока беспокоиться было не о чем. Он все еще двигался так быстро, что по сравнению с ним корабли противника казались космическими черепаками. Тревогу внушало то, что внезапная авария отражающей обшивки одного из основных двигателей являлась сигналом об общем состоянии дюз. Насколько он понимал, следующий двигатель мог полететь в любую минуту, а за ним вскоре последуют и остальные.

В глубине души он чувствовал, что пришла пора разворачиваться к дому, пока все еще не так плохо. С другой стороны, Лиминг подозревал, что до Земли ему уже не добраться, поскольку он слишком долго жег двигатели и залетел чересчур далеко. Похоже, кораблю скоро конец - он был уверен в этом настолько, насколько вообще можно быть в чем-то уверенным.

Но гибель корабля не обязательно означает гибель пилота, даже если ему придется, подобно заблудшей душе, скитаться меж враждебных светил. Предчувствие, говорившее Лимингу, что корабль собирается сыграть в ящик, уверяло его также, что самому пилоту это не грозит. Он прямо-таки сердцем чувствовал, что еще доживет до того дня, когда, фигурально выражаясь, сможет высморкаться в носовой платок полковника Фармера.

Итак, отказавшись от намерения развернуться на обратный курс и поспешить к Ригелю, он упрямо продолжал двигаться к восьмидесяти второй планете, достиг ее, обследовал и передал информацию. Затем Лиминг обнаружил оживленную трассу между этой планетой и соседней солнечной системой; он снова двинулся в путь в надежде отыскать планету номер

восемьдесят три и добавить ее к своему списку. Второй двигатель потерял обшивку на полпути к ней, а третий перед самой целью.

Тем не менее, он облетел этот мир и направился в открытый космос с намерением передать полученные данные, но до этого дело не дошло. Одновременно выгорели обшивки еще пяти двигателей, и он был вынужден срочно сбавить скорость, пока оставшиеся без термозащиты дюзы не расплавили весь хвост.

Судя по тому, что корабль упорно не желал лететь прямо, неисправные двигатели группировались по одну сторону от его продольной оси. теперь Лиминг мог двигаться только по пологой дуге, которая со временем превратится в окружность, замыкающуюся вокруг планеты, которую он только что оставил позади. Вдобавок судно начало медленно вращаться, в результате у Лиминга создалось впечатление, что все звездное небо крутится перед его глазами. В отчаянии он попытался выправить курс с помощью рулевых двигателей, но это вызвало лишь жуткую вибрацию, которая, в сочетании с вращением, чуть не свела с ума. Теперь огненный выхлоп за кормой его судна походил на вытянутую спираль.

Корабль продолжал идти по кривой, пока восемьдесят третья планета снова не показалась в бортовых иллюминаторах. Еще два двигателя выбросили назад длинные светящиеся облака раскаленной керамической пыли. Планета стремительно росла. Полетел еще один двигатель.

Очевидно, как космическое транспортное средство, корабль не оставлял никаких надежд, и лучшее, на что Лиминг мог рассчитывать, - посадить его в целостности и сохранности, дабы спасти свою собственную шкуру. Он собрал все силы, чтобы выполнить эту ответственную задачу. Хотя корабль находился не в лучшем состоянии, им еще можно было управлять, рулевые двигатели работали отлично, а в исправности тормозных, размещавшихся на носу, он не сомневался.

Когда планета заполнила экран переднего обзора и ее бугристая поверхность распалась на горы, холмы и долины, он выключил оставшиеся главные двигатели и, удерживая корабль с помощью рулевых на прямом курсе, начал постепенно сбрасывать скорость. Продольное вращение прекратилось, и темп спуска начал замедляться, но его руки, вцепившиеся в рычаги управления, покрылись испариной.

Несомненно, приземлиться в нормальном, положении - то есть на хвост - ему уже не удастся. Мощности двигателей явно не хватало, чтобы повернуть машину носом вверх и опуститься на огненном столбе регулируемого реактивного выхлопа. Корабль был в том ужасном состоянии, которое диспетчеры космопортов называют "слаб на задницу", а это значило, что пилоту придется садиться на брюхо - причем на той скорости, которая позволила бы до последнего момента сохранять управление.

Лиминг впился глазами в экран, на котором холмы росли, долины раздвигались, а туманный зеленый пушок превращался в ясно различимые вершины деревьев.

Панорама планеты разворачивалась перед ним, будто под огромным микроскопом. Пытаясь выровнять машину перед посадкой, он включил четыре главных двигателя и нижние рулевые.

Нос корабля приподнялся: он проскочил над долиной и перемахнул через надвигавшийся холм на высоте нескольких сотен футов. Пару минут спустя, миновав пятимильную лесную полосу, Лиминг обнаружил шеренгу решетчатых мачт с радиантеннами, большое селение у реки и еще один лес, за которым расстиралось огромное болото. Как раз то, что нужно! Мысленно сотворив короткую молитву и врубив тормозные двигатели на полную мощность, он ввел машину в пологий вираж. Несмотря на этот ловкий маневр, первый удар о землю выбросил его из кресла и швырнул прямо на металлическую стенку кабины. Корабль со скрипом и кряхтением еще скользил вперед, когда Лиминг уже был на ногах. Тело его покрывали многочисленные синяки, но до более серьезных повреждений дело, к

счастью, не дошло.

Пробравшись к пульту управления, он выключил тормозные двигатели и вырубил все энергопитание. Через несколько мгновений корабль потерял скорость и остановился. Наступила полная тишина, о которой Лиминг в последние тревожные недели уже успел забыть. Она буквально давила на барабанные перепонки: каждый вздох казался оглушительным свистом, каждый шаг сопровождался громким металлическим лязгом.

Он подошел к шлюзу и взглянул на показания анализатора атмосферы. Давление наружного воздуха не превышало пятнадцати футов на квадратный дюйм, и состав его оказался сходным с земным - с несколько увеличенным содержанием кислорода. Лиминг миновал шлюз и, встав на закраину люка, увидел в полутора десятках футов под собой поверхность планеты.

Он не мог воспользоваться автоматическим трапом, так как тот должен был опускаться от шлюза к хвосту, а сейчас корабль находился в горизонтальном положении. Конечно, он сумел бы повиснуть на руках и спокойно спрыгнуть вниз, но обратно ему уже не забраться: прыгать в высоту на четырнадцать футов он не умел. Единственное, чего ему сейчас не хватало, - это простой веревки.

- Они продумали все, - громко сетовал Лиминг, ощущая вполне объяснимое желание излить досаду. - Они продумали все на свете. Поэтому на двадцать футов веревки у них мозгов не хватило. Следовательно, мне остается только ее вообразить, а это значит, что я выжил из ума. Каждый, кто разговаривает сам с собой, выжил из ума. Сумасшедший имеет право говорить все, что ему заблагорассудится. И когда я вернусь, я им все скажу и говорить буду долго!

Слегка разрядившись, он вернулся в кабину и начал бесполезные поиски чего-нибудь, что могло бы заменить веревку. Он уже собирался разрезать одеяло на полосы и связать их, когда вспомнил об электропроводке, соединявшей пульт управления с двигательным отсеком. Несмотря на спешку, ему понадобилось полчаса, чтобы освободить провода подходящей длины от клемм и вырвать их из стальных креплений.

Все это время нервы Лиминга были на пределе; он пристально вслушивался в доносившиеся снаружи звуки, ожидая появления врагов. В этом случае пришлось бы включить взрывное устройство и взлететь на воздух вместе с кораблем. Главное, чтобы машина не попала в руки противника; его собственная жизнь по сравнению с этим значила не так уж много.

Естественно, Лиминг не горел желанием превратиться в окровавленный фарш, разбросанный по всей округе, и поэтому работал быстро. Когда он привязал один конец кабеля к замку люка и опустил другой вниз к земле, вокруг никого еще не было видно.

Он спустился в густую, мягкую растительность, слегка напоминающую вереск. Подбежав к кормовой части корабля и бросив взгляд на двигатели, он понял, что ему крепко повезло. Одиннадцать главных дюз уже лишились термозащитной обшивки, а остальные девять были в таком плачевном состоянии, что явно не смогли бы выдержать больше, чем дватри дня постоянной работы.

О том, чтобы произвести ремонт или хотя бы поднять корабль в воздух и перебраться в более укромное местечко, не могло быть и речи. Его многострадальная посудина и так поставила рекорд всех времен и народов, проделав путь сквозь добрую часть галактики, меж чужих солнц и вокруг неведомых планет. Теперь все это в прошлом. Лиминг в тоске поник головой. Уничтожение такого корабля казалось хладнокровным убийством, но другого выхода не было.

Только сейчас он окинул взглядом мир, в котором очутился. Небо было темно-синего цвета, который переходил в пурпурный с тусклой белесой дымкой на восточном горизонте. Солнце, уже перевалившее зенит, казалось больше и красней земного: его лучи слегка обжигали кожу, но Лимингу это было приятно. Верескоподобная растительность покрывала равнину, простиравшуюся к востоку до горизонта, где едва виднелись

первые ряды деревьев. Он мог различить гигантский шрам, прорезанный кораблем в лесу. В полумиле к западу мелкий кустарник тоже сменялся огромными деревьями.

Лиминг опять оказался в затруднении. Тот, кто не подумал о веревке, не учел и следующего: если сейчас взорвать корабль ко всем чертям, то вместе с ним пилот лишится массы вещей, необходимых для выживания - прежде всего, огромного запаса концентратов. Чтобы спасти этот груз, Лиминг должен вытащить его из корабля, перенести и безопасное место и спрятать куда-нибудь, где бы его не обнаружили вражеские патрули.

Идеальным местом для тайника был ближайший лес. Но чтобы сохранить все жизненно необходимое снаряжение, пришлось бы совершить туда несколько ходок, рискуя при этом нарваться на врага вдали от корабля. Если он станет, как намеревался, кочующим с места на место беглецом, то, возможно, ему без труда удастся найти достаточно пищи, чтобы прожить здесь многие годы. Но уверенности в этом не было. О приютившем его мире он пока не знал ничего - кроме того, что в нем существует разумная жизнь и что планета является частью Сообщества или союзником латиан. Единственное, что ему оставалось, - предполагать, что местная форма разумной жизни, как и все остальные известные расы, более или менее человекоподобна.

Понимая, что нужно спешить, он не слишком долго обдумывал ситуацию. Пришла пора действовать, а не размышлять. Лиминг с остервенением взялся за работу. Он начал выбрасывать из шлюза коробки и банки, одну за другой, и занимался этим, пока не очистил всю кладовку.

Патрулей врага, к счастью, все еще видно не было, и Лиминг принялся по частям перетаскивать груз к вершине. Гнетущее беспокойство заставляло его прилагать слишком много усилий всякий раз он пытался унести с собой больше, чем мог ухватить. Путь к лесу усеивали оброненные банки, которые приходилось подбирать при возвращении к кораблю. Поскольку обратно он мчался бегом, останавливаясь только для того, чтобы подобрать упавшие вещи, до корабля он добрался почти бездыханным и уже наполовину нагруженным.

Наконец, взмокнув от усилий, он закончил работу, опять забрался в корабль и в последний раз осмотрелся, прикидывая, что бы еще прихватить с собой. Свернув одеяла, он увязал их в водонепроницаемую накидку; такой узел удобно нести за спиной. С сожалением Лиминг бросил взгляд на передатчик. Конечно, он мог бы послать радиogramму с сообщением, что потерпел аварию на планете номер восемьдесят три; и дать ее координаты. Но это не сулило ему ничего хорошего. Ни один из кораблей союзников, кроме специальных разведывательных машин, не смог бы добраться в такую даль без дозаправки и смены дюз. И даже если бы какой-то корабль умудрился совершить столь длительный перелет, у него оставалось бы не слишком много шансов найти и подобрать одинокого землянина, скрывающегося во враждебном мире.

Убедившись, что ничего стоящего не осталось, он натянул непромокаемый комбинезон, взял под мышку узел и со вздохом нажал красную кнопку на краю пульта. Лиминг знал, что между включением и взрывом должно пройти две минуты, так что времени оставалось немного. Миновав шлюз, он прыгнул вниз, тяжело шмякнулся в кусты и изо всех сил рванул к лесу. К тому времени, когда он добежал до деревьев, ничего не случилось. Скрывшись за стволом толстого дерева, он ждал взрыва.

Секунды тянулись одна за другой. Никакого эффекта. Что-то тут было не так. Возможно, те типы, что позабыли о веревке, забыли и о запасе с детонатором. Время от времени он выглядывал из-за дерева, прикидывая, не вернуться ли ему, чтобы проверить, подключен кабель к взрывному устройству или нет.

И тут корабль взлетел на воздух. Он взорвался с оглушительным грохотом, от которого покачнулись деревья и содрогнулись небеса. Вверх

взметнулся колоссальный столб дыма, огня и бесформенных обломков. Взрывная волна, гнавшая горячий воздух, накатила на ствол дерева, за которым прятался Лиминг; на мгновение он почувствовал, что задыхается. Затем пошел ливень из кусков искореженного металла, падавшего на землю.

Испытывая благоговейный трепет, Лиминг выглянул из-за дерева и увидел дымящуюся воронку, окруженную двумя-тремя акрами выжженной земли. И тут он совершенно ясно осознал, что смотрит, на останки своего корабля, а до Земли - многие миллионы миль.

Когда враги наконец появятся, они наверняка начнут искать пропавший экипаж. Первоначальное обследование этого мира, хоть и проведенное наспех, всего за один виток экватора, показало, что здесь существует высокоразвитая цивилизация. Лиминг обнаружил иосмопорт с пятью торговыми судами и одним легким крейсером Сообщества; правда, все корабли были допотопные. Совершенно очевидно, что туземцы достигли высокого уровня развития и вполне могут сообразить, сколько будет дважды два. Сравнительно небольшая глубина воронки и широкий разброс обломков свидетельствовали, что корабль не потерпел катастрофу, а был взорван после благополучной посадки. Обитатели близлежащего селения могут сообщить, что между появлением корабля над их крышами и последовавшим вслед затем взрывом прошло порядочно времени. Далее, будет установлено, что в этом районе не пропал ни один корабль Сообщества. Исследование обломков выявит, что в них присутствуют чужеродные материалы. Отсюда неизбежно заключение: корабль принадлежал врагу, а его команда, в целостности и сохранности, куда-то скрылась.

Он решил, что имеет смысл убраться подальше от места взрыва, пока неприятельские патрули не начали обшаривать всю округу. Возможно, ему на роду написано быть схваченным, но его дело - постараться оттянуть этот злосчастный день. Главное в жизни - еда, питье и жилище, причем самое главное - все-таки еда. Именно это обстоятельство несколько задержало его отступление. Зато теперь провианта ему хватит на несколько месяцев.

Но одно дело - иметь, совсем другое - сохранить. Во что бы то ни стало он должен найти тайник, к которому мог бы время от времени возвращаться - с уверенностью, что спрятанному добру ничего не грозит. Он углубился в лес, широкими зигзагами двигаясь в поисках подходящего места для временного тайника. Видимость была отличной, поскольку местное светило поднялось высоко, а деревья не слишком мешали обзору.

Он искал тут и там, ворча про себя и награждая непристойными эпитетами тех, кто комплектовал снаряжение разведывательного корабля. Будь у него лопатка, он давно уже выкопал бы тайник и припрятал свои вещички. Но лопата отсутствовала, а копать земли голыми руками било бы слишком долго.

В конце концов он наткнулся на что-то вроде пещеры между толстыми корявыми корнями огромного дерева. Далеко не лучший вариант, но выбирать не приходилось. К тому же он забрался в самую чашу, и это внушало надежду, что обнаружить тайник будет непросто. Немного подумав, он нашел тяжелый булыжник и изо всех сил швырнул его в пещеру. Оттуда не донеслось ни визга, ни воя, ни рычания. Пещера была пуста.

Еще час Лиминг потратил, чтобы перетащить сюда свой запас продуктов и тщательно его уложить. Себе он оставил лишь недельный паек. Когда дело было сделано, он замаскировал вход комьями земли и ветками. Теперь он был уверен, что даже полк вражеских солдат, прочесывая лес, навряд ли найдет его тайник.

Уложив недельный запас продовольствия в небольшой рюкзак и привязав к нему одеяло, Лиминг быстро зашагал к югу, придерживаясь опушки леса. Конкретного плана действий у него еще не было, но он понимал, что нужно поскорее смыкаться, пока не обнаружена воронка от взрыва и неприятельские патрули не начали прочесывать окрестности. Он

сомневался, что поиски будут продолжаться дольше нескольких дней; после этого враги могут поверить в гибель экипажа.

С другой стороны, розыски еще не начались и такое длительное отсутствие интереса к его персоне удивляло Лиминга. Во всяком случае, решил он, вернуться за едой через неделю будет относительно безопасно.

Он шел уже три часа и проделал путь в десяток миль, когда наконец заметил первые признаки активности неприятеля. Он устало тащился между лесом и заросшими кустами торфяником, когда из-за горизонта появилась черная точка, стремительно выросла в размерах и беззвучно пронеслась над ним; через несколько секунд он услышал пронзительный визг.

Двигаясь на такой высоте и скорости, пилот навряд ли сумел его заметить. Лиминг спокойно стоял в тени дерева и наблюдал, как самолет промчался на север. Он опять превратился в крохотную точку, потом повернул и начал круговой облет местности. Насколько Лиминг мог судить, машина кружила над местом взрыва.

Было ясно, что сообщение о взрыве передали куда-то в центр. Теперь, обнаружив место катастрофы, самолет дал радиограмму и начал барражировать над ним. Когда на базе, выславшей машину, получат сообщение о гибели корабля, начнется большой переполох; возможно, местное начальство примет его на свой счет и начнет выяснять, откуда он тут взялся. Если повезет, этот процесс займет некоторое время - пока им не станет ясно, что они имеют дело с чужим судном, скорее всего - вражеским, которое забралось в далекий тыл Сообщества.

В любом случае, теперь они примутся искать уцелевший экипаж с особым рвением, Лиминг решил, что настала пора углубиться в лес, под прикрытием деревьев. Правда, идти придется медленнее, однако там его будет труднее обнаружить. В путешествии по лесу таились две опасности, но с обеими приходилось мириться за неимением лучшего.

Во-первых, он мог сбиться с пути, пойти по кругу и в конце концов вновь очутиться в районе посадки корабля; тогда он попадет прямо в руки тех, кто его там поджидает. Во-вторых, Лиминг рисковал встретиться с неизвестными формами дикой жизни - с плотоядными тварями, обладающими невероятным аппетитом. У него имелось весьма эффективное средство защиты от нападения хищника, но использовать его Лимингу очень не хотелось. Это был пневматический пистолет, стреляющий разрывными капсулами, наполненными отвратительно пахнущей жидкостью. Любое живое существо, вдохнув этот аромат, вывернет желудок наизнанку; та же участь может постигнуть и стрелка, если он не учтет, куда дует ветер.

Некий земной гений пришел к выводу, что трон царя зверей занимает не лев и не гризли, а небольшое кошкоподобное создание - старина Джо Скунс. Каждая его битва с врагами сводится к победоносному отступлению с поднятым хвостом. Другой гений синтезировал жуткую жидкость, в семьдесят раз более мерзкую, чем выделения старины Джо. В результате Лиминг оказался перед выбором: либо удирать от зверя изо всех сил, рискуя при этом очутиться у него в желудке, либо вывернуть свой - за компанию с этим несчастным созданием.

Однако свобода стоит любого риска, так что он углубился подалее в лес и продолжал путь. Спустя примерно час он услышал стрекотание множества вертолетов, пронесшихся над его головой - на север. Судя по звуку, их было довольно много, но он не увидел ни одной машины, так как кроны деревьев заслоняли большую часть неба.

Лиминг решил, что вертолеты наверняка везут поисковые группы в район взрыва. Спустя некоторое время одинокая машина с громким жужжанием медленно пролетела над лесом - так низко, что поток воздуха от ее винтов заставил трепетать верхние ветви деревьев. Вертолет двигался неторопливо, и его гул походил на бодрое жужжание вентилятора. Лиминг замер, прижавшись к шишковатому древесному стволу; стрекот мотора постепенно удалялся. Вскоре он почувствовал усталость и решил передохнуть у поросшего лишайником пригорка. Лимингу казалось,

что он слишком быстро теряет силы; поразмыслив, он пришел к выводу, что этот мир крупнее Земли или обладает большей массой. Он чувствовал, что вес его увеличился сравнительно с земным - процентов на десять или чуть больше. Но, возможно, он просто потерял форму после длительного заточения в корабле. В любом случае скорость его упадет и, соответственно, уменьшится расстояние, которое он сумеет одолеть за день.

И тут до него дошло, что день в этом мире длится значительно дольше, чем на Земле. Заходящее солнце стояло в сорока над горизонтом. Судя по длине дуги, которую светило прошло с момента посадки, местные сутки составляют тридцать - тридцать два часа. Ему придется приспособливаться и такому распорядку - дольше спать и дольше идти. Это будет не так-то просто.

"Полнейшая изоляция. Черт возьми, как это мерзко", - подумал он, поглаживая продолговатую выпуклость под левым карманом своего комбинезона. Эта выпуклость была там всегда, так что он уже почти забыл о ее существовании. Если же Лиминг и вспоминал о ней, то полагал, что все комбинезоны снабжены подобными выпуклостями - по причинам, известным лишь всемирному профсоюзу портных. Внезапно, в порыве гениального озарения, он вспомнил, как кто-то однажды показывал ему на эту самую выпуклость и объяснял, что там хранится аварийный комплект.

Вытащив карманный нож, Лиминг подпорол подкладку и достал небольшую плоскую коробочку из коричневой пластмассы. Рядом с ее ободком была тонкая щель не больше волоска толщиной, но ни замочной скважины, ни кнопки, ни ручки он не обнаружил.

Лиминг пытался открыть коробочку и так и этак, но ничего не получалось. Он пробовал вставить в щель лезвие ножа, чтобы таким образом взломать эту штуку, но нож соскочил, и он лишь поранил себе большой палец. Посасывая его, он свободной рукой стал шарить за подкладкой в надежде найти какие-нибудь инструкции на сей случай.

Единственным зримым результатом розысков была грязь под ногтями. Помянув бога, дьявола и умников из генерального штаба, он в раздражении шваркнул коробку о землю. То ли удар был официально утвержденным способом ее открывания, то ли возымели действия его проклятия; но эта дрянь открылась. Лиминг тут же принялся тщательно исследовать ее содержимое, сулившее ему надежду на выживание.

Для начала он обнаружил крохотный, с горошину, пузырек, украшенный черепом с костями, в котором плескалась желтая маслянистая жидкость. Судя по всему, это был яд - на крайний случай. Если даже не принимать во внимание череп, инстинкт подсказывал Лимингу, что там вряд ли находится приворотное зелье.

Затем на свет появилась вытянутая узенькая бутылочка с содержимым, напоминающим грязноватую слизь. На ней красовалась наклейка с длинным впечатляющим перечнем витаминов, белков и прочих полезных для организма веществ. Когда принимать это снадобье, в каких дозах и сколь часто, судя по всему, нужно было решать самому пациенту - или жертве.

Далее он обнаружил маленькую запечатанную баночку без всяких этикеток. Распечатать ее было невозможно, так как крышка отсутствовала. В баночке могло находиться все что угодно - от лососины до гуталина или шпаклевки. Если бы ему потребовалось зашпаклевать иллюминаторы, чтобы оградить себя от происков врага, он ни за что бы не расстался с таким ценным предметом снаряжения.

Отбросив ее в сторону, Лиминг достал следующую баночку. Она была длиннее, уже и, к счастью, имела крышку. Отвернув ее, он обнаружил внутри головку разбрызгивателя. Он встряхнул баллончик, и ему на ладонь брызнул мелкий порошок, напоминающий перец. Ну, что ж, такая штука будет полезна, если ему придется сбивать со следа гончих собак - которые, конечно, должны водиться на всех планетах галактики. Лиминг

осторожно понюхал ладонь. Порошок пахнул точь-в-точь как молотый перец. Он злобно чихнул, вытер руку носовым платком, закрыл баночку и произнес пару ласковых слов в адрес специалистов космобазы. Результат не замедлил сказаться: платок воспламенился прямо у него в кармане. Лиминг стремительно вытащил его, кинул на землю и затоптал ногами. Снова открыв баллончик, он выпустил из него несколько крупинок на чахлое засыхающее деревце. Минуту спустя оно запылало, стреляя искрами. При этом повалил ужасный дым, так что деревце пришлось немедленно загасить.

Экспонат номер пять говорил сам за себя - если, конечно, вы обладаете ясновидением. Это была очередная бутылочка с бесцветной жидкостью и с этикеткой, на которой значилось: "Две капли на сто фунтов безуглеродной жидкости". Особо зловещий оттенок сему таинственному предписанию придавал опять-таки череп со скрещенными костями. Рассмотрев бутылочку, Лиминг решил, что жидкость является либо ядом, либо сногшибательной приправой из китайского ресторана. Очевидно, если вам предстоит встреча с двадцатидвухтонным носорогом, то следует вычислить необходимую дозу и всапать ее в несчастное животное, предварительно растворив порошок в безуглеродной жидкости. После такого подвига можно не опасаться за свою жизнь: носорог, несомненно, упадет замертво или заснет.

Под номером шестым шла миниатюрная фотокамера, которую можно было спрятать в кулаке. К проблеме выживания она не имела ни малейшего отношения. Должно быть, в этот набор ее включили с совершенно иными намерениями. Вероятно, земная разведслужба решила, что тот, кто выберется живым из враждебного мира, пожелает увезти с собой на память сувениры в виде фотографий. Что ж, приятно думать, что кто-то обладает подобным оптимизмом. Лиминг сунул камеру в карман - не столько в надежде ею воспользоваться, сколько потому что она являлась прекрасным образчиком земной технологии, слишком ценным для того, чтобы его выкинуть.

Седьмой и последний дар оказался самым желанным и, на его взгляд, единственно стоящим: это был компас со светящейся стрелкой. Лиминг аккуратно спрятал его во внутренний карман.

После некоторых размышлений он решил сохранить баночку с самовозгорающимся порошком, а от остальной ерунды избавиться. Он зашвырнул яд и бутылочку с неаппетитным содержимым подальше в кусты; за ними последовала банка с подозрительной шпаклевкой. В результате раздался чудовищный взрыв, поднялся столб пламени и огромное дерево, вырванное с корнями, взлетело футов на двадцать вверх.

Взрывная волна опрокинула Лиминга на землю, но он успел вскочить вовремя, чтобы увидеть, как над вершинами деревьев поднялась струя дыма, похожая на указующий перст. Ясное дело, заметить ее можно было издалека - не хуже, чем аэростат с полотнищем, на котором трехметровыми буквами было бы написано: "ВОТ ОН, Я!"

Лимингу оставалось одно - поскорее сматывать удочки. Схватив свои пожитки, он со всех ног припустил на юг. Он пробежал уже мили две, когда позади раздался бодрый шум вертолета. Немного позже он различил стрекотание еще одной машины, которая, очевидно, садилась там, где он слегка нашалил. Должно быть, в лесу как раз освободилось место для посадки, поскольку баночка со взрывчаткой расчистила достаточное пространство.

Он попытался бежать быстрее, но ему приходилось продирается сквозь кусты, карабкаться по крутым холмам, форсировать овраги и ложбины - причем все это время Лимингу казалось, что у него на ногах сапоги сорок пятого размера.

Солнце садилось, тени удлинялись, и ему опять пришлось остановиться на отдых. Он был совершенно измотан и не имел ни малейшего представления о пройденном расстоянии: двигаться по прямой оказалось невозможным, а блуждания между кустами не давали возможности

правильно оценить путь. Тем не менее, никаких посторонних звуков слышно не было; хотя планета, несомненно, кишела жизнью, он чувствовал себя так, словно был единственным существом во всем космосе.

Передохнув, Лиминг шел до наступления темноты, которую едва рассеивали лишь бесчисленные звезды и две крошечные луны. Тогда он перекусил и лег спать на укромной полянке, завернувшись в одеяла и положив рядом пистолет со зловонными капсулами. Бог его знает, какой зверь мог подобраться к нему посреди ночи; но у Лиминга уже не было сил над этим думать. Что бы ни случилось, человеку непременно нужно поспать - даже если он рискует проснуться в чем-нибудь желудке.

ГЛАВА 4

Убаюканный тишиной и усталостью, Лиминг проспал двенадцать часов. Но сон его был тревожным. Дважды он просыпался, ощущая, что рядом в темноте кто-то крадется. Лиминг лежал, не двигаясь, сжимая пистолет и тараща глаза в ночной мрак, пока его опять не одолевал сон. Пробудившись во второй раз, он увидел в небесах пять лун, причем самая маленькая из них очень быстро передвигалась по небосводу с легким, но различимым свистом. Зрелище было столь мимолетным и неправдоподобным, что он так до конца и не понял, то ли действительно видит его воочию, то ли досматривает очередной сон.

Он хорошо выспался, но до рассвета было еще далеко. Чувствуя прилив бодрости, Лиминг скатал одеяла, посмотрел на компас и попытался продолжить путь на юг. Он шел вперед, время от времени спотыкаясь о невидимые в темноте корни деревьев и проваливаясь по колено в невесть откуда взявшиеся ручьи. Пожалуй, при свете звезд и луны он еще смог бы двигаться по полю. Но не по лесу. Лиминг с сожалением остановился: не имело смысла изводить себя, ковыляя в полумраке по лесным прогалинам, то и дело сменяющимся участками крошечной тьмы. Каким-то образом он умудрился отыскать еще одну поляну и расположился на ней, нетерпеливо ожидая наступления утра.

Когда на горизонте появились первые проблески зари, что-то прошуршало в кустах, ярдах в ста от него. Он нервно вскочил выставил перед собой пистолет, прислушиваясь и посторонним звукам. Кусты шуршали, опавшие листья шелестели, ветки трещали - мимо пробиралась невидимая тварь.

Судя по неторопливо удалявшемуся тяжелому топоту, животное было вялым и грузным. Ничего не различая в темноте, Лиминг не мог понять, проходит ли за кустами целое стадо или только одна зверюга - кошмарное существо вроде колоссального червя, прародителя всех анаконд и удавов. Но, к счастью, тварь не пожелала познакомиться с ним поближе и мирно удалилась.

Наконец рассвело, и Лиминг смог продолжить путь на юг. Он шел до полудня, пока не наткнулся на огромную каменистую впадину в скале, весьма похожую на заброшенную каменоломню. По краям она поросла деревьями, а дно покрывали невысокие кусты, меж которыми извивался прозрачный ручеек. Сверху свисали лианы; их яркая зелень выделялась на серой поверхности камня.

Лиминг насчитал в скале шесть расщелин, которые, вероятно, вели в другие пещеры меньших размеров. Оглядевшись по сторонам, он решил, что нашел себе отличное убежище. Конечно, он не собирался сидеть тут до старости, справедливо полагая, что длительное пребывание в одном месте вряд ли пойдет ему на пользу. Однако здесь можно на время затаиться, переждать вызванную его вторжением суматоху и обдумать план дальнейших действий.

Спуск по крутой, почти отвесной скале на дно впадины оказался совсем не простым делом. Лиминг, однако, был доволен: то, что трудно для него, будет не менее трудным для других и отпугнет любой патруль, который вздумает рыскать в этих местах. Правда, ему не пришлось в

голову, что поисковая группа способна легко достигнуть дна с помощью вертолета.

Вскоре он нашел подходящую пещеру, скинул поклажу и блаженно растянулся на сухом песке. Теперь настало время подумать о горячей пище. Передохнув, Лиминг набрал сухих веток, разжег небольшой костер, налил воды в походный котелок - и приготовил из своих запасов густой суп. Он проглотил это варево вместе с витаминизированными хлебцами и, наевшись до отвала, пришел в благодушное настроение.

Для мотиона он немного побродил по своим затерянным владениям, простирившимся акра на четыре. Вокруг на восемьдесят футов возвышались скалистые стены, над которыми еще футов на двести вздымались кроны гигантских деревьев. Если бы корабль приземлился здесь в обычном вертикальном положении, никто не смог бы разыскать его долгие годы - разве что заметить случайно сверху. Лиминг пожалел, что не обнаружил это место раньше; он наверняка попытался бы сесть тут и сохранить корабль, который можно было бы использовать как дом - а в случае необходимости и как крепость. Неприятелю пришлось бы попотеть, чтобы извлечь его из прочного металлического корпуса; к тому же у него оставались в полной сохранности рулевые и тормозные двигатели, боевая мощность которых не уступала нескольким артиллерийским батареям.

В земле повсюду виднелись какие-то дыры. Подобные отверстия он обнаружил и у подножия каменных стен. Чем-то они напоминали Лимиингу кроличьи норы. Если бы обитатели были похожи на земных кроликов, то можно существенно пополнить запасы продовольствия.

Опустившись на четвереньки, Лиминг заглянул в две-три норы, но не сумел ничего разглядеть. Он нашел длинную тонкую палку и пощуровал ею внутри, но безрезультатно. В конце концов он притаился поодаль и просидел, не двигаясь, часа два. Вдруг из норы появилось нечто смахивающее на толстого лохматого паука; существо заметило его и тут же убралось восвояси. Возможно, оно и было съедобно, но одна мысль об этом вызывала тошноту.

Вдруг ему пришло в голову, что, несмотря на обилие деревьев, он не видел и не слышал ничего похожего на птиц. Если какие-то летающие создания и обитали в лесу, то они вели ночной образ жизни. Кроме того, здесь совсем не было насекомых, что его весьма радовало. В любом незнакомом мире насекомобразные представляли серьезную угрозу для жизни странствующего землянина. На Гипатии, например, существовали жуки-визгуны, которые носились со скоростью шестьсот миль в час. Такой жук мог на лету аккуратно продырявить человека, космический скафандр и все что угодно ничуть не хуже пули, выпущенной из пистолета сорок пятого калибра.

Неподалеку от скал Лиминг обнаружил густые заросли растений, напоминавших земной папоротник. Их огромные перистые листья источали приятный аромат. Он набрал большую охапку, кинул ее на сухой пол пещеры, а сверху расстелил одеяла. Теперь у него была постель - самая мягкая и удобная со времен детства.

Хотя Лиминг тянул вольнку как мог, остаток дня оказался свободным. Он исследовал каменоломню вдоль и поперек, поел, прибрался в пещере, выполнил массу полезных, но совершенно необязательных дел, а солнце все не собиралось заходить. По его подсчетам, до наступления темноты оставалось еще часов шесть. Собственно, ничто не мешало Лимингу завалиться спать прямо сейчас, но тогда пришлось бы бодрствовать посреди столь же долгой ночи. Приспособиться к чужому времени всегда непросто.

Тогда он сел у входа в пещеру и стал размышлять, чем бы заняться в ближайшем будущем. Для начала придется несколько недель потратить, чтобы перетащить запас продовольствия из тайника у места взрыва. Потом, используя пещеру, как опорный центр, стоит произвести вылазки по всем ближайшим направлениям и собрать максимум сведений о потенциале планеты.

Если его исследования покажут, что он способен выжить в этом мире, наступит время более далеких путешествий. Он проведет осторожную разведку населенных территорий и в конце концов найдет космопорт. Может быть, удача улыбнется ему - он сумеет похитить заправленный топливом вражеский корабль и убраться отсюда подобру-поздорову...

Конечно, пока это пустые мечты, шанс на успех - один из тысячи... скорее - из десяти тысяч.. но может же ему выпасть счастливый случай! Да, остается всего-навсего найти этот шанс и заставить его сработать! Но если даже удастся захватить подходящий космический разведчик, все равно остается куча проблем. Отсюда ни один корабль не сможет добраться до ригелианского сектора без дозаправок горючим и смены дюз. Значит, посередине пути ему предстоит украсть еще одно судно. С другой стороны, то, что сделано один раз, всегда можно повторить.. Впрочем, у него так мало шансов вновь увидеть родную Землю, что сейчас не стоит ломать себе голову; лучше положиться на удачу, памятуя о старой поговорке: пока живешь - надейся.

Незадолго до сумерек у него над головой пронесся реактивный самолет, напомнив, что на планете существует разумная и довольно активная жизнь. До сих пор абсолютная тишина и полное отсутствие птиц и насекомых делали ее похожей на курорт для заблудившихся пилотов космофлота. Укрывшись над нависающим карнизом пещеры, он проследил, как небольшое пятнышко пересекло небосвод и исчезло где-то на юге. Чуть позже он залег спать.

Рано утром над ним друг за другом пролетели восемь вертолетов. Следуя цепью на расстоянии сотни ярдов, они проплыли футах в пятидесяти от макушек деревьев. Было решительно непонятно, что надеялись разглядеть пилоты под густой сенью ветвей, но поиск несомненно продолжался.

"Трудитесь, трудитесь", - подумал Лиминг, лениво наблюдая за проплывавшими над его убежищем машинами. Очевидно, они получили приказ осмотреть местность, хотя вряд ли им удастся заметить что-нибудь интересное. Наверняка пилоты радовались временной свободе и отпускали шуточки по поводу дуболома, пославшего их сюда. Можно побиться об заклад что сам он никогда в жизни не видел лес с вертолета, однако благодаря своему рангу имел полное право судить, каким именно способом нужно искать блох в собачьей шерсти. Мысли пачкают мозги - это справедливо в любой части космоса. Лиминг придерживался мнения, что войны не кончаются победой умников, они завершаются поражением той стороны, где остолопов больше. А кроме того, войны продолжаются довольно долго, так как кретинизм обеих противоборствующих сторон примерно одинаков.

К концу четвертого дня у него челюсти сводило от зевоты. Ничего не скажешь, всю жизнь мечтал торчать в пещере. Придется браться за дело. Нужно поскорее встряхнуться и для начала перепрятать запас продовольствия. Он чувствовал - пора заводить эту чертову канитель с перебрской тайника в новую пещеру, подальше к югу.

На рассвете он выступил в путь и как можно быстрее устремился на север. От бодрой ходьбы он так воспрянул духом, что с трудом удержался от желания засвистеть на ходу. Его марш-бросок и так наделал достаточно шума, нет смысла и дальше привлекать внимание патрулей, которые, быть может, уже рыщут по лесу.

Приближаясь к месту посадки, он сбавил шаг. Здесь, как нигде, необходимо быть начеку - кто знает, сколько вражеских патрулей околачивается поблизости. Когда до тайника рукой было подать, он уже крался, перебегая от дерева к дереву, при этом то и дело останавливаясь, чтобы оглядеться и прислушаться.

Лиминг убедился, что тайник в целости и сохранности, и у него отлегло от сердца. Все припасы оказались на месте, в полной неприкосновенности.

Похоже, что враг не объявлялся ни здесь, ни даже в радиусе

пятидесяти миль отсюда. Приободрившись, он решил подойти к опушке и еще раз осмотреть место взрыва. Интересно, хватило ли у туземцев ума забрать обломки корабля, чтобы выяснить их происхождение. Конечно, толку от такой информации немного, но Лиминга разбирало любопытство, а кажущаяся безопасность притупила его бдительность.

Медленно и осторожно, словно кошка, подкрадывающаяся к птичке, он добрался до края леса и оказался ярдах в двухстах от места, где ожидал увидеть воронку. Проскользнув под прикрытием деревьев еще дальше, он замер и, забыв обо всем на свете, устремил взгляд на останки корабля. Вокруг по-прежнему валялись искореженные обломки металла, так что невозможно было сказать, исчезло что-нибудь или нет.

Осмотревшись по сторонам, Лиминг с изумлением обнаружил, что в четверти мили от него, у края леса, выстроились рядком три вертолета. Машины были явно пусты, и вокруг никто не отвечивал, значит, экипаж где-то неподалеку. Волосы у него зашевелились, и он попятился обратно в лес. Но не успел сделать и пары шагов.

За спиной зашуршала палая листва, в позвоночнии уперлось что-то твердое, и хриплый гортанный голос произнес:

- Смудж!

Досадуя на собственную дурость, Лиминг обернулся. Перед ним стоял гуманоид на голову ниже его самого, зато раза в два толще. Мощный, приземистый экземпляр, облаченный в форму мышинного цвета и металлическую железную каску, сжимал в руках некий опасный предмет, напоминающий ружье. Кожа у незнакомца была чешуйчатая, как у ящерицы, над лишенными век глазами выступали роговые наросты. Он смотрел на Лиминга холодным немигающим, взглядом кобры.

- Смудж! - повторил толстяк, подтолкнув его ружьем.

Подняв руки, Лиминг попытался изобразить улыбку и быстро сказал на космоарго:

- Не нужно. Я друг, я свой.

Ни малейшего эффекта. То ли собеседник не понимал космоарго, то ли смекнул, что ему нагло врут. Во всяком случае, выражение крокодильей морды никак не изменилось и в глазах ничего не мелькнуло. Он резко свистнул. Лиминг заметил, что губы его при этом не шевельнулись - казалось, звук идет прямо из горла.

На его зов из леса, по соседству с вертолетами, выскочило еще десятка два солдат. Земля дрожала под ногами, пока они неуклюже, вразвалку, мчались на подмогу. Столпившись вокруг Лиминга, они без всякого любопытства, с нечеловеческим равнодушием уставились на него. Потом залопотали что-то похожее на тот идиотский разговор, в который он встрял во время космического полета.

- Позвольте мне проинформировать гуся!

- Заткнись, не видишь, сколько ног у пороса?

- Я свой, я друг, - снова изрек Лиминг с подобающим случаем достоинством.

Это заявление заставило их дружно замолкнуть. Все как один уставились на него змеиным взглядом, а самый здоровенный осведомился:

- Шпиц шприц?

- Я разведчик Сообщества, прибыл к вам издалева, - увещевал их Лиминг, как будто клялся на невидимой Библии, - так что требую немедленного освобождения.

Его речь снова не произвела ни малейшего впечатления. Никто не улыбнулся, не бросился с поцелуями. Стало ясно, что ни один из них ни слова не знает на космоарго. Совсем темный народ, и вдобавок ни одного офицера на всю команду.

- Нет, вы послушайте.. - начал он, опуская руки.

- Смудж! - заорал взявший его в плен здоровяк, угрожая выставив ружье.

Лиминг снова поднял руки и злобно-уставился на солдат. Теперь они начали быстрый обмен мнениями, в котором почему-то часто упоминались

сыр и запальные свечи, Придя к общему согласию, его обыскали, отобрав все что можно, в том числе и подтяжки.

Потом погнали к вертолетам. Подчиняясь грубой силе, он мрачно плелся вперед, поддерживая руками спадающие штаны. Считалось, что штаны должны держаться сами собой, подтяжки прилагались на всякий пожарный случай. Но за время полета Лиминг заметно похудел, так что талия в обхвате уменьшилась, а демонстрировать неприятелю задницу он решительно не собирался.

Повинуясь команде, он залез в вертолет и тут же быстро повернулся в надежде захлопнуть дверь, оставив конвоиров снаружи, и попытаться взлететь. Не тут-то было. Один из солдат лез за ним по пятам, а когда Лиминг обернулся, тот уже протискивался в кабину. Вслед за ним внутрь набилось еще четверо. Пилот сел в кресло и включил двигатель.

Лопасты винта над головой дрогнули и закружились, постепенно набирая обороты. Машина пару раз подпрыгнула, оторвалась от земли и взмыла в багряное небо.

Путешествие оказалось недолгим. Пролетев над равниной, покрытой лесами и болотами, они снизились над большим селением, которое Лиминг видел сверху всего несколько дней назад. Вертолет мягко сел на бетонную площадку позади унылого здания, которое показалось Лимингу чем-то средним между казармой и сумасшедшим домом.

Солдаты вошли в здание, прогнали пленного по коридору и втокнули в каменный мешок. Тяжелая дверь с крошечным зарешеченным оконцем захлопнулась. В замке повернули ключ. Через минуту в оконце показался один из конвоиров.

- Мы еще загнем Мордотройду салазки, - обнадежил он Лиминга.

- Спасибо, - отозвался тот. - Чертовски любезно с вашей стороны.

Толстяк убрался. Лиминг раз десять обошел свою камеру, потом расположился на голом деревянном настиле, который, вероятно, должен был служить одновременно и сиденьем, и лежанкой. В камере не было даже окна, чтобы выглянуть наружу, да и вообще никакого отверстия, кроме двери. Опершись локтями о колени, Лиминг закрыл лицо руками.

Господи, ну и дурака же он сваял! Ну что ему стоило захватить побольше еды и поскорее сматывать удочки? Казалось бы, такое везенье, тайник оказался цел - ну и будь доволен, хватай вещички и вали. Нет, надо было повсюду совать свой нос и влезть прямехонько в ловушку. Видимо, нервное напряжение от долгого полета или что-то в составе здешней атмосферы ударило ему в голову. Как бы то ни было, он влип - теперь они наделают из него котлет.

Впрочем, что толку гадать о будущем. Он знал, что Сообщество уже захватило несколько сотен пленных, в основном - поселенцев с окраинных планет, на которые напало без всякого предупреждения. Судьба их была покрыта мраком. По слухам, каждый народ, входивший в Сообщество, придерживался собственных принципов обращения с военнопленными - кто более гуманных, а кто и менее. Поскольку про аборигенов этой планеты он вообще ничего не знал, то об их тактике оставалось только догадываться - или же, как в его случае, испытать ее на собственной шкуре.

Ходили разговоры - правда, никто не знал, насколько они соответствуют истине, - что латиане, к примеру, считают настоящими военнопленными только тех, кто попадетс безоружным, а тех, у кого окажется при себе оружие, расстреливают на месте. Даже наличие ножа служит поводом для немедленной расправы, если только его лезвие длиннее среднего пальца руки владельца. Хотя не исключено, что все эти рассказы - сплошное вранье. Космическая служба издавна считалась рассадником неисправимых трепачей.

Лиминг не знал, сколько он так просидел. Часы у него отобрали, а определить по солнцу возможности не было. Через некоторое время охранник открыл дверь и вполне понятным жестом скомандовал ему на выход. Лиминг вышел и обнаружил в коридоре второго охранника. Один

двинулся впереди, второй - следом за пленным. Так они прошествовали по всему зданию и вошли в просторный кабинет.

Его единственный обитатель, начальственного вида тип, сидел за столом, заваленным содержимым карманов пленника. Лиминг приблизился, все так же поддерживая руками штаны. Охранники, демонстрируя тупое усердие, встали по обе стороны от двери.

Сидящий за столом изрек на приличном космоарго:

- Я майор Клавиз. Обращаться ко мне будете почтительно, как к большому начальнику. Ясно?

- Да.

- Ваше имя, чин и личный номер?

- Джон Лиминг, лейтенант, 47926.

- Биологический вид?

- Землянин. Вы когда-нибудь видели землян?

- Вопросы здесь задаю я, - жестко сказал Клавиз, - а вы должны на них отвечать. - Он сделал паузу, чтобы его слова получше дошли до пленника, а затем продолжал: - Вы прибыли сюда на корабле, построенном на Земле, не так ли?

- Конечно, - бодро согласился Лиминг.

Подавшись вперед, Клавиз многозначительно спросил:

- На какой планете вы пополняли запас топлива?

Лиминг молчал: мысли его лихорадочно кружились. Ясное дело, никто не поверит, что он добрался сюда без единой дозаправки. Они убеждены, что ему помогли на какой-то планете, входящей в Сообщество. Теперь от него потребуют выдать предателей. Прекрасная возможность посеять раздор в рядах противника, но - увы! - для него она неосуществима. Ведь он только проводил разведку вражеских территорий и не приземлялся ни на одной из планет. Так что теперь даже ради спасения собственной шкуры он не сумеет сказать ничего конкретного ни об одном из народов, населяющих те планеты Сообщества, которые попались на его пути.

- Только не пытайтесь делать вид, что не знаете - с издевкой предупредил Клавиз.

- И знаю, и не знаю, - ответил Лиминг. - Мне известен только номер планеты - X13173. Но я не имею ни малейшего представления, как вы ее называете или как они сами себя называют.

- Утром мы представим вам подробные карты звездного неба, и вы точно укажете нам ее местонахождение. А пока посоветую вам как следует освежить свою память - За этим последовала еще одна пауза, сопровождаемая немигающим змеиным взглядом. - Вы доставили нам немало хлопот. Мне пришлось прилететь сюда, потому что я единственный на этой планете, кто владеет космоарго.

- А как же латиане?

- Мы не латиане, и вы это прекрасно знаете. Мы - занги. Мы не собираемся рабски подражать обычаям своих союзников. Сообщество - это объединение свободных народов.

- Я понимаю, что вы так считаете, но могут быть и другие мнения.

- Меня совершенно не интересуют другие мнения. И я не намерен обсуждать с вами проблемы межзвездной политики. - Обозрев разбросанное по столу добро, Клавиз выудил из него перечницу. - В момент захвата у вас при себе оказался вот этот контейнер с зажигательным порошком. Его проверили, так что нам все известно. Зачем вы носили его с собой?

- Он входит в мой аварийный комплект.

- Зачем в аварийном комплекте зажигательный порошок?

- Чтобы развести костер, сварить еду или просто погреться, - сказал Лиминг, мысленно проклиная неведомого изобретателя комплекта.

- Не верю. Разве вам не хватило бы зажигалки?

- Зажигалки ломаются, или в них кончается заправка.

- Порошка тоже не хватило бы навечно. Вы мне лжете. Вам он нужен для диверсии.

- За здорово живешь устраивать несколько поджогов в миллионах миль

от дома? Если уж мы бьем Сообщество, то делаем это покруче и с большим толком.

- Возможно, так и есть, - согласился Клавиз. - Но меня далеко не удовлетворило ваше объяснение.

- Если я скажу вам правду, вы мне все равно не поверите.

- Позвольте мне судить об этом.

- Хорошо. Порошок был включен в комплект только потому, что кто-то из больших начальников посчитал это гениальной мыслью.

- Почему он так посчитал?

- Потому что любая его мысль - заведомо гениальная.

- Не понимаю.

- Я и сам не понимаю. Зато он понимает, а это главное.

- Только не для меня, - отрезал Клавиз. - В любом случае мы намерены провести анализ состава этого порошка. Очевидно, от контакта с воздухом он не воспламеняется, иначе носить его с собой было бы слишком рискованно. Для того чтобы воспламениться, он должен войти в соприкосновение с горючим веществом. Корабль, начиненный подобным грузом, способен уничтожить массу посевов. И если поджоги будут продолжаться систематически, то по всей планете может начаться голод, не так ли?

Лиминг промолчал.

- Полагаю, одна из причин, приведших вас сюда, - испытание этого порошка в военных целях.

- Да мы могли бы спокойно испытать его у себя в пустынях, а не переть его через всю галактику.

- Испытание на вражеской территории - совсем другое дело.

- Если бы я волок его сюда для того, чтобы учинить несколько поджогов, то уж наверное прихватил бы тонн сто, а не несколько унций.

Клавиз не нашелся, что возразить, а потому решил перейти в следующем из лежащих на столе предмету.

- Насколько я понимаю, это миниатюрная камера. Замечательный прибор, и сработан искусно. Но ведь съемка с воздуха проще, быстрее и эффективнее, да и заснять можно гораздо больше, чем такой игрушкой. Не представляю, зачем она вам?

- Я тоже, - признался Лиминг.

- Так зачем же вы таскали ее с собой?

- Просто пожалел выкинуть.

Ответ был принят. Взяв камеру, Клавиз положил ее себе в карман.

- Это я могу понять. Она прекрасна, как жемчужина. Отныне камера переходит в мою личную собственность. - Он оскалился - это, судя по всему, должно было означать улыбку победителя. - Военный трофей! - Потом с брезгливой снисходительностью взял подтяжки и подтолкнул к Лимингу. - Можете взять себе. И наденьте сейчас же. В моем присутствии пленный должен быть одет прилично. - Он молча подождал, пока тот справится со штанами, потом продолжил: - Еще у вас нашли компас со светящимся циферблатом. На мой взгляд, единственная полезная вещь.

Лиминг безмолвствовал.

- Кроме, пожалуй, вот этого, - Клавиз взял в руки пистолет-вонючку. - То ли настоящее оружие, то ли просто муляж. - Он пару раз нажал на курок, но ничего не произошло.

Что это такое?

- Оружие, естественно.

- Как же тогда им пользоваться?

- Для начала нужно оттянуть ствол назад.

- И так делают каждый раз?

- Да.

- Значит, это пневматический пистолет?

- Точно.

- Трудно поверить, что ваше начальство снабдило вас таким примитивным оружием, - засомневался Клавиз.

- Не нужно недооценивать этот пистолет, - ответил Лиминг. - У него есть свои преимущества. Ему не нужны патроны. Из него можно стрелять любимыми подходящими по калибру пулями, причем почти бесшумно. К тому же, как средство устрашения он ничуть не хуже любого другого пистолета.

- То, что вы сказали, весьма резонно, - признался Клавиз, - только я сомневаюсь, все ли вы мне сообщили.

- Попробуйте - убедитесь сами, - сказал Лиминг. При одной мысли о подобном испытании его чуть не вывернуло наизнанку.

- Именно так я и намерен поступить.

Перейдя на родной язык, Клавиз сказал что-то одному из охранников.

С некоторой неохотой тот прислонил свое ружье к стене, пересек комнату и взял в руки пистолет. Под руководством Клавиза он упер оружие стволом в пол и налег на него. Под нажимом ствол вошел вовнутрь, потом снова выдвинулся. Направив пистолет на стену, охранник спустил курок. Раздалось шипение. Из дула вылетела крохотная капсула и разбилась о стену, и содержимое мгновенно превратилось в газ. Секунду Клавиз с удивлением смотрел на мокрое пятно. И вдруг ему ударила в нос жуткая вонь. Он позеленел, согнулся пополам и так блеванул, что свалился со стула.

Зажав нос левой рукой, Лиминг правой схватил со стола компас и ринулся к двери. Выстреливший из винтовки охранник и этому времени уже шатался по полу, изо всех сил стараясь вывернуться наизнанку, так что до остальных ему не было никакого дела. Второй страж выронил ружье, прислонился к стене и выдал целую очередь отвратительных звуков. Никто из этой троицы не смог бы сейчас не то что помешать побегу - даже штаны подтянуть.

С зажатым носом Лиминг распахнул дверь, пулей пронесся по коридору и выскочил наружу. Услышав его топот, из помещения появились еще трое охранников. Но тут же остановились как вкопанные и выкатили друг на друга содержимое своих желудков.

На улице Лиминг наконец отпустил нос. Пospешая к вертолету, который доставил его сюда, он, как рыба, жадно хватал свежий воздух. Поскольку в казарме - да и вообще в поселке - в любую минуту могла подняться тревога, а убежать своим ходом он не надеялся, единственным шансом на спасение оставался вертолет.

Примчавшись и нему, Лиминг вскочил в кабину и запер дверцу. За управление незнакомой машиной он не беспокоился, поскольку во время полета внимательно следил за действиями пилота. Все еще тяжело дыша, он завел мотор. Закрутились лопасти. Нервы у Лиминга были натянуты, как пружина.

Из пропитанного вонью входа никто еще не появлялся, но кто-то выскочил из других дверей, расположенных поодакь. Этот тип явно не подозревал, что случилось нечто из ряда вон выходящее. И поэтому был безоружен. Однако быстро смекнул, что застрекотавший вертолет захвачен неприятелем. Он заорал и замахал руками, но винт продолжал наращивать обороты. Тогда солдат нырнул обратно в дом и выбежал с ружьем.

Машина, подпрыгнув несколько раз, наконец взлетела. Внизу, как взрыв петарды, треснул ружейный выстрел. В пластиковой обшивке кабины появились четыре пробоины. Что-то вонзилось Лимингу в мочку уха, потекла кровь. Тахометр на приборной доске разлетелся вдребезги. Пару раз что-то тяжело, как молотом по наковальне, ударило по двигателю, но он продолжал работать. Вертолет исправно набирал высоту.

Нагнувшись, Лиминг посмотрел вниз сквозь продырявленный фонарь кабины. Ранивший его солдат вставлял в ружье новую обойму. Когда вертолет, поднявшись на пятьсот футов, стал быстро уходить, грянул второй залп. Раздался резкий свист, и от хвостового винта отлетел обломок металла, но, к счастью, потеря оказалась единственной.

Лиминг еще раз бросил взгляд на землю. Рядом со снайпером в небо паялилось еще с полдюжины солдат. Но стрелять больше никто не пытался: все равно беглеца уже не достать.

Он все еще смотрел в их сторону, когда вся компания, снова воспользовавшись незагазованным входом, кинулась обратно в дом. Лиминг догадывался, куда они направлялись: скорее всего, в радиорубку.

Поднявшееся было настроение резко упало. Пока он в небе один, но это, по всей вероятности, ненадолго. Главное, чтобы ему хватило времени убраться подальше, приземлиться и вновь продолжить путь по лесу.

ГЛАВА 5

Что и говорить, побег дался ему нелегко. Во многом его положение даже ухудшилось. Раньше, тайком разгуливая по лесу, он мог спокойно выспаться и перекусить. Теперь же весь этот мир знал, что сбежавший землянин на свободе. Глаз на затылке у него нет, так что наблюдать в полете за всем небом не удастся. И даже они не спасли бы его, появись вдруг какая-нибудь сверхскоростная машина, вроде реактивного самолета. Если он, паче чаяния, сумеет незаметно сесть, все равно придется шнырять по лесу безоружным.

Он мысленно проклинал себя за то, что так поспешно выскочил из кабинета Клавица. Судя по всему, стрелявший охранник рухнул прямо на пистолет и накрыл его своим телом. Но у него хватило бы времени оттащить лежащего и снова завладеть оружием. Да еще у двери валялись два ружья, любое из которых можно было прихватить с собой. Конечно, Лиминг понимал, что тогда его единственной заботой было не сделать ни единого вдоха; пока не выберешься на свежий воздух. И все же он награждал себя Орденом идиота.

Да, он мечтал об одном - убраться подальше от тошнотворного зловония, но, пошевеливайся он побыстрее, ничто не помешало бы ему забрать с собой оружие. С другой стороны, кое-что полезное могло оказаться и на борту вертолета. Летя на высоте две тысячи футов, он пытался держать в поле зрения все небо впереди, позади, слева, справа и над собой, да при этом еще и поглядывать вниз. Так что исследовать содержимое кабины пока не было никакой возможности. С этим придется повременить до посадки.

Вот он уже летит над лесом, по которому недавно бродил. И тут его осенило: ведь когда его схватили и увезли, в этом районе оставалось еще два вертолета. Возможно, они уже отбыли на свою неведомую базу. А может быть, все еще находятся здесь, готовые подняться по сигналу тревоги.

Удвоив бдительность, он продолжал осматриваться по сторонам. Машина летела над лесом. Минут через двадцать у горизонта возникла крохотная точка. На таком расстоянии ему не удалось определить, что это: вертолет, реактивный самолет или еще что-нибудь. И надо же: именно в эту минуту двигатель зачихал и выпустил тонкую струйку дыма. Лопастей винта, мгновение поколебавшись, закрутились снова.

Взмокнув от волнения, Лиминг всматривался в далекую точку. Мотор опять сбился с ритма и испустил облако дыма. Точка несколько выросла в размерах, но двигалась она под углом и, похоже, направлялась не в его сторону. Возможно, это был первый вестник воздушной погони, которая вскоре его обнаружит. Тут мотор закашлял, винты замедлили вращение и вертолет стал терять высоту. Время от времени из-под обшивки вырывались клубы смрадного дыма, напоминавшего по запаху горелую рыбу. "Если пуля пробита маслоспровод, - подумал Лиминг, - долго мне не протянуть". Пора снижаться, пока машина не потеряла управление.

Спускаясь, он манипулировал хвостовым винтом в попытке заложить вираж и найти в лесной чащобе подходящее место для посадки. Он снизился до тысячи, затем до пятисот футов, но просвета все еще не было видно. Оставалось только использовать в качестве амортизаторов верхушки деревьев и надеяться на лучшее.

Переключив хвостовой винт на обратный ход, чтобы прекратить

поступательное движение, он плюхнулся на огромное дерево, способное с виду выдержать целый дом. Однако внешность оказалась обманчивой. Огромные ветви, слишком хрупкие, чтобы вынести вес машины, тут же обломались. Под их душераздиравший треск машина стала скачками проваливаться сквозь крону; при этом Лиминг чувствовал себя, как в бочке, громящей вниз по крутой лестнице.

Последний этап падения был самым долгим и завершился в густых зарослях кустарника, которые и смягчили удар. Лиминг выбрался наружу весь в синяках, с разбитой скулой. Задетое пулей ухо кровоточило. Он взглянул вверх. В растительности над его головой образовалась изрядная дыра, но он сомневался, что враг ее обнаружит - разве что с бреющего полета.

Вертолет лежал на боку. С поломанных, искореженных винтов свисала древесная кора и ветки кустарника. Он в спешке обшарил большую шестиместную кабину в поисках чего-нибудь путного. Оружия там не оказалось. Он нашел двадцатидюймовый гаечный ключ из металла, напоминающего бронзу, и прихватил его с собой, решив, что это все-таки лучше, чем ничего. Под двумя задними креслами он обнаружил аккуратные емкости, наполненные местной едой - весьма специфической и не слишком аппетитной на вид. Но сейчас он был так голоден, что согласился бы съесть даже дохлого козла, облепленного мухами. Он попробовал круглый бутерброд из чего-то, видом и вкусом напоминающего пресную лепешку, смазанную тонким слоем белого жира. Ему удалось проглотить этот шедевр местной кулинарии и удержать его в желудке. Теперь Лиминг почувствовал себя веселее. Насколько он мог судить, жир извлекали из беременных ящериц, но ему было уже все равно. Желудок требовал добавки, и он съел еще два бутерброда. Там оказалась целая куча таких бутербродов плюс изрядный запас странных сине-зеленых кубиков, скорее всего пресованных овощей. Была еще банка опилок, запахом напоминавших молотый арахис, а вкусом - дикую смесь говяжьего фарша и водорослей. И наконец, пластмассовая бутылка с какими-то белыми таблетками неизвестного назначения.

Решив на всякий случай не связываться с таблетками, Лиминг высыпал их в траву, но бутылку решил сохранить - сойдет для воды. Банка из-под обезвоженной дряни тоже пригодится: прочная, удобная, она послужит ему кастрюлей. Теперь у него есть и еда, и примитивное оружие; не в чем только перенести добычу. По карманам все не рассовать.

Пока он ломал голову над этой проблемой, в полумиле к востоку по небу протарахтел какой-то летательный аппарат. Как только звук замер, что-то завывало параллельным курсом в полумиле к западу.

Справившись с искушением ринуться к месту, получше укрытому от взгляда сверху, он достал из ящика с инструментом нечто вроде пилы и срезал им обшивку с кресла. Из нее получился отличный мешок, несколько неуклюжий с виду, без лямок и ручек, но зато подходящего размера. Набив его своими плитками, Лиминг в последний раз обыскал покалеченный вертолет и обнаружил, что циферблат яльтиметра закрыт увеличительным стеклом. Ободок вокруг него был прочным и неподатливым, так что Лимингу пришлось попотеть, чтобы виташить линзу.

Под кожухом двигателя он нашел канистру с жидкостью для очистки ветрового стекла. Это была легкая металлическая бутылка емкостью примерно в кварту. Открыв ее, он вылил содержимое и наполнил канистру горючим из бензобака. Это последнее приобретение поможет ему быстро развести огонь. Пусть Клавиш подавится зажигалкой и перечницей; теперь у него, Лиминга, есть кое-что получше. Линза не снашивается и не портится. Он так обрадовался своей добыче, что даже не подумал - ночью-то от линзы никакого прока.

В миле от него снова завывали невидимые реактивные самолеты. Они по-прежнему следовали параллельным курсом, но теперь в обратном направлении. Судя по всему, облаву ведут методично. Другие машины, должно быть, бороздят воздух где-то поблизости. Не обнаружив пропавшую

машину на максимально возможном расстоянии от места похищения, патрули скоро смекнут, что она где-то приземлилась, и начнут ее высматривать, летая на малой высоте. То есть поведут тщательные поиски с бреющего полета

Теперь, когда он подготовился к переходу, его мало трогало, что с воздуха вот-вот обнаружат брешь в листве, а за ней - упавший вертолет. Пока успеют посадить десант, он уйдет уже далеко и затеряется в чащобе. Его беспокоило одно: не оказалось бы у противника специально натасканных тварей, которые смогут пойти по его следу. Ему ничуть не улыбалась мысль встретиться с зангастанским сухопутным осьминогом или какой-нибудь прочей местной живностью. Еще отыщет по запаху и обовьет во сне скользкими щупальцами! Такая участь гораздо больше подошла бы кое-кому из оставшихся дома, на Земле. Здесь эти записные крикуны наверняка бы заткнулись.

Однако пора было приниматься за дело. Взвалив мешок на плечи, Лиминг отправился в путь. К ночи он отошел от брошенного вертолета мили на четыре. Больше он не сумел бы одолеть даже при самом большом желании: света звезд и трех крошечных лун не хватало, чтобы разглядеть дорогу. Все это время оживление в небе продолжалось. Полеты прекратились только с наступлением темноты.

Лучшим ночлегом, который ему удалось найти, оказалась ложбинка между корнями громадного дерева. Из камней и дерна он соорудил на ее краю нечто вроде ширмы, достаточно высокой, чтобы скрыть костер от наземных наблюдателей.

Управившись с работой, он набрал сухих веток, сучьев и листьев. И тут-то; когда все для костра было готово, он вдруг понял, что огонь ему не развести. В темноте от линзы никакого толка; она хороша только днем, при солнечном свете.

Неудача вдохновила Лиминга на длинный поток витиеватых ругательств, после чего он отправился на поиски и в конце концов наткнулся на палку с заостренным концом. Он принялся упорно и энергично вращать ее в трещине сухого бревна. Понемногу в трещине собирался древесный порошок. Так ему пришлось работать двадцать семь минут подряд, налегая на палку всем своим весом. Наконец древесная пыль затеплилась, и от нее пошел тонкий дымок. Лиминг поспешно сунул в тлеющий огонек щепку, смоченную вертолетным топливом, и мгновенно вспыхнуло пламя. Он так обрадовался, как будто в одиночку выиграл сражение.

Теперь у него есть настоящий костер. Потрескивание пламени и вьющиеся над костром искры придали одиночеству Лиминга некоторый уют. Вывалив смесь говядины и водорослей на глянцеви́тый лист размером с половину одеяла, он на три четверти наполнил жестянку водой и поставил ее на огонь. В воду он бросил часть смеси с листа и овощной кубик, надеясь, что из этого выйдет горячий сытный суп. Ожидая, пока сварится еда, он собрал еще дров, сложил их под рукой, подсел поближе к костру и съел бутерброд с жиром.

После того, как суп прошипел на медленном огне, Лиминг снял его, чтобы потом, когда тот остынет, можно было отхлебывать прямо из банки. Когда наконец он попробовал варево, вкус его оказался гораздо лучше, чем можно было ожидать. Суп был густой, крепкий и слегка припахивал грибами. Лиминг съел его до дна, вымыл банку в ближнем ручье, высушил ее рядом с костром и вновь наполнил смесью с листа. Выбрав из своих запасов самые крупные сучья, он положил их в костер, чтобы тот горел как можно дольше, и улегся поблизости.

Он собирался часок-другой поразмыслить над ситуацией и прикинуть планы на будущее, но уже через пять минут убаюкивающее тепло и сытость в желудке совсем сморили его. Лиминг лежал, растянувшись, посреди чаши, над ним вздымалось огромное дерево, вокруг высились его могучие корни, рядом горел костер. А сам он, слегка похрапывая, спал самым глубоким и долгим в своей жизни сном.

Так он проспал десять часов, поэтому пробудиться ему пришлось среди ночи. Открыв глаза, он увидел сквозь кроны деревьев мерцающие звезды, показавшиеся ему на какой-то унылый миг невероятно далекими. Отдохнувший, но озябший, он сел и посмотрел себе под ноги. От костра ничего не осталось. Все сгорело дотла.

Лиминг горько пожалел, что пару раз не проснулся, чтобы подкинуть дров. Но он спал так крепко, словно принял снотворное. Должно быть, что-то из местной пищи подействовало на земной организм усыпляюще.

Подвинувшись и кострищу, он ощупал землю - еще совсем теплая. Тогда, протянув руку, он поворошил горячий пепел. Вспыхнули три-четыре искорки, палец обожгло. Схватив ветку, Лиминг макнул ее в банку с горючим, а потом пошуровал в тлеющей золе. Она вспыхнула, как факел. Вскоре он опять грелся у полыхающего костра. Пережевывая бутерброд, он наконец обратил мысли к делам насущным. Первое, что пришло ему в голову, - он опять крепко просчитался, когда грабил вертолет. Снять всего одну обшивку с кресла! Будь у него хоть капля здравого смысла - содрал бы все, и спальные принадлежности готовы. По ночам ему придется туго без одеял, если только не удастся все время поддерживать огонь. А так завернулся бы в чехлы и дремал себе в тепле.

Проклиная собственную дурость, Лиминг стал прикидывать, не вернуться ли и вертолету, чтобы исправить ошибку. Но все же решил, что риск слишком велик. Один раз он уже попался, вернувшись на место преступления. Нужно быть махровым идиотом, чтобы снова клонуть на ту же удочку. Придется на первое время обойтись без одеял или их замены. А будет дрожать от холода - сам виноват. На то мудрое, дальновидное Провидение и создало глупцов, чтобы переносить тяготы. Так что поделом ему. Свалял дурака - плати отсутствием элементарного удобства.

Конечно, даже самый дальновидный человек может по невезению угодить в ловушку или стать жертвой непредвиденных обстоятельств. Случай всегда работает наобум - то за тебя, то против. Но все равно, чем сильнее тебя бьет, тем живее шевели мозгами, чтобы выпутаться из беды. Препяды для того и существуют, чтобы их преодолевать, а не орошать слезами.

Лиминг напряг извилины и пришел сразу к нескольким выводам. Во-первых, остаться на свободе - это еще не все. Ведь у него нет ни малейшей охоты провести остаток дней в бегах, да еще на чужбине. Нужно как-то выбираться с этой планеты, как говорится, послав ей прощальный поцелуй.

Во-вторых, вырваться отсюда и вернуться на Землю можно не иначе, как на звездолете. Поэтому предстоит решить непростую задачу - всего-навсего умыкнуть подходящий звездолет. Первый попавшийся здесь не подойдет. Ведь он в одиночку не управится ни с военным кораблем, ни с торговым, ни с пассажирским лайнером. Тут не обойтись без целого экипажа. Нужен одно-двухместный разведчик, заправленный под завязку и полностью готовый к длительному полету. Таких полно. Но одно дело - отыскать, а совсем другое - угнать.

В-третьих, даже если каким-то чудом удастся захватить корабль и затеряться в космосе, то он, решив одну большую проблему, тут же вляпается в ничуть не меньшую. Кораблю не добраться до Ригеля, а тем более до Земли, без ремонта и дозаправки. Ни одна из планет Сообщества не станет оказывать ему такие услуги, разве что ему повезет и он наткнется на каких-нибудь наивных идиотов. Единственный выход из ситуации - сесть на планету тайком, бросить отслуживший корабль и угнать новый. А если и этот корабль не сможет выдержать полет до конца, придется опять садиться и захватывать третий.

Перспектива, прямо скажем, безрадостная, один шанс из миллиона. Тем не менее, бывали случаи, когда выпадал именно этот миллионный шанс. Почему бы ему не выпасть и на этот раз?

Существовала, еще одна возможность, но ее он отбросил как нереальную: затаиться в надежде, что война вскоре закончится и его с

миром отпустят домой. Только кто знает, когда это случится. Лиминг понимал, что это может случиться и тогда, когда он будет уже дряхлым старцем, и лет через пятьдесят после его смерти. Все войны на одно лицо: бывают времена, когда кажется, что они никогда не кончатся, и трудно даже представить, что можно жить в мире.

Тут его философские раздумья нарушил чей-то утробный кашель. Из темноты на него уставилось четыре зеленых глаза. Подскочив к костру, он схватил горящую ветку и бросил ее в зверя. Описав огненную дугу, она упала в кусты. Глаза поморгали и исчезли. Послышался шорох. Громоздкая тварь поспешно ретировалась. Постепенно шум замер вдали. Лиминг не разобрал, одна тут была скотина или две, ходила она или ползала, и вообще что это было - зангастанский вариант тигра, рыскающего в поисках добычи, или всего-навсего любопытная буренка. В любом случае, живность исчезла.

Привалившись к стволу дерева, он до рассвета поддерживал огонь, с опаской поглядывая вокруг. Когда взошло солнце, Лиминг позавтракал жестянкой супа и бутербродом. Затоптав угли, он собрал свои пожитки и двинулся на юг. Это направление уведет его от центра поисков, но, к несчастью, отдалит на много миль от тайника с настоящей земной пищей. С другой стороны, путь на юг приближает его к экватору, где при облете планеты он заметил три космопорта. А где порты - там и корабли.

Не прошло и часа с восхода солнца, когда у него над головой промчался реактивный самолет. Чуть позже, едва не задев верхушки деревьев, медленно пролетели четыре вертолета. Пока они не исчезли, Лиминг, припав к земле, лежал под кустами. Потом снова тронулся в путь, и тут его чуть было не обнаружили с легкого вертолета, следовавшего сразу за вертолетами. Он вовремя услышал свист винтов, растянулся за трухлявым бревном и постарался превратиться в бесформенную кочку. Когда эта штука проплывала над ним, он спиной ощутил поток воздуха от ее пропеллеров. Ветви ближних деревьев заволновались, роняя сухие листья. Лимингу пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы не шелохнуться, пока пара немигающих змеиных глаз шарит по земле.

Но пилота удалось провести, и вертолет удался. Лиминг поднялся на ноги, взглянул на компас и двинулся дальше, яростно проклиная все вертолеты, их создателей и пилотов. Они летали медленно, имели небольшой радиус действия и вмещали одного человека. Но опасность заключалась в том, что они были почти бесшумны. Забудь беглец о бдительности, задумайся о своем - и он не ощутит приближения машины, пока не почувствует поток воздуха от ее винта. Судя по столь ранней активности преследователей, можно было предположить, что его побег здорово разозлил какую-то шишку. "Навряд ли это Клавиц, - подумал он. - Майор занимает не такое уж высокое положение. За дело взялся кто-то повыше и чином, и влиянием. Такой наверняка сделал козлов отпущения из бедняги Клавица и всех охранников той казармы". Устало продолжая путь, он гадал, что теперь ожидает Клавица. Похоже, все что угодно. Могут сварить в кипящем масле, а могут и разжаловать в рядовые. В чужом мире трудно измерить дисциплинарные воздействия земными мерками.

Одно ясно как день: если его, Джона Лиминга, опять схватят, о нем позаботятся получше - и примеру, его могут спеленать, как мумию, отрезать ступни или придумать что-нибудь еще поприятнее. У него был один-единственный шанс вырваться на свободу, и он использовал его на все сто. Другого ему никто не даст. У любого народа беглецов считают опасными смутьянами, заслуживающими особого обращения.

Весь день он упорно брел к югу. Раз шесть ему приходилось прятаться, пока то одна, то другая машина не скрывалась из вида. К наступлению сумерек он все еще находился в лесу. Воздушная разведка закончилась. Ночь была точь-в-точь похожа на предыдущую: те же сожаления по поводу отсутствия одеяла и те же сложности с разведением костра. Насытившись, он сидел у ласкающего взор огня, дав долгожданный

отдых усталым ногам и недоумевая, почему враг не додумается организовать ночные поиски. Хоть костер и замаскирован от наземных преследователей, с самолета его обнаружить проще простого. Ему понятно, что мгновенно загасить пламя не удастся.

Следующий день прошел без особых событий. Похоже, что полеты прекратились. Во всяком случае, он не видел ни одной машины. Возможно, его преследователи по каким-то только им одним известным причинам сосредоточили поиски где-то в другом месте. Без всяких помех и проволочек Лиминг одолел приличное расстояние; когда солнце поднялось повыше, он разжег при помощи линзы бездымный костерок и соорудил себе поест. Он плотно пообедал. Местная пища, пресная, но сытная, не наносила его организму никакого вреда. Обозрев остатки провианта, он увидел, что еды хватит еще дней на пять-шесть.

На второй день, к вечеру, он достиг южной границы леса и вышел на широкую дорогу. За ней лежали возделанные поля с редкими постройками, которые он принял за фермы. Милях в четырех над долиной вздымалось нагромождение каменных зданий, окруженных высокой стеной. С такого расстояния он не смог определить, что это - крепость, тюрьма, больница, сумасшедший дом, засекреченный завод или нечто невообразимое, что занги предпочитают скрывать от посторонних глаз. Чем бы это ни было, выглядело оно довольно зловеще. Интуиция подсказывала держись отсюда подальше.

Отступив ярдов на двести обратно в лес, он нашел густо заросшую лошину, присел на бревно и пересмотрел свои планы. Теперь, когда перед ним до самого горизонта, а может быть и дальше, простиралась равнина, по которой, наверное, раскиданы города и поселки, нечего и думать тащиться по ней средь бела дня. На планете, населенной приземистыми квадратными типами с чешуйчатой шкурой, худощавому и светлокожему землянину так же легко сойти за своего, как медведю в церковном хоре. Его опознают с первого взгляда, особенно если по радио и телевидению уже передали его приметы вместе с сообщением о розыске.

В Сообщество входило около двадцати народов, половину из которых занги и в глаза не видели. Но они приблизительно представляют себе, как выглядят их собратья по оружию, и беглого землянина опознают сразу. Шанс надуть врага, выдав себя за неопытного союзника, ничтожно мал; даже если ему и удалось бы запудрить мозги горстке крестьян, все равно бы его, скорее всего, задержали и доставили на проверку ж начальству.

К этому времени лес ему уже порядком надоел: сплошные деревья, глушь, никакой живности. Но теперь он показался надежным прибежищем, защиты которого предстоит лишиться. Дальше придется идти ночами, а спать днем, если, конечно, удастся найти подходящее укрытие для сна. Перспектива не из приятных.

Ясно одно. Если он хочет добраться до космопорта и угнать корабль, придется шагать, невзирая ни на опасность, ни на рельеф. Иначе остается сидеть в лесу, вечно настороже, рыскать по окраинам в поисках пищи и жить отшельником, пока не околеешь.

До конца долгого дня оставалось еще несколько часов. Пока не стемнело, он решил перекусить и слегка вздремнуть. Сказано - сделано. Лиминг достал линзу, разжег небольшой костер и приготовил себе банку горячего супа с парой бутербродов. Потом свернулся калачиком в куче гигантских листьев и смежил веки. Ласково пригревало солнца. Он уже задремал, когда по находившейся рядом дороге прогрохотало с полдюжины машин.

Проснувшись, он яростно виругался в их адрес, закрыл глаза и постарался снова уснуть. Однако вскоре его вновь разбудили звуки проезжавших грузовиков.

Так продолжалось до тех пор, пока в небе не зажглись звезды и две из пяти маленьких лун не бросили призрачный свет на окружающий ландшафт. Наблюдая за дорогой, он стоял в тени дерева, дожидаясь, пока

местные жители улягутся спать - если, конечно, они и вправду ложатся, а не свисают со стропил, как летучие мыши.

За это время мимо проехало еще несколько небольших грузовиков. Освещая путь оранжевыми фарами, они выпускали клубы белого дыма и пыхтели, как игрушечные паровозики. Лиминг решил, что у них паровые двигатели, которые работают, скорее всего, от котлов на дровяном топливе. Но проверить догадку пока не представлялось возможным.

В иных обстоятельствах его ничуть не заинтересовало бы, как действуют заганганские грузовики, но, сейчас это приобрело особую важность могла представиться возможность угнать машину и таким образом облегчить себе путь. Вот только он, первоклассный космический пилот, не имел ни малейшего представления, как управлять машиной на паровом ходу. Режьте его на части - все равно придется сознаться, что он не научился ездить даже на велосипеде.

Размышляя над пробелами своего образования, он решил, что надо быть сущим дураком, чтобы мечтать о возможности угнать машину, задумчиво уставясь в темноту. Человек действия сам идет навстречу шансу, а не ждет, когда его принесут на блюдечке с голубой каемочкой.

Поругивая себя, он нашарил в темноте замечательный гладкий булыжник величиной с кулак и стал ждать приближения жертвы. Однако первая машина проехала в обратном направлении по противоположной стороне дороги. Прошло больше часа, пока не показались еще две, но они тоже шли по дальней стороне шоссе, одна за другой. На той стороне не было ни деревьев, ни кустов, словом, никакого укрытия; оставалось одно - терпеливо сидеть на своем месте, надеясь на удачу.

Ему показалось, что прошла уже целая вечность, когда вдали наконец появилась пара оранжевых огней. Фары увеличивались, свет их становился все ярче, и Лиминг застыл наготове.

Точно рассчитав момент, он выскочил из-за дерева, с силой швырнул камень и отскочил назад в темноту. В спешке и волнении он промахнулся. Камень пролетел всего в дюйме от ветрового стекла и грохнулся на дорогу. Водитель, не заметивший ничего, кроме промелькнувшей неясной тени, беспечно гнал машину дальше, не ведая о том, что его только что чуть не ухлопали.

Отпустив несколько замечаний, скорее выразительных, нежели содержательных, Лиминг подобрал камень и опять встал на стражу. Следующий грузовик проехал одновременно с другим, шедшим в обратном направлении. Лиминг снова спрятался за деревом. Машины разминулись почти напротив его укрытия. Злобно проводив взглядом их удаляющиеся огни, он вернулся на свой пост.

Было уже поздно, и движение по дороге почти прекратилось. Лимингу пришлось ждать довольно долго, пока с его стороны опять не показался свет фар. На этот раз он действовал тщательнее и прицелился точнее. Сделав прыжок, он метнул камень и отскочил. Глухо треснул прозрачный пластик, и в ветровом стекле появилась дыра. Гортанный голос проорал что-то по поводу индюшачьей ноги, что на местном наречии, вероятно, было страшным ругательством. Проехав еще ярдов двадцать, грузовик остановился. Из кабины вылез здоровенный квадратный детина и побежал к задней части грузовика, очевидно полагая, что кого-то сбил. Лиминг только этого и ждал и встретил его с гаечным ключом наперевес. Водитель его даже не увидел. Зайдя за машину, он получил ключом по макушке и, даже не пискнув, повалился наземь. На какой-то миг Лиминг струхнул, решив, что прикончил бедолагу. В принципе, одним зангом больше, одним меньше - разница небольшая. Его заботила собственная судьба. Даже земляне не сишком-то жаловали пленников, совершивших при побеге убийство.

Но, судя по исходившим от жертвы булькающим и хрюкающим звукам, умирать она явно не собиралась. Оттащив тело с обочины под дерево, Лиминг обыскал водителя, но брать было нечего. Пачка бумажных денег землянину ни к чему - все равно потратить их он не сможет.

Тут на горизонте появилась приземистая цистерна с топливом. Ожидая ее приближения, Лиминг сжал в руке ключ, готовый, в зависимости от обстоятельств, драться или дать деру. Однако машина спокойно протарахтела мимо, не проявив никакого интереса к стоящему на обочине грузовику.

Забравшись в кабину, Лиминг осмотрелся и обнаружил, что машина приводилась в движение вовсе не паром, как он сначала подумал. Двигатель продолжал работать, но в нем не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего топку. Единственным намеком на источник энергии был сильный запах спирта, смешанного с ароматизированным маслом.

Опыта ради он ткнул в первую попавшуюся кнопку - фары погасли. Он надавил снова - они зажглись. От нажатия следующей кнопки раздался пронзительный кошачий вой. Следующая не произвела никакого эффекта, и Лиминг решил, что она приводит в действие стартер. Немного повозившись с управлением, он обнаружил, что единственная педаль - это ножной тормоз, а рычаг на рулевом колесе заставляет машину двигаться назад и вперед со скоростью, пропорциональной углу его отклонения. Не было ничего похожего ни на рукоятку передач, ни на переключатель фар, ни на ручной тормоз. Словом, смесь ультрасовременного и допотопного.

Удостоверившись, что сумеет вести машину, он нажал на рычаг. Грузовик двинулся вперед быстро разогнался и покатил с вполне приличной скоростью. Он подвинул рычаг еще - скорость увеличилась. Слева пронесся лес, справа - равнина, а дорога казалась желтой лентой, убегающей под капот. Вот это жизнь! Откинувшись в кресле, он в полном восторге заорал неприличную песню.

Дорога раздваивалась. Не раздумывая, Лиминг выбрал ту, что шла на юг. Она привела его к беспорядочно разбросанной, почти не освещенной деревушке. Выехав за ее пределы, он попал на шоссе, прямой линией рассекавшее долину надвое. Теперь в небе сияли все пять лун и пейзаж приобрел призрачный, угрожающий вид. Снова нажав на рычаг, он помчался еще быстрее.

Миль через восемьдесят Лиминг миновал город. По пути он не раз встречал одиночные машины, продолжая двигаться по-прежнему спокойно и беспрепятственно. Затем проехал мимо высокой каменной стены, окружавшей группу зданий, вроде тех, которые он уже видел раньше. Вглядываясь в темноту, он пытался рассмотреть, охраняется ли стена сверху. Но для этого пришлось бы остановить машину и вылезти из кабины, а такая перспектива ему не улыбалась. Он предпочел, пока не поздно, убраться побыстрее и как можно дальше.

Лиминг уже несколько часов не останавливаясь ехал на полной скорости, когда в небе расцвел огненный бутон и, как багряное перышко, взлетел на фоне звездного неба. Вот перо описало полную дугу, становясь по мере снижения все ярче и крупнее. Приближался космический корабль. Где-то за горизонтом, чуть правее, должен находиться космопорт. Может быть, там, совсем рядом, стоит полностью снаряженный в путь корабль-разведчик и так и просится в полет. При этой мысли Лиминг облизнулся.

Двигатель работал отлично. Машина проехала через оконечность большого леса. Он запомнил место на тот случай, если вскоре придется бросить грузовик и снова передвигаться на своих двоих. Опыт последних дней привил ему растущую привязанность к лесам. Во враждебном мире только они сулили свободу и уединение.

Дорога постепенно сворачивала влево, все более приближая его к предполагаемому местонахождению скрытого космопорта. Грузовик стремительно миновал одну за другой четыре деревушки - тихие, темные, погруженные в глубокий сон. Дорога опять раздваивалась, но на этот раз он оказался в недоумении. Какой путь ведет к космопорту?

Поблизости стоял дорожный указатель, но надпись на незнакомом языке ему ни о чем не говорила. Остановив машину, он вышел и,

насколько это было возможно при тусклом освещении, попытался выбрать верное направление. Судя по состоянию покрытия, правым ответвлением пользовались гораздо чаще. Выбрав именно ее, Лиминг покати́л вперед.

Прошло уже довольно много времени, но космопорт все еще не показывался, и Лиминг начал подумывать, что совершил ошибку. И тут впереди, у горизонта, в небе появилось слабое зарево. Оно исходило откуда-то из-за холма, который сглаживался по мере приближения. Лиминг въехал на перевал и в неглубокой долине увидел множество прожекторов, освещающих здания, бетонные платформы, пусковые шахты и четыре стреловидных корабля, вертикально застывших на поле.

ГЛАВА 6

В пору было бы запрыгать от радости. Но на Лиминга вдруг навалилась усталость и тревога. Осуществление побега казалось теперь совсем не таким простым делом, как он предполагал, - что-то обязательно сорвется.

Свернув на обочину, Лиминг затормозил и выключил свет. Затем изучил обстановку более тщательно. С такого расстояния корабли выглядели слишком крупными для разведчиков, но слишком мелкими и допотопными для боевых судов. Скорее всего, это грузовики, бороздящие космос на случайных рейсах.

Если допустить, что они в полной исправности и готовы к полету, тогда опытный и хладнокровный пилот вполне смог бы поднять такой корабль даже в одиночку. А окажись на нем вдобавок автопилот, можно было бы продержаться несколько дней, а то и недель. Без помощи автоматики он наверняка свалится от усталости задолго до того, как доберется в какое-нибудь подходящее место. С разведчиком такой проблемы не существовало: все одноместные корабли, как правило, начинены электроникой. Лиминг прикинул, что команда такой сравнительно небольшой торговой посудины должна насчитывать никак не меньше двенадцати, но и не больше двадцати человек.

К тому же он видел, что один из кораблей только что приземлился. Значит, по крайней мере один из четырех еще не заправлен и не готов к полету. И кто знает, какой именно... Но все равно корабль в руках стоит десяти в небе. У пилота при одном виде застывшего на старте корабля просто руки чешутся.

Ему не хотелось до последней минуты расставаться с грузовиком, да и по натуре он был склонен к риску. Все это вместе взятое навело Лиминга на мысль, что нет никаких резонов подкрадываться к кораблю, пересекая пешком залитый светом космопорт. Гораздо лучше захватить врага врасплох - въехать в ворота, остановиться прямо у корабля и вскарабкаться по трапу, пока никто не понял, что к чему.

А уж внутри, задраив шлюз, он окажется в относительной безопасности. Им понадобится куда больше времени, чтобы выкурить его оттуда, чем ему для изучения незнакомой системы управления и подготовки к старту. Он засядет в этой металлической крепости и первый же выхлоп из дюз расчистит вокруг площадку радиусом в пару десятков ярдов. У врага есть единственный способ его остановить - подтащить тяжелую артиллерию, продырявить или опрокинуть корабль. Но когда подкатят большие пушки, он уже будет пересекать орбиту ближайшей луны.

Утешаясь подобными мыслями, Лиминг вывел грузовик на дорогу и набрал скорость. Но в то же время в глубине души он прекрасно понимал все безумие своей затеи. Ведь ничего не стоит напороться на пустую, незаправленную ракету, которая взлететь не сможет. Тогда обозленным зангам останется только посиживать вокруг да ждать, пока он сдастся или умрет голодной смертью. Нечего и мечтать, что они окажутся тугодумами и позволят ему перебраться на другой корабль.

Стрелой промчавшись по долине, грузовик сделал пологий вираж и устремился к главным воротам космопорта. Они были почти закрыты, но

между створками оставался промежуток шириной в ярд. По одну сторону стоял вооруженный часовой, а за воротами виднелась сторожка охранников.

Когда грузовик показался в поле зрения часового и с ревом рванулся прямо на него, солдат, вылупив глаза в тупом изумлении, отреагировал как типичная тыловая крыса. Вместо того, чтобы взять автомат наизготовку, он выскочил на дорогу и изо всех сил принялся открывать ворота. Та створка, в которую он упирался, распахнулась как раз вовремя, чтобы пропустить бешено мчащийся грузовик. Тут часовой возмутился: почему водитель не сказал ему ни "привет", ни "проваливай к черту", ни что-нибудь еще, столь же любезное. Потрясая оружием, он неуклюже исполнил боевой танец, сопровождая его злобными выкриками.

Сосредоточившись на управлении и больше ни на что не обращая внимания, Лиминг стал во весь опор огибать космопорт по периметру, направляясь к месту стоянки кораблей. Кучка покрытых чешуей типов, попавшихся ему на пути, бросилась врассыпную, стараясь увернуться от колес.

Еще дальше из ангара выехал низкий длинный автокар, нагруженный топливными баками, и остановился посреди дороги. Водитель так и вылетел со своего места и попытался удрать подальше, когда грузовик, едва не перевернувшись, вильнул мимо.

Выбрав самый крайний корабль, куда врагам пришлось бы дольше добираться, Лиминг затормозил у его кормы, выскочил из кабины грузовика и задрал голову. Где же трап? Обежав вокруг, он обнаружил трап с противоположной стороны и, как перепуганная мартышка, стал карабкаться наверх. Удовольствие сомнительное - все равно, что взбираться по заводской трубе. На полпути он остановился, чтобы передохнуть, и огляделся вокруг. К кораблю бежала сотня фигурок, которые с такой высоты казались совсем крохотными. За ними следовали четыре машины и еще какая-то штука, вроде бронетранспортера. Он полез дальше, стараясь карабкаться как можно быстрее и все же соблюдая осторожность - он был уже так высоко, что каждое неловкое движение могло оказаться роковым.

По мере приближения и верхнему шлюзу его беспокойство нарастало. Еще несколько секунд - и он будет недосыгаем для снайперов. Но враг тоже не дремлет и хоть сейчас может начать обстрел. При одной мысли, что в последний момент его сможет достать шальная пуля, внутри у Лиминга все свело, и он попытался прибавить темп. Он быстро преодолел последнюю дюжину ступенек трапа, добрался до шлюза, и вдруг в его голову уперся какой-то металлический стержень. Удивившись, он поднял взгляд и обнаружил, что смотрит прямо в дуло ружья вполне приличного калибра.

- Шатси, - приказал владелец ружья, указывая вниз - Амаш!

На мгновение у Лиминга мелькнула безумная мысль - повиснуть на одной руке, а другой схватить противника за ногу. Он уже было приготовился к броску, но охранник то ли оказался слишком нетерпелив, то ли разгадал его замысел - только приклад ружья больно стукнул его по пальцам.

- Амаш! Шатси-амаш!

Медленно и неохотно Лиминг стал спускаться вниз. С каждой ступенькой его отчаяние росло. Одно дело, если бы его схватили в начале погони. Но теперь, когда все уже почти позади, когда успех так близок! Тысяча чертей! Ему почти удалось удрать - вот что обиднее всего!

На этот раз его упрячут как следует и вдвойне усилят охрану. И если даже ему удастся опять смыться, шансы покинуть планету теперь равны нулю. Если на каждом корабле засядет вооруженный охранник, то всякий раз, сунув голову в шлюз, он будет снова попадать в ловушку. Видно, он застрял на этой вонючей планете надолго - пока ее не захватит земной десант или пока не кончится война. Любого из этих

событий можно дожидаться десятилетия - или века.

Спустившись вниз, он шагнул на бетонную площадку и обернулся, ожидая удара в живот или оплеухи. Но увидел вокруг сборище чешуйчатокожих.

Солдат с абсолютно непроницаемыми физиономиями. С ними был офицер, казавшийся скорее удивленным, чем озлобленным. Одарив Лиминга немигающим взглядом, он выдал поток непостижимой тарабарщины, закончив ее на вопросительной ноте. Лиминг развел руки и пожал плечами.

Офицер повторил попытку. Лиминг снова пожал плечами и изо всех сил попытался изобразить раскаяние. Сообразив, что установить контакт не удастся, офицер что-то рявкнул в толпу. Тут же объявились четыре вооруженных конвоира, затолкали пленника в бронетранспортер, захлопнули дверь и повезли его в неизвестном направлении.

Приехав на место, они провели его в какой-то каменный дом и сунули в заднюю комнату, приставив для компании пару часовых; еще двое стерегли дверь. Сидя на низком жестком стуле, Лиминг битых два часа пялился в стену и вздыхал. Охранники, скорчившись на стульях и не проронив ни слова, не спускали с него немигающих змеиных глаз.

Наконец солдат принес еду и питье. Лиминг молча проглотил пищу и потратил еще два часа на изучение стены. Все это время его мозг напряженно работал. Туземцы явно не соображали, что изловили землянина. Судя по их поведению, они отнюдь не уверены, с кем имеют дело.

До некоторой степени их можно было понять. На стороне союзников сражались обитатели тринадцати планет; четыре расы были гуманоидными, а еще три очень походили на людей. Сообщество, в свою очередь, являлось случайным и не особенно прочным конгломератом, насчитывающим как минимум двадцать видов, три из которых также походили на обитателей Земли. Ожидая указаний высшего начальства, эта странная крокодилья публика просто не могла разобраться, кто перед ней - друг или враг.

Тем не менее, они были настроены. Лиминг мог себе представить, что происходит, пока он тут просиживает задницу. Скорее всего, офицер снял телефонную трубку - или как это у них называется - и позвонил в ближайший гарнизон. Местный командир быстренько отфутболил его в военный штаб. Про рапорт Клавица там уже и думать забыли, и десятизвездная шишка передаст запрос на главную радиостанцию. Оператор отправит депешу трем союзникам-гуманоидам: не затерялся ли в этом районе след их разведчика?

Когда придет отрицательный ответ, туземцы смекнут, что в их космическую империю залетела редкая птичка. Им это навряд ли придется по вкусу. Тыловым войскам, окопавшимся далеко от линии фронта, обычно достаются все трофеи и никаких забот. Они мечтают только об одном - чтобы и дальше все шло так же тихо и мирно. Внезапное вторжение врага там, где его никто не ждет, нарушит привычный уклад их жизни и, безусловно, вызовет раздражение. Так что на воинские почести ему рассчитывать не приходится. К тому же они вполне могут подумать: сегодня пробрался один разведчик - завтра жди целую армию, Кому же охота получить удар с тыла?

Когда новость дойдет до Клавица, он примчится во весь опор и напомнит, что Лиминга ловят уже не в первый раз, а во второй. Ну и что в конце концов с ним сделают? Лиминг терялся в догадках. Ведь раньше он просто не давал им времени как следует развернуться. Навряд ли его сразу расстреляют. Если они достаточно цивилизованная публика, то сперва устроят перекрестный допрос, а потом засадят его в тюрьму. А если нецивилизованная - тогда откопают Клавица или кого-нибудь из своих союзников, знающих язык Земли, и, не гнушаясь никакими жестокостями, вытянут из пленника все нужные сведения.

В те незапамятные времена, когда конфликты ограничивались одной-единственной планетой, существовало защитное средство, так

называемая Женевская Конвенция. Она предусматривала организацию нейтральной инспекции лагерей для военнопленных, доставку им писем из дома и продуктовых посылок. Теперь ничего подобного нет. У пленника всего два способа защиты: собственные силы плюс слабое утешение, что соотечественники могут, отыгаться на захваченном в плен неприятеле. Причем второе - скорее мечта, нежели реальность. Ведь отыгаться они смогут в том случае, если узнают, что с кем-то из своих в плену жестоко обращаются.

Время тянулось еле-еле. Караул сменялся уже два раза. Еще раз принесли поесть. Наконец он увидел, что за окном темнеет. Украдкой поглядывая в сторону единственного окна, Лиминг решил, что попытаться из него выскочить под прицелом двух ружей - чистое самоубийство. Маленькое оконце находилось так высоко, что в спешке через него не очень-то протиснешься. Как бы ему сейчас пригодился пистолет-вонючка!

Первейший долг пленного - смыться. Для этого придется с нечеловеческим терпением выждать подходящий момент и, как только подвернется удобный случай, использовать его на всю катушку. Один раз это ему почти удалось, так почему бы вторично не попытать счастья? А если пути на свободу нет, нужно его изобрести.

Да, перспектива не из приятных И похоже, скоро она станет еще неприятнее. Знай он туземный язык или любой другой язык сообщества, он бы даже полиглот Клавиза заставил поверить, что черное - это белое. Беззастенчивая наглость имеет свои преимущества. Как знать, может быть, приземлившись, он сумел бы сладкими речами и безграничной самоуверенностью вместе с необходимой дозой нахальства, заставить туземцев отремонтировать ему дюзы и даже пожелать счастливого пути, так что они даже и не заподозрили бы, что оказали услугу врагу. Сладкая мечта, но совершенно бесплодная... Он не умел болтать ни на одном языке Сообщества, что сразу же подрубало ее под корень. Даже младенца не уговоришь расстаться с погремушкой, если вместо слов будешь издавать нечленораздельное мычание. Но должен же быть какой-то шанс! Уж он ухватился бы за него сразу и обеими руками! Если, конечно, противник настолько глуп, чтобы такой шанс предоставить.

Оценивая стражников - так же, как когда-то взвешивал способности офицера, своих первык конвоиров и Клавиза, - Лиминг решил, что они навряд ли принадлежат к интеллектуальной элите Сообщества. Зато у них медвежья хватка и крокодилья злоба - как раз то, что надо, чтобы засадить человека в кутузку и гноить там до скончания веков.

Вот уж ничего не скажешь - прирожденные тюремщики.

Его продержали взаперти четыре дня, с регулярными интервалами доставляя еду и питье. Долгими ночами он спал вполглаза, часами думал и часто угрюмо взирал на своих невозмутимых стражей. Мысленно Лиминг уже изобрел тысячу планов освобождения, рассмотрел их и отверг. Большинство казались надуманными, фантастическими и нереальными.

Однажды он дошел до того, что попытался загипнотизировать охранников, неотрывно глядя на них, пока у самого глаза чуть не закрылись. На них это не произвело ни малейшего впечатления. Как все пресмыкающиеся, они обладали способностью сохранять неподвижность и тупо пялиться в пространство до второго пришествия.

На утро четвертого дня в комнату ввалился офицер, гаркнул "Амаш!" и указал на дверь. Его тон и манеры явно не отличались дружелюбием. По-видимому, кто-то распознал в госте неприятельского лазутчика.

Поднявшись, Лиминг вышел в сопровождении четырех охранников. Двое шли впереди, двое сзади; шествие замыкал офицер. На дороге их поджидал обитый сталью фургон. Лиминга впихнули в кузов и заперли дверь. Два охранника вскочили на заднюю подножку и вцепились в поручни. Третий сел в кабину и водителю. Путешествие длилось тринадцать часов, причем все это время пленник трясся в полной темноте.

Когда машина наконец остановилась, Лиминг уже изобрел новое, на

редкость гнусное словечко. Он не преминул его выпалить, как только отворилась дверь.

- Хлюндик - энк! - заорал он.

- Амаш! - рывкнул охранник, не оценив вклад пленника в словарь бранных выражений, и бесцеремонно подтолкнул его в спину.

- Лиминг неуклюже замаршировал из машины на землю.

Он успел увидеть высоченные стены на фоне ночного неба, а над ними - зарево ярких огней. Потом его провели в железные ворота и дальше, в просторную комнату, где его уже поджидало шестеро типов крайне мрачной наружности.

Один из шестерых подмахнул бумагу, которую вручил ему начальник конвоя. Когда стража вышла, закрыв за собой дверь, все шестеро недружелюбно уставились на пришельца.

Один из них что-то произнес начальственным тоном и знаками приказал Лимингу раздеться.

Лиминг тут же обозвал его хлюндиком вонючим, окопавшимся в тыловом болоте. Однако ничего хорошего из этого не вышло. Шестеро громил схватили его, мигом раздели догола и обыскали всю одежду, обращая особое внимание на швы и карманы. По ходу действия они продемонстрировали замечательную сноровку специалистов, которым уже не раз доводилось выполнять подобную работу и которые знали, что искать и где. Никто не проявил ни малейшего интереса к анатомии чужака, хотя он красовался перед ними в чем мать родила.

Наконец его пожитки положили в сторону, а одежду швырнули обратно. Пока Лиминг облачался, специалисты копались в его башмаках, что-то недовольно бурча. Оставив пленнику минимум, необходимый для того, чтобы прикрыть наготу, и на этом успокоившись, они выпустили его через заднюю дверь, провели по массивной каменной лестнице вниз и втокнули в камеру. Стук захлопнувшейся двери прозвучал как удар судьбы.

Из ночной темноты в густо зарешеченное отверстие, расположенное под самым потолком, пробивался свет восьми звездочек и одной крохотной луны. Нижнюю часть оконца окрашивал слабый желтоватый отблеск наружного освещения.

Ощупью передвигаясь в темноте, он наткнулся на деревянную скамью, стоявшую у стены. Лиминг пошевелил ее - она подалась. Подтащив скамью к отверстию, он взобрался на нее, но выглянуть наружу так и не удалось: не хватало пары футов. Он возился с тяжелой скамьей, пока ему не удалось прислонить ее к стене под углом, потом осторожно поднялся на самый верх и приткнулся к решетке.

С высоты сорока футов открывалось голое вымощенное камнем пространство, которое тянулось вправо и влево, насколько позволял видеть ограниченный обзор. Пространство замыкала гладкая каменная стена, возвышавшаяся до уровня его глаз. Вверху стена заострялась, образуя угол градусов в шестьдесят. Над ней на высоте десяти дюймов был туго натянут ряд гладкой, без шипов, проволоки.

Из невидимых источников, расположенных справа и слева, вырвались мощные лучи света, озаряя всю площадь между тюремным корпусом и наружной стеной, равно как и обширное пространство за ней. И никаких признаков жизни. Только стена, море света, да нависшая ночь с далекими звездами.

Так, значит, я в тюрьме, - произнес Лиминг. - Ну уж это ни в какие ворота!

Он спрыгнул на невидимый пол, и от этого левого толчка скамья рухнула с оглушительным грохотом. Можно было подумать, что он раздобыл ракету и умчался на ней, пробив крышу. По коридору затопали, в тяжелой железной двери открылся глазок, через него брызнул луч света. В отверстии появился зрачок.

- Сач инвигия, фаплап! - гаркнул надзиратель.

Лиминг обозвал его плоскостопым толстозадим хлюндиком и добавил еще шесть слов - более старых, затертых от долгого употребления, но

все еще достаточно выразительных. Глазок захлопнулся. Лиминг лег на жесткую скамью и постарался уснуть.

Через час он стал яростно дубасить в дверь и, когда глазок приоткрылся, выпалил:

- Сам ты фаплап!

Только после этого ему удалось заснуть.

Завтрак состоял из миски чуть теплой каши, напоминавшей перловку, и кружки воды. Подали еду с пренебрежением. Поглощая ее, Лиминг кривился от отвращения: она была еще хуже той мешанины, которой он перебивался, скитаясь в лесах. С другой стороны, тогда у него был не тюремный паек, а пропитание каких-то бедолаг-вертолетчиков.

Немного погодя к нему заявился тонкогубый субъект в сопровождении двух охранников. При помощи множества телодвижений посетитель объяснил, что пленнику надлежит освоить цивилизованную речь, более того, освоить ее срочно, в приказном порядке. Обучение должно начаться незамедлительно.

Озадаченный такой перспективой, Лиминг спросил:

- А где же майор Клавиз?

- Щипнос?

- Почему Клавиз не может присутствовать при переговорах - он что, онемел?

До собеседника наконец дошел смысл вопроса. Тыкая перед собой указательным пальцем, он изрек:

- Клавиз - жир-жир-жир!

- Не понял.

- Клавиз. - жир-жир-жир! - Он несколько раз ударил себя в грудь, сделал вид, что валится на пол, и таким образом дал весьма недвусмысленно понять, что Клавиз отправился на тот свет, причем не без вмешательства высших инстанций.

- Ну и пироги! - изумился Лиминг.

Но наставник уже деловито извлек стопку детских книжек с картинками и начал приобщать Лиминга к знаниям. Охранники тем временем подпирали стенку и явно томились от безделья. Лиминг, со своей стороны, способствовал процессу обучения так, как можно способствовать только врагу: не понимал ни единого слова, не произносил правильно ни единого звука - в общем, не упускал случая продемонстрировать полнейшую лингвистическую непрошибаемость.

К полудню урок закончился, что ознаменовалось прибытием очередной миски каши, в которой плавал кусочек какой-то жилистой дряни - ни дать ни мить, крысиная ляжка. Лиминг выхлебал кашу, пососал мясо и отодвинул миску. Потом стал думать: что скрывается за их намерением обучить его туземной речи?

Прикончив беднягу Клавиза, враг стал жертвой собственной жестокости - лишился единственного на планете знатока космоарго. Возможно, где-то на планетах Сообщества есть и другие, но чтобы вытащить одного из них сюда, потребуется уйма времени и хлопот. Кто-то сваял дурака, подписав Клавизу смертный приговор, а теперь старается исправить промах, обучая пленника чирикать по-своему.

Очевидно, у противников нет ничего похожего на электронные средства допроса, распространенные на Земле. Значит, они могут извлекать информацию только обычным методом вопросов и ответов, усиленным неизвестными мерами воздействия. Им нужны сведения - и они постараются их заполучить во что бы то ни стало. Чем больше он станет тянуть с освоением их языка, тем дапьше отодвинет день, когда ему устроят допрос с пристрастием - если, конечно, он правильно угадал их намерения.

Его размышления прервал приход охранников. Они отперли дверь и приказали Лимингу выходить. Проведя пленника по коридору и вниз по лестнице, они выпустили его в просторный двор, по которому бесцельно слонялись под ярким солнцем какие-то существа. Лиминг так и замер от

изумления.

Ригелиане! Их тут не меньше двух тысяч.

Союзники, боевые соратники Земли! С нарастающим волнением он стал присматриваться к ним, пытаясь отыскать в толпе более знакомые черты. Ну хотя бы парочку землян. Или, на худой конец, несколько человекоподобных центраврийцев.

Но тщетно. Вокруг шлепали на своих подгибающихся конечностях одни пучеглазые ригелиане, и видок у них был такой безотрадный, будто позади бесцельно прожитая жизнь, а впереди - ни малейшего просвета.

И все же Лиминг с первого взгляда почувал: что-то в них не так. Они видели его так же ясно, как и он их. Он, единственный землянин, космический союзник, должен был вызвать их законный интерес. Им бы столпиться вокруг него, забросать вопросами о последних событиях, поделиться новостями.

Как бы не так. Ни один из них даже ухом не повел. Держались так, будто появление землянина их совершенно не трогает. Лиминг намеренно неторопливо прошелся по двору, просто напрашиваясь на проявление братских чувств. Ригелиане расступались, некоторые посматривали украдкой, но большинство притворялось, что в глаза его не видят. И ни единого дружеского слова. Похоже, они сознательно устроили ему бойкот.

Он настиг в углу двора кучку ригелиан и, почти не скрывая злости, выпалил:

- Кто-нибудь из вас говорит на земном?

Они пялились на небо, на стену, на землю, друг на друга и молчали.

- Кто-нибудь знает центраврийский?

Не отвечают.

- А как насчет космоарго?

Молчание.

Потеряв терпение, Лиминг перешел к другой группе. Бесплезно. За час он забросал вопросами две-три сотни ригелиан и не получил в ответ ни единого слова. Он был совершенно ошарашен. В их повадке не было ни презрения, ни враждебности - что-то совсем другое. Пытаясь рассуждать логически, он пришел к выводу, что по неизвестным ему причинам они держатся настороже и боятся вступать с ним в разговор.

Сидя на каменной ступеньке, он наблюдал за ними, пока пронзительный свисток не возвестил окончание прогулки. Ригелиане построились в длинные шеренги, готовясь вернуться в свой барак. Тюремщики дали Лимингу пинка под зад и загнали обратно в камеру.

Он на время отложил загадку странного поведения союзников. Думать будем, когда стемнеет - больше-то делать нечего. Оставшиеся светлые часы он решил посвятить изучению книг, чтобы уйти далеко вперед в освоении туземного языка, в то же время притворяясь отстающим.

Не исключено, что когда-нибудь беглость речи ему весьма пригодится. Жаль, что он не удосужился выучить, к примеру, ригелианский...

И он с головой ушел в работу, пока с наступлением темноты буквы и картинки не стали сливаться. Лиминг проглотил вечернюю порцию варева, а потом растянулся на скамье, закрыл глаза и напряг извилины.

За всю свою сумбурную жизнь он встретил не больше двух десятков ригелиан. И никогда не был ни в одной из их трех тесно сгрудившихся солнечных систем. То немногое, что он о них знал, было основано на слухах. Про ригелиан говорили, что они обладают высоким уровнем умственного развития, что они хорошие работники и издавна, еще со времен первого контакта, состоявшегося уже почти тысячелетие назад, проявляют к землянам неизменное дружелюбие. Пятьдесят процентов ригелиан владеют космоарго, а около одного процента знает язык Земли.

Значит, если верить этим цифрам, несколько сотен типов во дворе должны его понимать - не на одном языке, так на другом. Почему же они шарахаются от него и помалкивают? И почему демонстрируют такое трогательное единодушие?

Решив во что бы то ни стало разгадать эту головоломку, Лиминг изобрел, рассмотрел и отбросил дюжину теорий - в каждой оказывался какой-нибудь изъян, не выдерживающий проверки. И только часа через два он наткнулся на очевидную разгадку.

Ведь ригелиане - пленники, их лишили свободы на неопределенный срок. Кто-то из них, возможно, раз-другой и видел землянина, но все они знают, что в рядах Сообщества есть несколько народов, внешне напоминающих людей. Они не могут с уверенностью сказать, что Лиминг - именно землянин, и не хотят рисковать, а вдруг он окажется шпионом, подсадной уткой и попытается выведать их замыслы.

Это, в свою очередь, означает кое-что еще. Если целая толпа пленных чересчур подозрительно настроена к предполагаемому предателю, значит, им есть что скрывать. Вот оно! Он даже хлопнул себя по колену от удовольствия. Ригелиане вынашивают план побега и не хотят рисковать.

Они слишком давно томятся в неволе, так что заключение им по меньшей мере осточертело, а по большей - довело до полного отчаяния и попытки к бегству. Обнаружив выход или находясь в процессе его поиска, они не желают подвергать свой замысел опасности, откровенничая с чужаком сомнительного происхождения. Теперь весь вопрос в том, как рассеять их подозрения, завоевать доверие и добиться, чтобы его приняли в компанию. Придется как следует поломать голову.

На следующий день, в конце прогулки, один из стражей профессионально замахнулся увесистой задней конечностью и наградил Лиминга дежурным пинком. Лиминг проворно обернулся и заехал ему в физиономию кулаком. Четверо охранников вскочили и задали провинившемуся хорошую трепку. Причем постарались на совесть, так что никто из наблюдавших эту сцену ригелиан не мог принять ее за обычный спектакль. Получился наглядный урок, чего Лиминг в сущности и добивался. Бесчувственное тело выволокли со двора и потащили по лестнице. Лицо у Лиминга было разбито в кровь.

ГЛАВА 7

Только через неделю Лиминг смог снова показаться во дворе. Доверие досталось ему тяжелой ценой - на лицо его все еще страшно было смотреть. Он побродил в толпе ригелиан - как прежде, без всякого успеха, - выбрал уютное местечко на солнышке и уселся.

Вскоре один из пленных устало растянулся на земле в нескольких метрах от него и, не спуская глаз со слонявшихся поодаль охранников, тихо, почти шепотом, спросил:

- Ты откуда?

- С Земли.

- Как сюда попал?

Лиминг вкратце поведал ему свою историю.

- Как дела на фронте?

- Мы медленно, но верно тесним их. Но до окончательной победы еще далеко.

- Ты думаешь, война протянется еще долго?

- Не знаю. Трудно сказать - Лиминг с любопытством разглядывал собеседника. - А ваша команда как здесь оказалась?

- Мы не военные. Штатские колонисты. Наше правительство послало передовые отряды, одних мужчин, на четыре новые планеты, принадлежащие нам по праву первооткрывателей. Всего двенадцать тысяч человек - Ригелианин промолчал, внимательно огляделся, примечая, где находятся тюремщики. - Сообщество бросило на нас войска. Это случилось два года назад. Все закончилось очень быстро. Мы не ждали нападения и были почти безоружны. Мы даже не знали, что идет война.

- И они снова захватили ваши четыре планеты?

- То-то и оно. Еще и поиздевались над нами всласть.

Лиминг понимающе кивнул. Циничный и безжалостный захват - вот первопричина той страшной войны, которая распространилась теперь на большой участок галактики. На одной из планет колонисты оказали героическое сопротивление и все до одного погибли. Возмущенные этой бойней союзники нанесли ответный удар и теперь успешно теснили противника.

- Ты сказал - двенадцать тысяч. Где же остальные?

- Раскиданы по тюрьмам, вроде этой. Ты, конечно, выбрал отменную каталажку, чтобы пересидеть войну. Сообщество сделало эту планету своей главной тюрьмой. Она вдали от зоны боевых действий, навряд ли ее вообще обнаружат. Туземцы мало годятся для космических войн, зато вполне сойдут для того, чтобы охранять пленных. Они спешно строят огромные тюрьмы по всей планете. Если война затянется, эта космическая каталажка будет набита под завязку.

- Так ваша компания загорает здесь уже два года,

- Да, а кажется, что уже десять.

- И вы что же, ничего не предпринимали, чтобы смыться отсюда?

Ничего особенного, - согласился ригелианин. - Но и этого было достаточно, чтобы расстреляли сорок человек.

- Сочувствую, - искренне сказал Лиминг.

- Не бери в голову. Я прекрасно понимаю, каково тебе. Первые недели - самые тяжелые. Одна мысль, что тебя посадили на веки вечные, может свести с ума, если не научиться воспринимать ее философски. - Он огляделся и заметил здорового охранника, несущего караул у дальней стены. - Пару дней назад этот лживый боров хвастал, что на планете уже двести тысяч заключенных, и еще добавил, что через год их будет два миллиона. Надеюсь, что он до этого не доживет.

- Я отсюда свалю, - сказал Лиминг.

- Как?

- Пока не знаю. Но все равно свалю. Не гнить же здесь заживо. - Он с надеждой ожидал чего-то от собеседника - например, что и другие чувствуют то же самое, или, может быть, едва уловимого упоминания о грядущих переменах, намека, что и он сможет принять в них участие.

Поднимаясь, ригелианин пробормотал:

- Что ж, желаю удачи. Тебе понадобится много сил.

Так ничего и не открыв, он засеменил прочь.

Раздался свисток, охранники заорали:

- Мера, фаплапы! Амаш!

На этом все закончилось.

Следующие четыре недели Лиминг часто беседовал с тем же ригелианином и с двумя десятками других, получая от них кое-какие отрывочные сведения. Но все они становились странно уклончивы, стоило ему поднять вопрос об освобождении. Они были дружелюбны, даже сердечны, но неизменно держали рот на замке.

Однажды, беседа с одним из них, Лиминг спросил:

- Почему нужно обязательно разговаривать со мной украдкой и шепотом? Ведь охранникам, похоже, до лампочки, когда вы болтаете между собой.

- Тебе еще не устраивали перекрестного допроса. Но если они заметят, что мы слишком много с тобой разговариваем, то постараются вытянуть из тебя все, что мы сказали, и будут особенно интересоваться, не хочет ли кто-нибудь устроить побег.

Лиминг сразу же ухватился за милое ему слово.

- Да ведь побег - как раз то, ради чего стоит жить. Если кто-то хочет попытаться, я, быть может, смогу помочь. Я опытный космолетчик, а это что-то да значит!

Но собеседник сразу же охладил его пыл.

- Ничего не выйдет.

- Но почему?

- Мы в этой каталажке уже давно и усвоили многое из того, чему

тебе еще только предстоит научиться.

- Например?

- Мы заплатили тяжелую цену за то, чтобы узнать - попытка побега проваливается, когда о ней знают слишком многие. Какая-нибудь подсадная утка обязательно выдаст. Или найдется самовлюбленный болван, который все испортит, начав в неподходящий момент.

- Но ведь я-то не подсадная утка и не болван? Я не такой кретин, чтобы самому отрезать себе путь к свободе.

- Так-то оно так, - согласился ригелианин. - Да только заключение диктует свои, особые условия. Вот одно твердое правило, которое мы здесь ввели: план побега - исключительная собственность тех, кто его задумал, и только они могут осуществить попытку, используя свой метод. Больше никому об этом не сообщают. И никто ничего не знает, пока не начнется заваруха. Секретность - это тот защитный экран, который потенциальные беглецы должны поддерживать изо всех сил. И они ни на миг не позволят ни единой душе заглянуть в него, даже землянину, даже опытному космолетчику.

- Значит, я сам по себе?

Боюсь, что так. Ты в любом случае сам по себе. Мы спим в общих бараках, по пятьдесят человек в каждом. А ты один в своей камере. Ты ничем не сможешь нам помочь.

Что ж, тогда я раскрепрасно помогу себе сам! - сердито бросил Лиминг.

На этот раз первым ушел он.

Он томился в неволе уже тринадцать недель, когда учитель преподнес ему неожиданный сюрприз, можно сказать, фейерверк. Заканчивая урок, который отличался от других разве что особой тупостью Лиминга, учитель нахмурился и слегка подался вперед.

- Вам, вероятно, нравится рядиться в одежды идиота. Что же, по-вашему, я тоже идиот? Как бы не так! Меня не проведешь - вы усвоили гораздо больше, чем прикидываетесь. Через семь дней я доложу коменданту, что вы готовы к экзамену.

- Повторите, пожалуйста, - попросил Лиминг, изобразив на лице растерянность.

- Через семь дней вас будет допрашивать комендант.

- Меня уже допрашивал майор Клавиз.

- Это было на словах. А теперь Клавиз мертв и у нас нет никаких записей ваших показаний.

Дверь за ним захлопнулась. Принесли кашу и желтушный шматок какой-то жесткой дряни. Похоже, местный провиантский отдел прямо-таки одержим идеей доказать, что крысиные ляжки - вполне съедобная пища. Подошло время прогулки.

- Мне сказали, что через неделю меня пропустят через мясорубку.

Не бойся, - успокоил его ригелианин. - Им ведь прикончить тебя - раз плюнуть. Их удерживает только одно.

- Что же именно?

- У союзников пленных тоже хватает.

- Да, но ведь чего не знаешь, того не жалеешь.

- Всем зангам придется крепко пожалеть, если перед победителями откроется перспектива - обменять живехоньких пленников на сгнившие трупы.

Вот тут ты прав, - согласился Лиминг. - Для такого случая было бы неплохо занять девять футов веревки и услужливо помахать ею перед носом у коменданта.

- Было бы неплохо занять большую бутылку витков и пышную самочку, и чтобы она гладила меня по голове, - вздохнул ригелианин.

- После двух лет полугодного существования тебя еще не оставляют такие мысли? Хотел бы я увидеть тебя в лучшей форме.

Это так, мечты, - ответил ригелианин. Люблю помечтать о несбыточном...

Снова раздался свисток. Миновали часы напряженных дневных занятий. Снова миска эрзац-каши. Потом темнота и горстка звездочек, заглядывающих в зарешеченное оконце под самым потолком. Кажется, время остановилось - как будто и его обнесли высокой стеной.

Лиминг неподвижно лежал на скамье, а в голове роились бесконечные мысли. Ведь не может быть такого места, из которого нельзя выбраться. Немного силы и смекалки, времени и терпения - и выход обязательно найдется. Те бедолаги, которых застрелили при попытке к бегству, выбрали не то время и не то место, либо то время, да не то место, либо то место, но не то время. Или пренебрегли силой, положившись на смекалку - обычная ошибочка перестраховщиков. Или пренебрегли смекалкой, положившись на мускулы - ошибка беспечных.

Закрыв глаза, Лиминг тщательно взвесил ситуацию. Он в камере с каменными стенами, твердыми как гранит, и толщина их - никак не меньше четырех футов. Единственные отверстия - узкий проем, закрытый пятью толстыми стальными прутьями, да бронированная дверь, у которой постоянно несут караул охранники.

Что до него самого, то у него нет ни ножовки, ни отмычки, никаких инструментов - ничего, кроме затрапезной одежки, в которой он тут загорает. Если разобрать скамейку на части, да еще умудриться сделать это неслышно, он станет обладателем нескольких деревяшек, дюжины шестидюймовых гвоздей и пары стальных болтов. Ничего из этого хлама не сгодится на то, чтобы открыть дверь или перепилить оконную решетку. А больше под рукой ничего нет.

Снаружи тянется ярко освещенная полоса шириной пятьдесят ярдов, которую нужно пересечь, чтобы обрести путь к свободе. Потом - гладкая стена в сорок футов высотой, где даже не за что уцепиться. Наверху - скат, слишком крутой, чтобы удержаться на ногах, пока перебираешься через сигнальную проволоку. А коснись ее или попробуй перерезать - тут же завоет сирена.

Эта высоченная стена окружает всю тюрьму. В плане она восьмиугольная и на каждом углу - по сторожевой вышке с часовыми, прожекторами и пулеметами. Чтобы выбраться, нужно, не задев проволоку, перелезть через стену, залитую светом прожекторов, под самым носом у часовых, а у них ведь руки так и чешутся тебя ухлопать. Но и это еще не все. За стеной - ярко освещенная полоса земли, которую тоже придется преодолеть. Даже если какой-нибудь смельчак перемахнет через стену, его тут же изрешетят, как только он попытается метнуться в спасительную темноту.

Да, во всем чувствуется рука профессионала, который знает, как держать птичек в клетке. Убежать через эту стену практически невозможно. Разве что кто-то выберется из своей камеры или барака, имея при себе веревку да еще бесстрашного сообщника, который прорвется в щитовую и в нужную минуту вырубит электричество. Вот тогда дело может выгореть. А потом - вверх по стене, через отключенную сигнальную проволоку и вперед, в темноту!

Но в его одиночке нет ни веревки, ни кошек и ничего такого, что можно было бы приспособить взамен. Нет отчаянного и надежного сообщника. Да и будь у него все это, он все равно счел бы такой проект чистейшим самоубийством.

Каждый раз, отыскав даже самую ничтожную зацепку и взвешивая тот минимум условий, который потребуется для ее осуществления, он проигрывал всю ситуацию не менее сотни раз. К середине ночи он так натрудил мозги, что в голову стало лезть все подряд, даже вовсе безумные идеи.

Скажем, можно оторвать от куртки пластмассовую пуговицу и проглотить ее в надежде, что его переведут в больницу. Конечно, больница тоже расположена за оградой, но может быть, из нее легче удрать. Потом он еще раз подумал и решил, что засорение кишечника - вовсе не гарантия, что его куда-то переведут. Они могут всего-навсего

вливать в него сильнодействующее слабительное и тем самым только усугубить и без того неприятное положение.

На рассвете он пришел к окончательному выводу. Команда из тридцати, сорока или пятидесяти ригелиан, вкалывая в поте лица, может подвести подкоп под стену и обе освещенные полосы земли и таким способом вырваться на волю. Он же может взять только одним - хитростью. Ничего другого ему не остается.

Лиминг испустил громкий стон и пожаловался самому себе:

- Что ж, дружище, придется пошевелить мозгами за двоих...

Эта случайно вырвавшаяся фраза засела у него в голове и стала бродить, как дрожжи. Через некоторое время он сел, обалдело уставился на крошечный клочок неба и сказал, едва сдерживаясь, чтобы не закричать:

- Ну, конечно же, вот оно - за двоих!

Эта идея крепко засела в голове Лиминга, и ко времени прогулки у него начал вырисовываться план. Перво-наперво требовалось соорудить какое-нибудь хитрое приспособление. Распятие или хрустальный шар дают обладателю слишком важные психологические преимущества, чтобы ими пренебречь.

Вещица может иметь любую форму, размер и конструкцию - главное, чтобы она была явной и бесспорной новинкой. К тому же эффект от нее будет сильнее, если изготовить ее не из тех материалов, которые можно отыскать в камере - частей одежды или скамьи.

В самом деле, лучше, чтобы она состояла из чего-нибудь другого и несла на себе несомненную печать загадочной, неизвестной технологии.

Навряд ли ригелиане сумеют ему помочь. Они по двенадцать часов в сутки ищачат в тюремных мастерских - участь, которая, возможно, суждена и ему, после того, как он пройдет допрос и обнаружит свои способности. Ригелиане производили форменные куртки и штаны, ремни и сапоги, кое-какие осветительные и электрические приборы. Им претило работать на армию, но перед ними стоял простой выбор: вкалывать или голодать.

Судя по их рассказам, у них не было ни малейшей возможности тайком вынести из мастерских что-либо действительно ценное, вроде ножа, стамески, молотка или полотна ножовки. В конце смены пленников выстраивали, и никому не позволялось выходить из строя, пока не проверят каждый станок, не пересчитают и не запрут все инструменты.

За первые пятнадцать минут дневной прогулки Лиминг прочесал весь двор в поисках предмета, который мог бы хоть как-то пригодиться.

Он бродил взад-вперед, вперив глаза в землю, как несчастный малыш, потерявший монетку. Ему удалось найти всего-навсего две деревяшки четыре на четыре дюйма и в дюйм толщиной: он сунул их в карман, не имея ни малейшего понятия, что с ними делать.

Закончив поиски, Лиминг примостился у стены и перекинулся словом с парой ригелиан. Он не мог сосредоточиться на беседе, и при появлении насторожившегося охранника собеседники ретировались. Потом ж нему подобрался еще один ригелианин.

- Что, землянин, все еще надеешься выбраться отсюда?

- Естественно.

Собеседник фыркнул и почесал за ухом - жест, который его соплеменники использовали как выражение вежливого сомнения.

- Думаю, что наши шансы куда выше.

Лиминг пронзил его взглядом.

- Почему это?

- Нас много и мы вместе, - уклончиво ответил ригелианин, как будто опасаясь сболтнуть лишнее - Что можно сделать в одиночку?

Обдурить их и смяться при первой же-возможности, - сказал Лиминг.

Тут он заметил на пальце, лочесывающем ухо, кольцо и зачарованно уставился на него. Он и раньше видел эти незатейливые украшения.

Многие ригелиане носили такие же. И кое-кто из охранников тоже. Кольцо представляло собой изящную штучку, состоящую из четырех-пяти витков тонкой проволоки, концы которой были изогнуты и запаяны таким образом, что образовывали инициалы владельца

- Где ты откопал такое сокровище?

- Что я откопал?

- Кольцо.

- А ты про это. - Опустив руку, ригелианин с довольным видом полюбовался кольцом, - Мы сами их делаем в мастерских. Помогает от скуки.

- Ты хочешь сказать, что охрана вам не запрещает?

- Они не вмешиваются. Ведь от этого нет никакого вреда. А нотом, мы сделали несколько штук для охранников. И еще мы делаем для них автоматические зажигалки. Могли бы наделать и для себя, если бы они нам были нужны. - Он помолчал с задумчивым видом и добавил: - Мы полагаем, что охранники торгуют кольцами и зажигалками за пределами тюрьмы. Во всяком случае, у нас есть такая надежда.

- А зачем это вам?

- Может быть, они наладят-постоянную и выгодную торговлю. И тогда, после того, как они все это надежно устроят, мы урежем поставки и потребуем комиссионных в виде лишнего пайка или кое-каких неофициальных поблажек.

- Отличная мысль, - одобрил Лиминг. - Всем вам не помешало бы обзавестись приличным бизнесменом, способным проталкивать товар в большие города. Как насчет того, чтобы взять меня в долю?

Слабо улыбнувшись, ригелианин ответил:

- Самоделки никого не волнуют. Но стоит охранникам заметить, что пропала одна маленькая отвертка, пиши пропало. Всех разденут догола, и провинившемуся не поздоровится.

- Не станут же они поднимать шум из-за пропавшего моточка проволоки, ведь так?

- Скорее всего, нет. Ее там полно, материалы они не проверяют. Только что можно сделать из мотка проволоки?

Одному богу известно, - согласился Лиминг. - И все же он мне нужен.

- Замок проволокой не откроешь, возись хоть сто лет, - предупредил собеседник. - Слишком уж она тонкая и мягкая.

- Мне всего-то и нужно на набор зулусских браслетов. Зулусские браслеты - моя слабость.

- А что это такое?

- Какая разница? Ты только достань мне такой проволоки, вот и все.

В ближайшем будущем ты сможешь стащить ее сам. После допроса они пошлют тебя работать в мастерские.

- Она нужна мне раньше. И как можно скорее. Чем больше и чем скорее, тем лучше.

Ригелианин помолчал, обдумывая просьбу, и наконец сказал:

- Если ты что-то задумал, держи свой план при себе. Не выдавай его никому даже намеком. Начнешь открывать рот - тебя тут же накроют.

- Спасибо за добрый совет, дружище, - ответил Лиминг. - Так как насчет проволоки?

Увидимся завтра, в это же время.

С этими словами ригелианин отошел от него и затерялся в толпе.

В назначенный час ригелианин был на месте и передал ему добычу.

- Тебе этого никто не давал, ясно? Ты сам нашел во дворе. Или обнаружил у себя в камере. Или сотворил из чистого воздуха. Но ни от кого не получал.

- Не волнуйся. Тебе это ничем не грозит. И еще - тысяча благодарностей.

Проволока была медная, луженая, свернутая в тугой моточек. Ночью он размотал его у себя в камере; оказалось, что длина проволоки чуть

больше его роста - около семи футов.

Лиминг сложил ее пополам и стал сгибать и разгибать, пока она не переломилась. Одну половину он спрятал под крышкой скамьи. Следующую пару часов он потратил на то, чтобы вытащить из скамьи гвоздь. Гвоздь вылезал с трудом и здорово поцарапал ему пальцы, но Лиминг не отступал, пока не добился своего.

Отыскав одну из деревяшек, он определил ее центр и каблуком вогнал в него конец гвоздя. По коридору протопали шаги. Он засунул свою поделку под скамью, подальше от посторонних глаз и успел улечься как раз перед тем, как открылся глазок. Блеснул луч света, заглянул холодный змеиный зрачок, раздалось ворчание. Свет исчез, глазок закрылся.

Возобновив работу, Лиминг стал крутить гвоздь туда-сюда, время от времени ударяя по нему каблуком. Занятие оказалось нудным, но теперь у него, во всяком случае, появилось дело. Так он трудился, пока наконец не просверлил деревяшку на две трети толщины. Тогда он взял половину проволоки и разломал ее на две неравные части. Из короткого куска он соорудил аккуратную петлю с двумя концами длиной три-четыре дюйма каждый. Он постарался, чтобы петля как можно больше походила на правильную окружность. Потом длинным куском туго обмотал петлю, так что получилась плотная спираль с концами такой же длины, как и у петли.

Прислонив скамью к стене, он подобрался к окну. Рассматривая свое творение в отблеске уличных прожекторов, Лиминг внес несколько мелких исправлений и остался доволен. Он поставил скамью на место и с помощью гвоздя сделал на ее конце две маленькие засечки, отметив точный диаметр петли. Наконец он подсчитал число витков в спирали. Их оказалось двадцать семь.

Важно было запомнить все детали - ведь ему предстояло воспроизвести по возможности точно такую же штуковину. Именно сходство поможет заморочить противнику голову. Если заговорщик создает два загадочных предмета, одинаковых по цели и назначению, трудно не прийти к мысди: он знает, что делает, и замышляет нечто страшное.

В завершение своих приготовлений Лиминг аккуратно вставил гвоздь на прежнее место. Он ему еще понадобится как ценный инструмент. Тюремщики никогда не смогут его найти и отнять, потому что для постороннего наблюдателя скамья выглядит нетронутой и не внушает подозрений.

Он осторожно всунул все четыре конца свернутой спирали в просверленную дырку, так что из квадратной деревяшки получилась подставка. Вот и нужная вещица, непонятная штуковина, путь к спасению. Теперь он - первый изобретатель и единственный владелец надувателя Лиминга оригинальной конструкции.

Некоторые химические реакции происходят только при наличии катализатора, вроде церемонии бракосочетания, которая обретает силу в присутствии официального лица. Некоторые уравнения можно решить, только включив в них известную величину, которая обозначается буквой X. Если у вас чего-то недостает, чтобы получить желаемый результат, нужно добавить необходимый компонент. Если вам нужна отсутствующая помощь со стороны, нужно ее изобрести.

"В тех случаях, когда человек не мог совладать с природой голыми руками - думал Лиминг, - вышеупомянутая природа покорялась и повиновалась Человеку плюс X. Так повелось испокон веков: Человек плюс орудие или оружие".

Но вовсе не обязательно, чтобы X был чем-то материальным или конкретным, смертоносным или даже видимым. Он может быть неосязаемым и недоказуемым, вроде угрозы геенны огненной или обещания райского блаженства. Он может быть мечтой, иллюзией, наглой, беззастенчивой ложью - словом, чем угодно.

И безошибочно испытать его можно одним-единственным способом - сработает он или нет. Если да, значит это то, что нужно.

Вот и посмотрим...

Нет никакого смысла использовать язык Земли, разве что для заклинаний, когда в них возникнет необходимость. Здесь никто не понимает языка, для туземцев он все равно, что неразборчивое бормотание. К тому же его отвлекающий маневр, когда он притворялся неспособным к освоению местного наречия, теперь бесполезен. Враг знает, что он может говорить на нем почти так же бегло, как и сами туземцы.

Держа свое спиральное сооружение в левой руке, он подошел к двери, прижал ухо к закрытому глазку и прислушался. Только через двадцать минут он услышал глухой звук приближающихся шагов охранника.

- Ты меня слышишь? - спросил он не слишком громко, но так, чтобы его услышали в коридоре. - Ты меня слышишь?

Быстро отступив, он растянулся на животе и установил спираль прямо перед собой.

- Ты меня слышишь?

Глазок щелкнул и приоткрылся, в нем появился свет, а за ним и недовольный зрачок.

Начисто игнорируя наблюдателя и действуя с видом человека, слишком занятого своим делом, чтобы замечать чье-либо присутствие, Лиминг продолжал вещать в спиральную петлю:

- Ты меня слышишь?

- Что ты делаешь? - грубо спросил часовой.

Услышав посторонний голос, Лиминг решил, что на этот раз судьба поворачивается к нему лицом. Этот тип по имени Марсин был способен разве что прицелиться и выстрелить или в крайнем случае поднять крик и позвать на помощь. Ни для чего другого он умом не вышел. Пожалуй, при медицинском освидетельствовании ему бы пришлось основательно поработать мозгами, чтобы сойти хотя бы за полудурка.

- Что ты делаешь? - Марсин повысил голос.

- Вызываю, - ответил Лиминг, как будто только сию секунду очнулся и заметил постороннего.

- Вызываешь? Кого вызываешь и куда?

- Не твое хлюндяче дело, - с явным нетерпением ответил Лиминг.

Сосредоточив все внимание на спирали, он повернул ее на пару градусов.

- Ты меня слышишь?

- Не положено! - не унимался Марсин.

Лиминг громко вздохнул с видом человека, вынужденного терпеть дурацкие выходки, и спросил:

- Что не положено?

- Вызывать.

- Не будь идиотом. Нам, землянам, вызывать разрешается всегда. Что бы с нами стало, если бы мы не могли это делать, энк?

От такого у Марсина совсем ум за разум зашел. Он ничего не смыслил в землянах или в особых привилегиях, которые считались для них жизненно необходимыми. К тому же он не имел ни малейшего понятия, что с ними стало бы без этих привилегий.

А кроме того, Марсин не решался войти в камеру, чтобы пресечь непонятные действия узника. Вооруженному охраннику запрещалось заходить в камеру в одиночку, и это правило строго соблюдалось с тех пор, как отчаявшийся ригелианин пристукнул часового, схватил его оружие и порешил шестерых, пытаясь вырваться на свободу.

Если возникала необходимость вмешаться, предписывалось отыскать начальника караула и потребовать унять розоволицего чужеземца, нарушающего тишину разговорами с какой-то непонятной петлей. Начальник был пренебрежительным типом и имел привычку громко обсуждать вслух детали интимной жизни своих подчиненных. Стоял самый глухой час между полночью и рассветом, время, когда больная печень начальника караула

бурчала особенно громко. К тому же он, Марсин, и без того слишком часто оказывался у него ублюдочным фаплапом.

- Кончай вызывать и ложись спать, - приказал Марсин с ноткой отчаяния в голосе, - или утром я доложу дежурному офицеру о твоём неповиновении.

- Покатался бы лучше на верблюде, - посоветовал ему Лиминг. Он повернул спираль, как будто тщательно ее настраивая. - Ты меня слышишь?

- Я тебя предупредил! - не отставал Марсин, не спуская со спирали глаз.

- Сказано, фибли отсюда! - взревел Лиминг.

Марсин захлопнул глазок и отфиблил.

Естественно, Лиминг проспал - ведь он почти всю ночь провел за работой. Пробуждение было грубым и внезапным.

Дверь с грохотом распахнулась, и в камеру ворвались три охранника, за ними вошел офицер. Пленника без всяких церемоний стащили со скамьи, раздели и совершенно голым вытолкали в коридор. Пока охранники обыскивали его одежду, офицер слонялся по камере, наблюдая за ними. "Вылитый педик", - решил Лиминг.

Ничего не обнаружив в одежде, они стали обыскивать камеру. Один из них сразу же нашел петлю на подставке и отдал ее офицеру. Тот взял ее так осторожно, как будто это был букет, в котором могла оказаться бомба.

Другой охранник наткнулся на вторую деревяшку, от утфутобил ее в сторону и позабыл о ней. Оттащив скамью от стенки, они заглянули за нее, но перевернуть и поискать под ней не сообразили. Тем не менее, их долгая возня со скамьей начала действовать Лимингу на нервы, и он решил, что пора прогуляться. Нисколько не смущаясь своей наготы, он прошествовал по коридору.

Офицер издал яростный рев и напустил на него охранника. Тот так и вылетел из камеры, голая, чтобы Лиминг остановился. На шум из-за угла коридора появился четвертый охранник и угрожающе поднял ружье. Лиминг повернулся и ретировался.

Подойдя к офицеру, который вышел из камеры и уже кипел от злости, он остановился, принял скромную позу и сказал:

Взгляните - "Сентябрьское утро".

Для офицера это был пустой звук.

Размахивая петлей, он подпрыгнул от ярости и заорал:

- Это что такое?

- Моя собственность, - с неприкрытым достоинством заявил Лиминг.

- Вы не имеете права ни на какую собственность. Военнопленным не разрешается ничего иметь при себе.

- Кто это сказал?

- Это я вам говорю! - довольно злобно ответил педик.

- А кто вы собственно такой? - поинтересовался Лиминг, демонстрируя чисто научный интерес.

- Клянусь Великим Голубым Солнцем, вы еще узнаете, кто я такой! Стража, взять его в камеру и...

- Вы здесь не начальник, - перебил его Лиминг с наглой самоуверенностью. - Здесь все решает комендант. Тут мы с ним заодно. Если не верите, пойдите и спросите его.

Охранники мешкали в явной нерешительности. Они единодушно отдали всю инициативу офицеру. Но герой что-то утратил свой пыл. Недоверчиво уставившись на узника, он колебался.

- Вы что же, утверждаете, что комендант позволил вам держать при себе этот предмет?

- Я говорю, что он не возражал. Значит, и вы не можете возражать.

Катитесь-ка в свой свинарник и не старайтесь перепрыгнуть через голову начальства.

- Свилярник? Это еще что такое?

- Не ваше дело.

- Я справлюсь у коменданта.

Утратив спесь и уверенность, офицер повернулся и охранникам.

Возвратите его обратно в камеру и пусть ему принесут обычный завтрак.

Надеюсь, мне вернут мою собственность, энк? - напомнил Лиминг.

- Не раньше, чем я увижусь с комендантом.

Охранники затолкали его в камеру. Он оделся. Прибыл завтрак - обычная миска размазни. Он обругал стражников за то, что ему не принесли яичницу с беконом, и сделал это нарочно, с дальним прицелом. Демонстрация самоуверенности и некоторой агрессивности была необходимым условием для продолжения игры.

Учитель почему-то не явился, так что Лиминг провел все утро, шлифуя по книгам беглость речи. Днем его выпустили во двор, и он, смешавшись с толпой, не смог обнаружить признаков какой-то особой слежки.

Его знакомый прошептал:

- Мне удалось стащить еще моток проволоки. Я его захватил с собой на тот случай, если он тебе понадобится. - Он сунул проволоку Лимингу и, убедившись, что она исчезла в его кармане, добавил: - Это все, что я сумел достать. Больше не проси. Нельзя слишком часто испытывать судьбу.

- В чем дело? Это становится опасным? Тебя подозревают?

- Пока все тихо. - Ригелианин настороженно огляделся. - Но если другие узнают, что я таскаю проволоку, то немедленно последуют моему примеру. Они разворуют ее на всякий случай, надеясь пронюхать, зачем она мне понадобилась, чтобы потом использовать таким же образом. За два года в тюрьме все мы стали отъявленными эгоистами. Каждый так и старается оттяпать у ближнего лишний кусок - неважно, настоящий или воображаемый. От этой собачьей жизни все худшее в нас вылезает на поверхность - как, впрочем, и лучшее.

- Понятно.

- Пары моточков никто не хватится, - продолжал собеседник. - Но если поднимется паника, проволока начнет исчезать в огромных количествах. И тогда не миновать жутких разборок. Я вовсе не хочу давать повод для повального шмона.

- То есть, ты хочешь сказать, что как раз сейчас твои товарищи не могут рисковать, подвергая себя тщательному обыску?

Ригелианин шарахнулся, как испуганный конь.

- Я тебе этого не говорил.

- Но я-то не хуже других знаю, сколько будет дважды два. - Лиминг ободряюще подмигнул собеседнику. - А еще я умею держать язык за зубами.

Он проводил взглядом проковылявшего прочь ригелианина. Потом обыскал двор в надежде найти еще какие-нибудь деревяшки, но безуспешно. Ну и ладно, не в них дело. В крайнем случае можно обойтись и так.

Послеобеденное время он посвятил упражнениям в языке и сумел сосредоточиться на учебе без всяких помех. В тюремной жизни есть одно, пожалуй единственное, преимущество: можно заняться самообразованием.

Когда дневной свет стал меркнуть и сквозь решетку засияли первые бледные звезды, он стал так дубасить ногой в дверь, что грохот разнесся по всему зданию.

ГЛАВА 8

Топот бегущих ног. Глазок открылся. За ним был все тот же Марсин.

- А, это ты, фаплап! - приветствовал его Лиминг. Он презрительно

фыркнул. - Ты, конечно, уже натрепался. Наябедничал офицеру, чтобы выслужиться. - Он выпрямился во весь рост. - Что ж, мне тебя жаль. Я бы сто раз предпочел оказаться в своей шкуре, чем в твоей

- Тебе жаль? Меня? - Марсин всполошился. - Это еще почему?

- Потому что тебе несдобровать.

- Мне?

- Кому же еще? Не сразу, если тебе от этого легче. Сначала подождешь, помучаешься. А уж потом получишь сполна. Можешь, конечно, мне не верить. Поживем - увидим.

- Я только выполнял свой долг, - чуть ли не извиняясь, оправдывался Марсин.

- Это тебе зачтется, - утешил его Лиминг, - за все получишь по заслугам.

- Не понимаю, - заныл Марсин, нутром ощущая беду.

- Поймешь - не обрадуешься И те вонючие фанлапы, которые лупили меня во дворе, - тоже. Можешь передать, что наказание для них уже отмерено.

- Я не должен с тобой разговаривать, - сказал Марсин, смутно сознавая, что чем дольше он стоит у глазка, тем прочнее к нему прилипает. - Мне пора идти.

- Ступай. Только мне кое-что нужно.

- Что?

- Мне нужен мой бопамагилви - та штука, которую забрал офицер.

- Ты ее не получишь без разрешения коменданта. А его нет и не будет до завтрашнего утра.

- А мне-то что. Мне он нужен сейчас.

- Сейчас нельзя.

- Ну и ладно. - Лиминг небрежно махнул рукой. - Сделаю еще один.

- Не положено, - крайне неуверенно напомнил ему Марсин.

- Ха-ха! - ответил Лиминг.

После того, как совсем стемнело, он вынул из-под скамьи проволоку и соорудил вторую штуковину - точную копию первой. Его дважды прерывали, но не застукали ни разу.

Закончив работу, он поставил скамью дыбом и влез на нее. Вынув из кармана недавно полученный моток проволоки, крепко привязал один конец к среднему пруту решетки, а сам моток подвесил за окном. Разведя слюной пыль, он старательно замазал блестящую поверхность проволочного кольца, так что заметить его можно было разве что уткнувшись в решетку носом. Потом соскользнул на пол и водворил скамью на место. Оконце располагалось так высоко, что нижняя часть решетки с пола была не видна.

Подойдя к двери, Лиминг прислушался и, выбрав подходящий момент, спросил:

- Ты меня слышишь?

Когда показался свет и глазок открылся, он нюхом почуял, что за дверью сгрудилась целая толпа охранников, а глаз в отверстии принадлежит вовсе не Марсину.

С головой уйдя в свое занятие, он принялся медленно и осторожно поворачивать петлю, одновременно вопрошая:

- Ты меня слышишь? Ты меня слышишь?

Повернув устройство градусов на сорок, он остановился, придал голосу выражение нескрываемого восторга и воскликнул:

- Наконец-то явился! Ты уж лучше держись поблизости, чтобы можно было поговорить нормально и не вызывать тебя через спираль.

Потом замолчал, изобразив на лице такую мину, как будто внимательно слушает. Глаз в отверстии выпучился, затем исчез и тут же сменился другим.

- Договорились, - сказал Лиминг, устраиваясь поудобнее, как будто для душевной беседы. - При первой же возможности я их тебе покажу, а уж ты делай с ними, что пожелаешь. Давай-ка перейдем на свой язык. А

то вокруг слишком много любопытных. - Набрав побольше воздуха, он стремительно затараторил без всяких пауз: - Отверзлась ткань и в тот же миг растрескался зеркальный лик сбылось проклятье взвился крик владычицы...

Отверзлась дверь, и в тот же миг два охранника чуть не рухнули в камеру головами вперед, стремясь поскорее завладеть добычей. Еще двое маячили в коридоре, между ними красовался педик. На заднем плане боязливо переминался Марсин.

С криком "готово!" охранник схватил спираль и выскочил обратно в коридор. Его спутник пулей вылетел следом. Оба чуть не спятили от восторга. Дверь закрылась только секунд через десять, и Лиминг не преминул воспользоваться их оплошностью. Сделав охранникам "козу", он потыкал в их сторону растопыренными пальцами. В детстве они называли это "чертовы рожки" - классический жест для насылания порчи.

- Видел? - произнес он с выражением, обращаясь к невидимому собеседнику. - Вот они, те самые с чешуйчатой шкурой, про которых я тебе говорил. Ведь так и напрашиваются на беду. Любят ее, обожают, просто жить без нее не могут! Ты уж выдай им от души.

Вся компания явно оробела, потом дверь захлопнулась со зловещим лязгам. Припав ухом и глазку, Лиминг услышал их удаляющиеся шаги и монотонное бормотание.

За десять минут он отломал кусок проволоки от висевшего за окном мотка и снова замаскировал разведенной в слюне пылью конец проволоки, привязанной и решетке. Через полчаса очередной безупречно выполненный бопамагилви был готов. Благодаря постоянной практике Лиминг становился специалистом по быстрому и точному изготовлению этих штуквин.

Деревяшек для подставок больше не оставось. Тогда он, воспользовавшись вывернутым гвоздем, выкопал ямку в грязи, забившейся меж каменными плитами, которыми был вымощен пол его камеры. Вставив в ямку концы спирали, он покрутил штуквину туда-сюда, чтобы облегчить ритуал вращения. Потом яростно заколотил в дверь.

Дождавшись нужного момента, он улегся на живот и, припав к спирали, принялся декламировать третий параграф Статьи 27, Раздела 9, Подраздела В Космического Устава. Лиминг выбрал его как шедевр бюрократического словоблудия - одно единственное предложение длиной в тысячу слов, смысл которого известен одному Всевышнему.

"В том случае, когда заправка производится в качестве аварийной меры на станции, не включенной в официальный перечень базовых станций и не определенной в качестве базовой станции для особых случаев в Поправке А (5) В к Разделу А (5), вышеупомянутую станцию надлежит рассматривать так, как если бы она была определена в качестве базовой станции в Поправке А (5) В к разделу А (5), при условии, что авария подпадает под утвержденный перечень технических неисправностей, приведенных в Разделе (29-33) с последующим приложением, как соответствующая базовым станциям, если таковые...".

Глазок приоткрылся и снова захлопнулся. Кто-то удалялся на всех парах. Через минуту коридор затрясся, словно по нему мчался отряд кавалерии. Снова открылся и закрылся глазок. Дверь распахнулась.

На этот раз его раздели догола, обыскали одежду, перетрясли всю камеру, причем и повадках тюремщиков не было и намека на братскую любовь. Они перевернули скамью, стали ее швырять, простучивать, ковырять - разве что под лупой не рассматривали.

Наблюдая эту возню, Лиминг поощрял их труды зловещим хихиканьем. Раньше он ни за что не смог бы зловеще хихикнуть - даже разок, даже на спор, суливший крупный выигрыш. Теперь же это давалось ему без малейшего труда. Воистину нет пределов человеческому совершенству!

Одарив его взглядом, полным неприкрытого злорадства, один из охранников вышел и вернулся, волоча тяжеленную лестницу. Приставив ее к стенке, он с величайшей подозрительностью обследовал оконный проем. Но такой осмотр не мог дать ничего путного: ведь на уме у него была

исключительно сохранность решетки. Каждый прут он хватал обеими руками и энергично тряс. Но проволочное колечко ускользнуло от его внимания. Закончив, он с удовлетворенным видом спустился вниз и убрался вместе с лестницей.

Следом за ним ушли и остальные. Лиминг оделся и прижал ухо к глазку. Слышалось только слабое сопение да иногда шорох одежды. Он сел на скамью и стал ждать. Вскоре блеснул свет и глазок отворился.

Налепив на отверстие два растопыренных пальца, Лиминг изрек
- Умри, фаплап!

Глазок захлопнулся. Послышались удаляющиеся шаги, только что-то уж слишком громкие. Он снова принялся ждать. Прошло полчаса мертвой тишины - и глаз снова появился, получив за свое долготерпение еще одну "козу", сопровождаемую проклятием. Если это был все тот же глаз, то он прямо-таки напрашивался на страшную кару.

Игра продолжалась с неодинаковыми перерывами часа четыре, пока наконец обладателю глаза это не надоело. Тогда Лиминг незамедлительно соорудил новую спираль и заорал в нее что есть мочи, чем вызвал еще один набег. На этот раз его не раздевали и камеру не обыскивали, удовольствовавшись конфискацией загадочного предмета. Симптомы усталости были налицо.

Проволоки осталось всего на один ускоритель сердечного ритма. Он решил сохранить ее на будущее, а пока - вздремнуть. Скудная пища и недосыпание грозили подорвать его силы.

Рухнув на скамью, он вздохнул и прикрыл воспаленные глаза. Через пару минут он выдал такой храп, как будто перепиливал решетку. В коридоре воцарилась паника, за которой последовало очередное вторжение.

Проснувшись от гвалта, Лиминг призвал на головы тюремщиков все мыслимые напасти. Потом снова улегся. Он вымотался до чертиков, но и они не меньше.

Он спокойно проспал до полудня, сделав единственный перерыв для обычного гнусного завтрака. Потом настало время обычного гнусного обеда. На прогулку его не выпустили. Он дубасил и лягал дверь, требуя, чтобы ему сообщили, почему его лишают прогулки, и угрожая всем и каждому принудительной кастрацией. Никакого эффекта.

Тогда он присел на скамейку и погрузился в раздумья. Может быть, отмена единственной поблажки - мечь за то, что по его милости они всю ночь скакали, как перепуганные блохи? Или они подозревают ригелиан и не хотят, чтобы он с ними встречался?

Так или иначе, он дал врагам прикурить! В одиночку задал им по первое число! А это уже кое-что. То, что боец попал в плен, вовсе не значит, что он вышел из боя. Даже из-за толстых стен он сумеет докучать противнику, отнимая время и энергию, подрывая моральный дух, обезвреживая хотя бы немногих из вражеской шайки.

"Теперь, - решил он, - самая пора распространить и усилить заклятье". И сделать это нужно как можно основательнее. Чем шире он его распространит и чем более туманными словами обречет, тем успешнее сумеет приписать его действию любые несчастья, которые раньше или позже не преминут случиться.

Так бывает с цыганскими гаданиями. Люди склонны придавать особый смысл туманным изречениям, когда возникают и вырисовываются обстоятельства, которые можно истолковать на свой лад. Тут даже не нужно быть особо легковерным. Заставьте человека что-то ожидать, а потом, когда представится случай, он так и ахнет от удивления.

Очень скоро на вашем пути встретится высокий брюнет.

После этого годится любой мужчина, ростом выше среднего и не белобрысый. А очень скоро - любой срок от пяти минут до пяти лет.

- Мамошка, вчера заходил страхового агент, так вот он мне улыбнулся! Ты ведь помнишь, что говорила цыганка?

Чтобы получилось что-то стоящее, нужно приспособиться к окружению.

Если окружение в корне отличается от обычного, то и приспособливаться к нему придется совершенно по-особому. Насколько ему известно, он, Лиминг, - единственный землянин в тюрьме и вдобавок единственный узник, содержащийся в одиночке. Значит, его тактика не должна иметь ничего общего с планами ригелиан.

Ригелиане что-то затевают, тут нет никакого сомнения. Они не стали бы таиться и осторожничать впустую. Почти наверняка они роют тоннель. Может быть, и сейчас кто-то из них, сидя под землей, скребет и царапает землю голыми руками. Пробивается через грунт и скалу, извлекая раз за разом горстку породы. Продвигается за ночь на мучительные дватри дюйма. Да еще постоянный, нескончаемый риск, что тебя обнаружат, поймают и, скорее всего, безжалостно прикончат. Труд целого года может мгновенно пойти насмарку от единственного окрика, одной автоматной очереди.

А между тем, чтобы выбраться из неприступного каменного мешка, вовсе не обязательно совершать отчаянный и эффектный побег. Имея достаточно терпения, изобретательности, красноречия и хитрости, можно убедить врага распахнуть двери и вытолкать тебя на свободу.

Просто нужно хорошенько поворачивать мозгами, которыми наградил тебя Господь.

По теории вероятности в тюрьме и за ее стенами должны происходить разные события, в том числе и неприятные для врага. У кого-то из офицеров, прямо под портупеей, могут случиться колики. Или какомунибудь охраннику повезет слететь с лестницы, ведущей на сторожевую вышку, и сломать ногу. Кто-то может потерять деньги, штаны или голову. Где-то поблизости может рухнуть мост, или сойти с рельсов поезд, или разбиться при взлете корабль. Или произойдет взрыв на фабрике боеприпасов. Или какойнибудь военачальник сыграет в ящик. И тогда, сумеет Лиминг доказать, что автор большинства этих напастей - именно он, у него сразу появятся козыри. Главное - так все обставить, чтобы они не смогли его разоблачить и отомстить ему, бросив в камеру пыток.

Вот идеальная стратегия: найти такой способ убедить врага в своих кознях, чтобы он при этом уверился в собственном бессилии противостоять им. Если это выгорит, что само по себе большой вопрос, неприятель должен прийти к логическому выводу, что единственный способ избавиться от постоянной напасти - это избавиться от самого Лиминга, причем живого и невредимого.

Если - а это тоже большой вопрос - ему удалось бы накрепко связать причину и следствие, то им, дабы избавиться от следствия, пришлось бы устранить причину.

Задача, как именно достичь столь фантастического результата, - колоссальная проблема, которая, будь он дома, привела бы его в полное смятение. Скорее всего, он просто объявил бы ее неразрешимой, несмотря на основную заповедь звездных войн, согласно которой неразрешенных ситуаций не бывает. Но у него было целых три месяца, чтобы выносить свой план, а суровая необходимость прекрасно стимулирует умственную деятельность. Очень хорошо, что у него была идея наготове, всего через десять минут пришло время пустить ее в ход.

Дверь распахнулась, на него мрачно уставились трое охранников, один из них проскрипел:

Тебя срочно требует комендант. Амаш, фаплап.

Лиминг вышел со словами.

- Запомните раз и навсегда: я вам не фаппап, ясно?

Охранник пнул его под зад.

Комендант лениво развалился за письменным столом. С каждой стороны от него сидело по младшему офицеру. Это был огромный верзила. Глаза без век, прикрытые роговыми наростами, придавали ему холодный, пронизывающий вид.

Пока он изучал Лиминга, тот непринужденно расположился в удобном

кресле, но офицер, сидевший справа, сразу же рявкнул.

- Стоять смирно в присутствии коменданта!

Комендант махнул рукой, отменяя приказ, и устало сказал:

- Пусть сидит.

"Сделал уступку для начала", - подумал Лиминг.

Он с любопытством покосился на стопку бумаг на столе. "Должно быть, полный перечень моих прегрешений, - предположил он. - Что ж, время покажет. В любом случае, у меня есть про запас парадругая уловок, которые можно пустить в ход против врага. Скажем, было бы просто жаль не воспользоваться их неведением. Союзники ничего не знают о Зангах. Но и сами занги почти или совсем ничего не знают о некоторых союзных расах, в том числе и о землянах. Общаюсь с ними, они общаются с неизвестной величиной".

А отныне эта величина удваивается, поскольку к ней добавлен X.

- Мне дали понять, что вы уже освоили наш язык, - начал комендант.

- Что толку отрицать, - признался Лиминг.

Вот и отлично. Теперь расскажите нам все о себе.

- Я ведь уже рассказывал. В беседе с майором Клавилом.

- Меня это не волнует. Вы будете отвечать на мои вопросы, и я рекомендую вам говорить правду.

- Разложив на столе официальный бланк, он поднял перо.

- Наименование родной планеты?

- Земля.

Комендант записал транслитерацию на своем языке и продолжал допрос:

- Наименование расы?

- Землянин.

- Наименование вида?

Хомо носипаца*, (Человек, сотворивший нас, (Лат.)) - сказал Лиминг, сохраняя на лице выражение полнейшей серьезности.

Записав название, комендант с сомнением осведомился:

- А что это значит?

- Человек, странствующий в космосе, - ответил Лиминг.

- Г-м, - ответ произвел на собеседника впечатление. - Ваше имя?

- Джон Лиминг.

- Джон Лиминг, - повторил комендант, записывая имя.

- И еще Юстас Фенакертбан, - без заминки отбарабанил Лиминг.

Этот ответ тоже был записан, хотя комендант с некоторым трудом подыскал подходящие кружки и закорючки, чтобы передать имя Фенакертбан. Он дважды просил Лиминга повторить чужеземную фамилию. Тот с достоинством сделал такое одолжение. Изучая результат, напоминающий китайский рецепт приготовления супа из тухлых яиц, комендант спросил:

- Значит, у вас принято носить по два имени и по две фамилии?

- Совершенно верно, - подтвердил Лиминг. - Иначе никак нельзя: ведь нас двое.

Вздернув несуществующие брови, собеседник продемонстрировал некоторое удивление.

- Вы хотите сказать, что вас всегда зачинают и рожают парами?

Каждый раз - по две идентичных особи мужского или женского пола?

- Нет, нет, ничего подобного. - Лиминг напустил на себя вид человека, вынужденного объяснять очевидную истину. - Когда землянин рождается, он сразу же обзаводится Юстасом.

- Юстасом?

- Да.

Комендант нахмурился, поковырял в зубах и взглянул на других офицеров. Если он думал, что обнаружит у них хоть искорку понимания, то ему не повезло. На их физиономиях читалась смертельная скука, как у людей, явившихся исключительно для того, чтобы поддержать компанию.

- И что же это за Юстас? - спросил комендант после длительного

молчания.

Уставившись на него с неприкрытым изумлением, Лиминг спросил:

- Как, вы не знаете?

- Здесь вопросы задаю я. А вы отвечаете. Что это за Юстас?

- Невидимая часть человеческого существа, - бодро сообщил ему

Лиминг.

Чешуйчатая физиономия коменданта озарилась проблеском понимания.

- А, вы имеете в виду душу? Вы даете своим душам отдельные имена?

Ничего подобного. У меня своя душа, а у Юстаса - своя. Подумав, он добавил: - По крайней мере, я полагаю, что души есть у нас обоих.

Откинувшись в кресле, комендант вперил в него немигающий взгляд. Повисла долгая тишина, и все это время офицеры, сидевшие по обе стороны от коменданта, продолжали изображать из себя болванов.

Наконец комендант сдался.

- Не понимаю.

- В таком случае, ясно, - с наглым торжеством заявил Лиминг, - что у вас самих нет местного эквивалента Юстаса. Вы - каждый сам по себе, в одиночку. Что ж, вам не повезло.

Хлопнув ладонью по столу, комендант придал голосу командные нотки и приказал:

- Отвечайте конкретно: что такое Юстас? Объясните как можно доступнее.

Я не в том положении, чтобы скрывать от вас информацию, - с притворной неохотой уступил Лиминг. - К тому же это не так важно. Даже если вы в совершенстве во всем разберетесь, все равно поделаться ничего не сможете.

- Это мы еще посмотрим, - воинственно заметил комендант. - Кончайте ходить вокруг да около и выкладывайте про ваших Юстасов все, что знаете.

- Каждый землянин от рождения и до смерти ведет двойную жизнь, - поведал Лиминг. - Он живет, поддерживая тесную мысленную связь с существом, которое всегда зовется Юстасом - такимто или этаким. Мой, например, оказался Юстасом Фенакертибаном.

- И вы можете по-настоящему видеть это существо?

- Нет, ни в коем случае. Его невозможно ни увидеть, ни учуять, ни потрогать.

- Тогда откуда вам известно, что он - не заблуждение, свойственное вашему народу?

- Во-первых, потому что у каждого землянина есть свой Юстас. С моим я могу подолгу беседовать, если, конечно, он находится где-то поблизости. В глубинах моего разума я слышу, как он ясно и логично высказывает свои мысли.

- А ушами его можно услышать?

- Нет, только мысленно. У нас телепатическая связь или, точнее, квазителепатическая.

- Так я и поверил, - с явным сарказмом заявил комендант. - Все слышали, как вы говорили вслух, орал, что есть мочи. Это тоже телепатия, энк?

- Если нужно усилить мысли, чтобы послать их на большое расстояние, тогда лучше выражать их словами. Все люди так поступают, когда, решая какой-нибудь вопрос, разговаривают сами с собой. Разве вы никогда не разговариваете с собой?

- Не ваше дело. Есть ли у вас доказательства, что ваш Юстас - не игра воображения?

Глубоко вздохнув, Лиминг решительно продолжал:

- Он наделен способностью делать много такого, после чего остаются очевидные последствия. - Он перевел взгляд на совсем отключившегося офицера слева от коменданта. - Скажем, если мой Юстас займет зуб на этого офицера и сообщит мне, что намерен устроить ему падение с лестницы, и если в скором времени ваш офицер свалится с лестницы к

сломает себе шею...

- Это может оказаться простым совпадением, - насмешливо парировал комендант.

- Может, - согласился Лиминг. - Только не исключено, что таких совпадений окажется слишком много. Если Юстас пообещает, что сделает сорок или пятьдесят вещей подряд, и все они произойдут, это может означать следующее: либо он выполнил обеща- ' ние, либо он пророк, каких не знает мир. Только Юстасы не претендуют на роль пророков. Ни одно живое существо, будь оно видимым или невидимым, не способно столь точно предвидеть будущее.

- Это похоже на правду.

- Вы признаете, что у вас есть отец и мать?

- Ну, разумеется, - согласился комендант.

- И не считаете это чем-то странным или необычным?

- Конечно, нет. Появиться на свет без участия родителей - немыслимое дело.

- Вот и мы точно так же признали, что у нас есть Юстасы, и не мыслим жизни без них.

Комендант обдумал это заявление и сказал офицеру, сидевшему справа:

- Это пахнет взаимным паразитированием. Было бы интересно узнать, какую пользу они получают друг от друга.

Бессмысленно спрашивать, что имеет от меня Юстас, - вклинился в разговор Лиминг. - Я не сумею объяснить, потому что сам не знаю.

- И вы хотите, чтобы я вам поверил? - спросил комендант, всем своим видом показывая: "Меня не проведешь". Он обнажил зубы. - Вы же говорили, что можете с ним разговаривать. Почему бы не спросить его самого?

- Нам, землянам, уже давным-давно надоело задавать подобный вопрос. Пришлось закрыть тему и просто принять такое положение дел.

- Почему?

- А потому что ответ всегда один и тот же. Юстасы охотно допускают, что мы для них необходимы, но не могут объяснить, зачем. Именно потому, что нам этом не понять.

- Не исключено, что это лишь отговорка, уловка, продиктованная инстинктом самосохранения. Они не говорят вам потому, что не хотят, чтобы вы об этом узнали.

- Ну и что вы нам предлагаете делать?

Уклонившись от ответа, комендант продолжал:

- А какую выгоду имеете вы от этого союза? Вам-то от вашего Юстаса какой прок?

- Он обеспечивает общение, покой, новости, советы к..

- И что еще?

Уперевшись руками в колени и подавшись вперед, Лиминг выпалил коменданту прямо в лицо:

- А если понадобится - то и месть!

Удар попал в самую точку. Комендант отпрянул со смешанным выражением досады и недоверия. Младшие офицеры незаметно поежились. Чтобы тебя прикончил какой-то призрак - это уже не война, а черт знает что!

Взяв себя в руки, комендант выжал кривую усмешку и заметил:

- Вы у нас в плену. И содержитесь в заключении уже довольно долго. Что-то ваш Юстас не особенно переживает на этот счет.

- Пока нет, - охотно согласился Лиминг.

- Что значит "пока"?

- Ведь Юстас - существо свободное и по собственной воле странствующее во вражеском окружении. У него полно срочных дел, так что пока он занят по горло. Он уже немало сделал и еще много чего сделает... в свое время и на свой лад.

Неужели? И что же он намерен сделать?

- Поживем - увидим, - многозначительно произнес Лиминг.

Собеседники не проявили никакого энтузиазма.

- Никому еще не удавалось посадить землянина в тюрьму больше, чем наполовину, - продолжал он, - на телесную, видимую, осязаемую половину. Зато другую половину вам не поймать никакими силами. Она никому не дается в руки. Бродит себе по свету, вынохивая военные тайны, устраивает мелкие диверсии - словом, живет в свое удовольствие. Вы сами заварили кашу - вам и расхлебывать.

- Мы? Никто вас сюда не звал. Вы свалились на нашу голову без всякого приглашения.

- У меня не было выбора. Ведь я совершил аварийную посадку. Ваш мир мог оказаться дружественным. Но этого не случилось. Кого же теперь винить? Если уж вы встряли в войну с союзниками на стороне Сообщества, сами теперь и отдувайтесь, в том числе и за все проделки Юстаса!

- Вот мы вас шлепнем, и дело с концом.

Лиминг надменно усмехнулся.

- И тем самым еще раз осложните свою участь.

- Каким же образом?

- Юстас живет дольше своего партнера-землянина. Когда человек умирает, его Юстасу требуется от семи до десяти лет, чтобы уйти из жизни. У нас есть древняя песня, в которой говорится: старые Юстасы никогда не умирают - они просто исчезают. В нашем мире блуждают тысячи одиноких, неприкаянных Юстасов, которые постепенно исчезают.

- И что с того?

- Убейте меня - и вы обречете моего Юстаса на полное одиночество. Ведь рядом с ним не будет ни человека, ни другого Юстаса. Дни его сочтены, и он это знает. Терять ему нечего, поскольку его уже больше не сдерживают соображения моей безопасности. Поскольку я ушел навеки, он сможет снять меня со счета и уделить все свое внимание чему его душе угодно.

Он покосился на собеседника и добавил:

- Как пить дать, он впадет в ярость и учинит форменный погром. Не забывайте: для него вы - враги. Его не остановят никакие сантименты или угрызения совести.

Комендант молча соображал. Поверить в услышанное было весьма трудно, и он с трудом удержался от искушения сразу же начисто отмести все эти рассказы. Но до начала звездных войн было так же трудно поверить в гораздо более фантастические истории, которые теперь воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Он не решался отмахнуться от услышанного, как от заведомой чепухи. Давно прошли те времена, когда можно было позволить себе излишнюю самоуверенность. Космические полеты всех известных звездных рас дали лишь самые поверхностные сведения об одной-единственной галактике из невообразимого множества миров, составляющих вселенную. Кто знает, какие невероятные тайны еще ожидают своих открывателей - в том числе, быть может, и такие эфирные создания, как эти Юстасы.

Да, глупцы верят, потому что доверчивы - или же доверчивы, потому что глупы. Умные люди ничего не принимают на веру, но и не отвергают все подряд, ибо понимают всю ограниченность своих познаний. В данный момент комендант остро понимал, что его познания по части так называемых землян близки к нулю. Может статься, что они и вправду двойные существа - наполовину Джо, наполовину Юстасы.

- Все это не то чтобы совсем невероятно, - глубокомысленно изрек он, - однако не внушает особого доверия. В Сообщество кроме нас самих входят еще около двадцати народов. Но я что-то не слышал, чтобы хоть один из них состоял с кем-нибудь в подобной связи.

- А как же латиане? - возразил Лиминг, назвав лидеров противника, главных зачинщиков войны.

Комендант порядком удивился:

- Вы хотите сказать, что у них тоже есть Юстасы?

- Да нет же! У них есть нечто похожее, только попроще. Каждым латианином на подсознательном уровне руководит существо, которое называет себя Гомиком - Гомик такой-то или этакий. Сами латиане об этом, разумеется, и понятия не имеют. Мы бы тоже не знали, если бы нам не подсказали наши Юстасы.

- А они откуда узнали?

- Как вам известно, до сих пор самые жестокие бои велись в латианском секторе. И обе стороны взяли пленных. Так вот, наши Юстасы рассказали нам, что у каждого латианского пленного есть Гомик, который им руководит. Только сами латиане пребывают на этот счет в счастливом неведении. - Он с ухмылкой добавил: - Юстасы не скрывают, что они этих самых Гомиков ни в грош не ставят. Скорее всего, Гомики - довольно примитивная форма совместной жизни.

Комендант нахмурил чело и произнес:

- Это уже что-то конкретное, факт, который можно проверить. Только как, если сами латиане не в курсе дела?

- Проще простого, - успокоил его Лиминг. - У них в плену полно землян. Пусть кто-нибудь спросит этих пленных, каждого по отдельности, есть ли у латиан Гомики.

- Вот что мы сделаем, - решительно сказал комендант и с видом человека, собирающегося вывести мошенника на чистую воду, повернулся к офицеру, сидевшему от него по правую руку. - Баджащим, вызови-ка нашего старшего офицера связи при латианском штабе и прикажи ему допросить пленных землян.

- Если уж на то пошло, вы можете для полной гарантии сделать двойную проверку, - перебил его Лиминг. - Мы называем всех тех, кто связал свою жизнь с невидимым существом, Шизиками. Спросите у пленных, считают ли они всех латиан Шизиками.

- Возьми на заметку - пусть тоже спросит, - приказал комендант. Потом снова обратился к Лимингу: - Вы не могли предвидеть вынужденной посадки и последующего плена; кроме того, вас содержали в строгой изоляции. Стало быть, вы не могли сговориться с землянами, которые находятся в латианском плену.

- Вы совершенно- правы.

- Таким образом, я буду судить о ваших показаниях в зависимости от тех ответов, которые придут на мой запрос. - Он в упор посмотрел на собеседника - И если эти ответы не подтвердят вашу версию, я буду знать, что вы в некотором отношении бессовестный лгун. А может быть, и во всех отношениях. Учтите, у нас есть особые, весьма эффективные методы обращения с лгунами.

- Этого следовало ожидать. Но если ответы действительно подтвердят мои слова, тогда вы поверите, что я сказал правду?

- Нет, - отрубил комендант.

Теперь пришел черед Лиминга удивляться.

- Как же так?

- Я уже сказал, что вы, скорее всего, не могли установить прямую связь с пленными землянами. Но это еще ничего не значит. Ваш Юстас мог сговориться с их Юстасами...

Откинувшись в кресле, он рывком выдвинул ящик и положил на него спираль. Потом еще одну и еще. Целую кучу спиралей.

Ну, - со зловещим торжеством осведомился он, - что вы на это скажете?

ГЛАВА 9

Лиминг впал в состояние, близкое к панике. Он понимал, что имеет в виду собеседник. Ведь он мог общаться со своим Юстасом, а тот, в свою очередь, с другими Юстасами. А другие Юстасы могли общаться со своими партнерами, попавшими в плен.

Надо поскорее выбираться из этой западни!

Обычно он соображал быстро, но после трех месяцев полугодового существования ум его, похоже, стал терять проворность. Сказывалось отсутствие приличной пищи. Как Лиминг ни старался прищипорить мысли, они еле-еле ворочались.

Троица за столом так и застыла в ожидании. Они ловили выражение его лица, считая секунды, которые понадобятся для ответа. Чем дольше он будет раздумывать, тем неубедительнее получится. И наоборот, чем быстрее он выдаст что-нибудь подходящее, тем правдоподобнее оно прозвучит. На их физиономиях уже начало проступать злорадство. Лиминг совсем было пал духом, как вдруг увидел зацепку и ухватился за нее.

- Вы ошибаетесь сразу по двум причинам.

- Назовите их.

- Во-первых, Юстасы не могут общаться через такие колоссальные расстояния. Их мысленные сигналы так далеко не распространяются. Для того чтобы вести беседы с другими мирами, Юстасу необходима помощь землянина, у которого, в свою очередь, должна быть радиоаппаратура.

- Это все одни слова, - заметил комендант. - Если Юстас действительно способен общаться через любые расстояния, то вам выгоднее скрыть этот факт. Было бы весьма глупо признавать такие вещи.

- У меня нет ничего, кроме слов, не важно - верите вы им или нет.

- Лично я не верю, во всяком случае, пока..

- Но ведь ни один отряд землян не бросился мне на выручку, а это обязательно случилось бы, сообщи им Юстас о моей судьбе.

- Ха! - воскликнул комендант. - Чтобы добраться сюда, у них ушло бы куда больше времени, чем то, которое вы здесь сидите. Может быть, вдвое больше. И то при условии, что им каким-то чудом удалось бы прорваться через линию фронта. Отсутствие спасательного отряда еще ничего не значит. - Он подождал и, поскольку ответа не последовало, закончил: - Так что, если у вас есть еще что-нибудь, постарайтесь быть поубедительнее.

- Есть, есть, - заверил его Лиминг. - И тут уже дело не в моих словах, а в ваших.

- Что за чушь! Я ничего не говорил о ваших Юстасах.

- Напротив, вы сказали, что они могут вступить в сговор.

- Ну и что же?

- А то, что сговор может быть только в том случае, если Юстасы существуют на самом деле. Если же мои показания - ложь, то Юстасы не существуют, а между несуществующими созданиями никак не может возникнуть сговор.

Комендант сидел не шелохнувшись, по его лицу разливался слабый багрянец. Он выглядел, да и ощущал себя, как охотник, попавший в свой капкан. Было видно, что офицер слева от него из последних сил старается удержать непочтительный смешок.

- Если же вы не верите в Юстасов, - продолжал вдохновенно заливать Лиминг, - то по законам логики вы не можете верить и в сговор между ними. С другой стороны, если вы верите в возможность сговора, то придется вам поверить и в Юстасов. Конечно, если вы в здравом уме и к тому же в штанах с лампасами.

- Стража! - закричал комендант, злобно указывая пальцем на Лиминга

- Отвести его обратно в камеру!

Охранники с готовностью погнали пленника к дверям, но комендант внезапно передумал.

- Стойте! - рявкнул он. Схватив спираль, он замахал ею перед Лимингом. - А где вы взяли материал для этой штуки?

- Юстас принес. Кто же еще?

- Убирайтесь с глаз долой!

- Мерс, фаплап! - стали подгонять его охранники, подталкивая прикладами. - Амаш! Амаш!

Остаток дня и все утро следующего он провалялся на скамье, обдумывая случившееся, планируя дальнейшие шаги, а в минуты отдыха -

восхищаясь собственным превращением в отчаянного и беззащитного лгуна.

Снова и снова он сравнивал свой путь к освобождению, прокладываемый одним лишь языком, с попытками ригелиан добыть свободу голыми руками. Кому повезет больше? И, что еще важнее, кто, выбравшись на свободу, там и останется? Ясно одно: его метод менее утомителен для оголодавшего, обессилевшего тела, но зато куда более изнурителен для нервной системы. У него есть еще одно преимущество - пока ему удалось отвлечь их от намерения выжать из него военные тайны. Так ли это? Может быть, с их точки зрения, его откровения по поводу двойной природы землян гораздо важнее всех подробностей вооружения, которые могут оказаться ложью. Во всяком случае, ему на какое-то время удалось избежать допроса, а ведь он мог оказаться весьма жестоким и болезненным. Таким образом, оттянув расправу, он только добавил блеска подлинному перлу мудрости, который гласит мысли пачкают мозги.

Из любви к искусству он дождался подходящего момента, и охранник, заглянувший в глазок, застал его в разгар произнесения цветистой благодарности в адрес Юстаса на некую таинственную, неназванную услугу. Как и ожидалось, это заставило перепуганного Марсина задуматься, кто же именно сплеховал и попался на Юстасову удочку. Наверняка скоро и начальник караула задаст себе тот же вопрос. А в свое время и другие офицеры.

Около полуночи, так и не в силах уснуть, Лиминг пришел к выводу нет смысла делать дело наполовину. Если дело стоящее, то и делать его нужно как следует. Это относится и ко лжи, и к злодейству - как, впрочем, и ко всему остальному. Мало довольствоваться многозначительной усмешкой, прознав, что враг понес легкие потери.

Можно идти гораздо дальше. Никто на этом свете не застрахован от капризов фортуны. И удачи, и неудачи случаются в любом уголке вселенной. Так почему бы не приписать и то и другое Юстасу? И почему бы ему, Лимингу, в связи с этим не присвоить право карать и миловать?

И это еще не все. Удача и неудача - события со знаком плюс. Можно, минуя нулевую область, завладеть событиями со знаком минус. Благодаря Юстасу он сумеет поставить себе в заслугу не только то, что произошло, - будь то хорошее или плохое, - но и то, чего не произошло. Тогда ему останется только заявлять права на случившееся, а в промежутках - стричь купоны с несбыточного.

Лиминг не смог побороть искушения начать немедленно. Скатившись со скамьи, он обработал кулаками и сапогами всю дверь сверху донизу. Охранник только что сменился, потому что глаз, заглянувший в камеру, принадлежал Колуму, тому самому типу, который не так давно пнул его под зад. Колум мог дать Марсину сто очков вперед: ведь он умел считать на всех двенадцати пальцах - если, конечно, предоставить ему достаточно времени для раздумий.

- Так это ты! - сказал Лиминг, демонстрируя огромное облегчение. - Как я рад! Я постарался чтобы он отстал от тебя и хотя бы ненадолго оставил в покое. Он чересчур горяч и слишком уж суров. Я вижу, что ты гораздо умнее других охранников и, стало быть, способен измениться к лучшему. Я дал ему понять, что ты слишком сообразителен, чтобы ходить в сержантах. Его нелегко переубедить, но для тебя я постараюсь.

- Ну да? - изрек наполовину польщенный, наполовину испуганный Колум.

- Так вот, пока он оставил тебя в покое, - повторил Лиминг, зная, что собеседник не сможет его опровергнуть - Он еще ничего тебе не сделал пока. - Он усилил нажим. - Я постараюсь как можно крепче держать его в узде. Только тупые грубияны заслуживают медленной смерти.

- Вы правы, - с готовностью поддакнул Колум. - Вот только...

- Теперь, - решительно перебил его Лиминг, - все зависит только от тебя. Докажи, что я не ошибся, доверяя тебе, и ты убережешь себя от

участи, которая ждет тугодумов. Мозгами нужно пошевелить, ведь так?

- Да, но...

- А тот, кому Бог мозгов не дал, в ход их пустить не может. Ты со мной согласен?

- Так-то оно так, но...

- Все, что от тебя требуется, чтобы доказать свою сообразительность, - это передать коменданту записку.

Колум так и вытаращил глаза от ужаса:

- Никак нельзя. В этот час его не положено беспокоить. Начальник караула не позволит. Он...

- Тебя и не просят доставить коменданту записку сию же минуту. Вручишь утром ему лично, когда он проснется.

- Это другое дело, - с явным облегчением сказал Колум. - Только я должен вас предупредить: если записка ему не понравится, попадет вам, а не мне.

- Меня он не тронет, иначе я его так трону... - заявил Лиминг, как будто констатировал непререкаемую истину. - Давай, пиши.

Прислонив ружье к противоположной стене коридора, Колум откопал в недрах кармана карандаш и бумагу. Глаза его выпучились от напряжения. Он готовился к невероятно трудной задаче - нацарапать десяток-другой слов.

- Его Высокородию, Мерзейшему из Надзирателей.

- Что такое "мерзейший из надзирателей"? спросил Колум, борясь с незнакомым написанием земных слов.

- Это такой титул, вроде "Вашего Высочества". Ведь он у вас и вправду высокий, - Лиминг почесал нос, наблюдая, как охранник потеет над письмом.

Потом стал медленно диктовать, стараясь, чтобы каллиграфический талант Колума поспевал за его темпом.

- Питание скудное, и качество его отвратительное. Я ослаб, потерял в весе, все ребра торчат наружу. Моему Юстасу это не по нраву. Чем больше я хую, тем больше он свирепеет. Стремительно приближается момент, когда я вынужден буду снять с себя всякую ответственность за его поступки. Поэтому прошу Ваше Высокомерзейшее Надзирательство отнестись к этому со всей серьезностью.

- Больно уж много слов, да еще какие длинные, - посетовал Колум с видом измученного крокодила - Когда сменюсь с дежурства, придется переписать поразборчивее.

Понимаю и цену те труды, которые ты взял на себя, желая мне помочь. - Лиминг так и излучал братскую любовь. - Именно поэтому я уверен, что ты будешь жив-здоров до тех пор, пока не выполнишь мое поручение.

- Хотелось бы пожить подольше, - заныл Колум, снова выпучив глаза - Ведь я тоже имею право жить, верно?

Именно так я ему и сказал, - произнес Лиминг, сделав вид, как будто промучился всю ночь, доказывая неоспоримый факт, но гарантировать успех пока не может.

Мне больше нельзя говорить с вами, - спохватился вдруг Колум, подхватив ружье. - И вообще разговаривать с вами не положено. Если начальник караула меня застукнет.

- Его дни сочтены, - холодно произнес Лиминг. - Он не переживет даже собственной смерти.

Колум, уже протянувший было руку, чтобы закрыть глазок, замер, будто его хватили обухом. Потом спросил:

- А разве можно пережить свою смерть?

- Все зависит от метода убийства, - пояснил Лиминг. - Есть такие, о которых ты никогда не слышал и даже вообразить себе не можешь, что это такое.

Тут Колум потерял к беседе всякий интерес и захлопнул глазок. Лиминг вернулся на свою скамейку и растянулся на ней во весь рост.

Свет угас. Семь звезд заглянули в оконце - и путь к ним ему не заказан!

Наутро завтрак запоздал на час, но зато он состоял из миски тепловатой кашицы, двух толстых ломтей черного хлеба, густо намазанных жиром, и большой кружки теплой жидкости, отдаленно напоминающей слабенький кофе. Он проглотил все это с растущим торжеством. По контрасту с тем, что ему приносили обычно, сегодняшняя еда казалась рождественским обедом. Настроение резко подскочило.

Ни в этот день, ни на следующий приглашение на вторую беседу не поступило. Комендант затаился на целую неделю. Как видно, Его Мерзейшее Надзирательство все еще ожидает ответа из латианского сектора и не склонно предпринимать никаких действий до его получения. Тем не менее, еда стала лучше, и Лиминг расценил этот факт как подтверждение того, что кто-то хочет застраховать себя от напастей.

Затем, как-то рано поутру, ригелиане устроили представление. Из камеры их не было видно, но зато прекрасно слышно. Каждый день, примерно через час после рассвета, раздавался топот двух тысяч пар ног, который удалялся в сторону мастерских. Обычно это был единственный звук - ни голосов, ни обрывков разговоров, только усталая поступь да изредка выкрики охраны.

На этот раз они шли с песней, и в их пронзительных голосах слышался ясный вызов.

Оглушительный нестройный хор выводил что-то вроде: "Аста Зангаста - грязный старикашка, у него на пузе блохи, а в носу - какашка!" Это должно было звучать глупо и по-детски. Но нет, их единодушный порыв, казалось, придавал песенке скрытую угрозу.

Заорали охранники. Пение становилось все громче, причем вместе с силой звука рос и вызов. Стоя под окном, Лиминг напряженно прислушивался. Именно в такой оскорбительной форме он впервые услышал упоминание об Асте Зангасте, который, вероятно, был правителем этой планеты, диктатором, а может быть - просто главным головорезом.

Рев двух тысяч глоток достиг крещендо. Охранники бесновались, но их выкрики тонули в общем гвалте. Где-то раздался предупредительный выстрел. Часовые на сторожевых вышках развернули пулеметы, нацеливая их на двор.

- Выродок ушастый этот Аста Зангаста! - взревели вдали ригелиане, доводя свою эпическую поэму до победного конца.

Раздались удары, выстрелы, звуки потасовки, яростные вопли. Двадцать охранников в полном вооружении промчались мимо окна Лиминга, спеша к невидимой свалке. Гомон продолжался полчаса. Потом постепенно утих. Повисшая вслед за этим тишина была почти осязаема.

Во время прогулки весь тюремный двор оказался в полном распоряжении Лиминга больше никого из пленников не было. Мрачный и озадаченный, он слонялся взад-вперед, пока не наткнулся на Марсина, стоящего на карауле.

- А где остальные? Что с ними приключилось?

- Они нарушили дисциплину и потеряли уйму времени. Теперь их задержат в мастерских, пока они не выполнят дневную норму. Сами виноваты. Они нарочно затянули начало работы, чтобы уменьшить выработку. Мы даже не успели их пересчитать.

Лиминг ухмыльнулся ему в лицо.

- Кое-кому из охранников не поздоровилось?

- Было дело, - признался Марсин.

- Но не сильно, - подсказал Лиминг. - Ровно настолько, чтобы они почувствовали, что их ожидает. Вот и пораскинь мозгами!

- Что вы хотите этим сказать?

- Только то, что сказал, - пораскинь мозгами. - Потом добавил: - Но с тобой-то ничего не случилось. Призадумайся и на этот счет!

Он лениво удалился, оставив Марсина в тревоге и недоумении. Потом шесть раз обошел двор, напряженно размышляя. Внезапное нарушение

дисциплины, допущенное ригелианами, несомненно взбаламутило всю тюрьму, теперь суматоха хватит на целую неделю. Он ломал себе голову, чего они добивались. Может быть, они пошли на это, чтобы хоть как-то развеять отчаяние и тяготы жизни взаперти. От одной зеленой скуки можно решиться на самые безумные выходки.

На седьмом круге он все еще терялся в догадках, как вдруг случайная фраза Марсина обрушилась на него, как удар дубины: "Мы даже не успели их пересчитать". Черт возьми! Вот вам и повод для утреннего тарарама. Хоровое общество решило увильнуть от переклички. И причина их стремления избежать обычной процедуры могла быть только одна.

Снова отыскав Марсина он пообещал:

- Завтра кое-кто из охраны пожалеет, что родился на свет.

- Вы что, угрожаете?

- Просто предсказываю будущее. Передай мои слова дежурному офицеру. Это поможет тебе избежать неприятностей.

- Ладно, передам, - сказал Марсин, заинтригованный, но все же благодарный.

События следующего утра доказали: он был прав на сто процентов, предполагая, что ригелиане - слишком трезвый народ, чтобы навлечь на себя синяки и шишки, не имея на то веских причин. Противнику понадобился целый день, чтобы прийти к аналогичному выводу.

Через час после рассвета ригелиан выгнали во двор, барак за бараком, группами по пятьдесят человек, вместо обычной нескончаемой колонны. Их пересчитали по пятьдесят, что было не сложно. Но даже столь простая арифметика отказала, когда в одном из барачков обнаружилось всего двенадцать человек, причем все как один слабые, болезненные, раненые, словом, ни на что не годные.

Разъяренные охранники ворвались в барак, чтобы выволочь тридцать восемь недостающих. Но их там не оказалось. Дверь была в целости и сохранности, оконная решетка невредима. Охранники долго метались в панике, пока кто-то из них не приметил, что одна из плит в полу чуть-чуть сдвинута. Они подняли ее и обнаружили глубокую яму, от которой отходил тоннель. Один из охранников весьма неохотно спустился в яму, залез в тоннель и вскоре благополучно выбрался наружу, на порядочном расстоянии от стены. Стоит ли говорить, что тоннель оказался пуст.

Завыли сирены, по всей тюрьме затопали сапоги охранников, офицеры заорали противоречащие друг другу приказы. Словом, вся тюрьма превратилась в дурдом. Ригелиане получили сполна за то, что сорвали вчерашнюю перекличку и тем самым дали беглецам дневную фору. Заработали сапоги и ружейные приклады. Изувеченных и потерявших сознание оттаскивали в сторону..

Всю ответственность за побег свалили на старосту из провинившегося барака - высокого хромого ригелианина. Его схватили, допросили, приговорили, поставили к стенке и расстреляли. Лиминг этого не видел, зато отлично слышал хриплые выкрики: "На караул... целься... огонь!" и последовавший за ними залп.

Он, как памятник, расхаживал взад-вперед по камере, сжимая кулаки. Живот скрутило, как будто там угнездился змеиный выводок. Про себя он крепко ругался. Его разбирало одно желание, одна пламенная мечта: свернуть шею какой-нибудь зангастанской шишке. Глазок открылся и тут же захлопнулся: плюнуть надзирателю в глаз Лиминг не успел.

Суматоха не утихала. Распалившиеся охранники обыскали все бараки подряд, проверяя двери, решетки, полы, даже потолки. Офицеры выкрикивали кровожадные угрозы в адрес мрачно сбившихся в кучки ригелиан, если они мешкали, выполняя приказ.

На закате солдаты наружной охраны приволокли семерых измученных, вывалянных в грязи беглецов. Прием их ждал короткий и суровый: "На караул... целься... огонь!" Лиминг бешено забарабанил в дверь, но глазок не открылся и никто не подал голоса. Через два часа он сделал

из оставшейся проволоки последнюю спираль. Полночи он провел, во всю глотку выкрикивая в нее страшные угрозы. Никакой реакции.

В середине следующего дня им овладела глубокая безысходность. Он прикинул, что у ригелиан на подготовку побега ушел почти год. И вот результат: восемь трупов и тридцать один человек пока не пойманы. Если им удастся держаться вместе и не растерять друг друга, то тридцать один человек - достаточная команда, чтобы захватить любой корабль вплоть до истребителя. Но, полагаясь на собственный опыт, он знал, что их шансы на успех ничтожны.

Ведь такой крупный побег переполюшил всю планету. Теперь в каждом космопорте выставят сильную вооруженную охрану и не снимут до тех пор, пока не поймают последнего из них. При удаче беглецы смогут продержаться на свободе довольно долго. Но все равно они привязаны к планете и в итоге обречены на поимку и последующую расправу.

А пока их товарищи расхлебывают кашу, которую они заварили, да и его собственные планы оказались под угрозой. Нет, он ничуть не против побега. Пусть им повезет. Вот только случился бы он месяца на два раньше или позже.

Лиминг мрачно заканчивал обед,- когда за ним явились четверо охранников.

- Вас срочно требует комендант.

Вид у них был злой и подавленный. У одного на чешуйчатой башке красовалась повязка, у другого глаз совсем заплыл.

"Не могли выбрать лучшего времени", - подумал Лиминг. Ведь комендант взвевается, как ракета, при первом же намеке на любое возражение. Попробуй поспорить с начальственным олухом, доведенным до белого каления, - одни эмоции, никакой логики, слова не даст сказать. Весь вымотаешься, пока чегонибудь добьешься.

Четверка повела его по коридору - двое спереди, двое позади. Лево́й, право́й, лево́й, право́й, бух, бух, бух - это наводило на мысли о церемониальном шествии на гильотину. Казалось, за углом, в треугольном дворике, поджидают священник, топор на веревке, плетеная корзина да деревянный ящик.

Все вместе они ввалились в ту же комнату, что и в прошлый раз. Комендант сидел за столом, но младших офицеров поблизости не наблюдалось. Кроме коменданта, в комнате был только пожилой господин в штатском, занимавший кресло по правую руку. Когда пленник вошел, старикан устремил на него острый, пронзительный, изучающий взгляд.

- Это Паллам, - представил его комендант с таким неожиданным радушием, что Лиминг даже опешил. Потом добавил с оттенком благоговения - Его направил к нам сам Зангаста.

- Психиатр, как я полагаю? - предположил Лиминг, подозревая ловушку.

- Ничего подобного, - спокойно ответил Паллам. - Меня в основном интересуют различные аспекты симбиоза.

Волосы у Лиминга так и зашевелились. Ему вовсе не улыбалось, чтобы его допрашивал ученый. У таких типов, как правило, цепкий, совсем не военный ум и скверная привычка испортить хорошую байку, обнаружив в ней противоречия.

"Определенно, этот безобидный на вид старикашка и есть главная угроза", - решил он.

- Паллам хотел бы задать вам несколько вопросов, - сообщил комендант, - но это потом. - На лице его появилось самодовольное выражение. Для начала я хочу сказать, что очень обязан вам за сведения, которые вы сообщили в нашей прошлой беседе.

- Вы имеете в виду, что они сослужили вам пользу? - спросил Лиминг, с трудом веря собственным ушам?

Весьма существенную, в свете серьезного и в высшей степени глупого побега. Все охранники, отвечавшие за четырнадцатый барак, будут переброшены в районы боевых действий, где их отправят в космопорты,

которым угрожает нападение. Впредь неповадно будет так грубо пренебрегать своими обязанностями. - Он задумчиво взглянул на собеседника и продолжал: - Меня ожидала бы такая же участь, не посчитай Зангаста побег пустяком по сравнению с теми важными данными, которые я получим от вас.

Несмотря на изумление, Лиминг не преминул этим воспользоваться.

- Когда я к вам обратился, вы лично распорядились, чтобы меня кормили получше. Вы, разумеется, ожидали ответного подарка?

- Подарка? - комендант опешил. - Я ни о чем таком не думал.

- Тем лучше, - одобрительно заметил Лиминг, восхищенный великодушием тюремщика - Благое дело - благо вдвойне, если оно не сопряжено ни с какими скрытыми мотивами. Юстас это непременно учтет.

- Вы хотите сказать, - вставил Паллам, - что его нравственные принципы идентичны вашим?

Черт бы побрал этого типа! Однако он не дремлет. Теперь держи ухо востро!

- В некотором отношении сходны, но не идентичны.

- Каково же самое важное отличие?

- Видите ли, - сказал Лиминг, стараясь выиграть время, - это трудно сформулировать. - Он потер лоб, а в голове его в это время бешено роились мысли. - Я бы сказал, что у нас разный подход к вопросу о мести.

- Тогда объясните разницу, - потребовал Павлам, устремляясь по следу, как голодная ищейка.

С моей точки зрения, - признался Лиминг, мысленно посылая собеседника ко всем чертям, - он слишком склонен к садизму.

Неплохо, теперь он сумеет оправдаться, если и нему начнут приставать со всевозможными претензиями.

- В каком смысле? - не отставал Паллам.

- Я предпочитаю действовать сразу, не откладывая дело в долгий ящик. Он же норовит продлить мучения жертвы.

- Продолжайте, - настаивал Паллам, проявляя невыносимое занудство.

- Если бы мы с вами были смертельными врагами и если бы у меня, в отличие от вас, было ружье, я бы выстрелил и убил вас. Если же Юстас приговорит вас к смерти, он поведет дело медленно, не торопясь.

- Опишите его метод.

Для начала он даст вам почувствовать, что вы обречены. А потом и пальцем не пошевелит до тех пор, пока вы полностью не поверите, что все это только иллюзия, что вам ничего не грозит. Тут он напомнит о себе легким ударом. Когда возникшие страхи и опасения улягутся, он снова ударит, уже посильнее. И так далее, и так далее, по нарастающей - причем столько раз, сколько нужно.

- Нужно для чего?

- Для того чтобы вам стала ясна ваша участь, а муки ее ожидания оказались невыносимыми. - На мгновение задумавшись, он добавил: - Ни один Юстас еще никого не убил. Они используют свою оригинальную тактику. Либо устраивают несчастный случай, либо вынуждают жертву наложить на себя руки.

- Доводят жертву до самоубийства?

Именно это я имел в виду.

- И нет никакой возможности избежать подобной участи?

- Почему же, есть, - возразил Лиминг. - Жертва может в любую минуту обезопасить себя и освободиться от всех страхов, если искупит зло, нанесенное партнеру Юстаса.

- И такое искупление немедленно прекратит вендетту?

- Совершенно верно.

- А вы лично это одобряете?

Да. Если моя обида перестает быть реальной и превращается в воображаемую, Юстас ее больше не замечает и никак на нее не реагирует.

- Значит, вот к чему все сводится, - многозначительно произнес

Паллам. - Его метод дает мотив и возможность для раскаяния, а ваш - нет?

- Пожалуй, так.

- И это означает, что у него чувство справедливости развито более гармонично?

- Но он бывает и совершенно безжалостен, - возразил Лиминг, не в силах придумать ничего более удачного.

- Это к делу не относится, - отрезал Паллам.

Он задумчиво помолчал, потом заметил коменданту:

- Похоже, что в данном союзе партнеры не равны. Невидимый компонент к тому же еще и высший. В сущности он - господин материального раба, но проявляет свое господство так тонко, что раб первый же начнет отрицать свою участь.

Он испытующе взглянул на Лиминга, но тот сжал губы и ничего не сказал "Ах ты, хитрый боров, - подумал Лиминг, - если ты пытаешься спровоцировать пленного на бурный спор, то ничего у тебя не выйдет. Оставайся в заблуждении, что ты взвесил меня на весах и обнаружил недoves: нет ничего зазорного в том, что меня считают менее развитым, чем плод моего же собственного воображения".

Теперь уже явно лукавя, Паллам кинул пробный шар:

- Когда ваш Юстас берет отмщение в свои руки, он поступает так потому, что обстоятельства не позволяют ни вам, ни сообществу землян свершить надлежащую кару?

- Приблизительно, - осторожно подтвердил Лиминг.

Иными словами, он действует только в том случае, когда вы или закон бессильны?

- Он берется за дело, когда возникает необходимость.

Вы что-то скрываете. Необходимо выяснить вопрос до конца. Если вы сами или ваши товарищи могут кого-то наказать и приводят приговор в исполнение - станет ли кто-то из Юстасов его наказывать тоже?

- Нет, - ответил Лиминг, беспокойно ерзая.

Если вы сами или ваши товарищи не могут кого-то наказать или не наказывают, вмешивается ли тогда Юстас, чтобы привести приговор в исполнение?

- Только в том случае, если оставшийся в живых землянин пострадал безвинно.

- Тогда Юстас пострадавшего действует от лица своего партнера?

Да.

- Прекрасно! - заявил Паллам. - Он подался вперед и, пристально уставившись на собеседника, зловеще произнес: - А теперь давайте предположим, что ваш Юстас найдет вескую причину, чтобы наказать другого землянина. Как тогда поступит Юстас? Жертвы?

ГЛАВА 10

Западня была расставлена ловко и основана на знании того факта, что ответы на вопросы, касающиеся реальных, знакомых, повседневных вещей, должны следовать автоматически, почти без раздумий. Обманщику же для поиска спасительной лжи всегда нужно какое-то время, чтобы придать ответу правдоподобие. По всему, Лиминг должен был бы попасться. И если этого не случилось, то вовсе не из-за его особой сообразительности.

Мысли его все еще беспорядочно кружились, а рот уже открылся и из него сами собой вылетели слова:

- Да ничего особенного.

На какой-то безумный миг он даже подивился - уж не сам ли Юстас пожаловал сюда, чтобы разделить их компанию?

- Почему же?

Воодушевленный тем, как ловко его язык овладел ситуацией, Лиминг предоставил ему полную свободу.

- Я уже говорил вам и повторяю еще раз, никого из Юстасов ни на секунду не озаботит обида, которая является целиком воображаемой. У землянина, виновного в преступлении, нет никакого повода для жалоб. Он сам навлек на себя месть и только сам может себя спасти. Если он не любитель неприятностей, тогда ему нужно понять это и исправить то зло, которое он кому-то причинил.

А его Юстас станет принуждать или подталкивать своего партнера к совершению поступка, необходимого для того, чтобы отвести наказание?

- Поскольку сам я никогда не бывал в роли преступника, - с глубочайшим достоинством отвечал Лиминг, - то не могу сообщить на этот счет ничего определенного. Полагаю, что не особо погрешу против истины, если скажу, что земляне потому ведут себя в рамках правил, что их вынуждает к этому связь с Юстасами. У них просто нет особого выбора.

- А если подойти с другой стороны - есть ли у землян какой-то способ принудить Юстасов вести себя в рамках правил?

- Тут не нужно никакого принуждения. Юстас всегда прислушивается к доводам партнера и действует в рамках общепринятых понятий о справедливости.

Я ведь уже говорил вам, - сказал Паллам в сторону, обращаясь к коменданту, - что этот землянин - низшая форма данной парочки. Он снова обратился ж пленнику: - Все то, что вы нам рассказали, вполне приемлемо, поскольку соответствует действительности - до известной степени.

- Что значит "до известной степени"?

- Дайте мне закончить, - попросил Паллам. - Я не вижу никакой разумной причины, исходя из которой Юстас любого преступника позволит, чтобы его партнера довели до самоубийства. Поскольку они - существа, независимые от окружающих и, наоборот, взаимозависимые друг от друга, бездейтельность Юстаса противоречит основному закону самосохранения.

- Никто не кончает жизнь самоубийством, пока не получит сдвига по фазе.

- Пока что?

- Не сойдет с ума, - пояснил Лиминг. - Ведь сумасшедший как интеллектуальный партнер никуда не годен. Для Юстаса он все равно что умер. Нет никакого смысла его оберегать или мстить за него. Юстасы водятся только с нормальными.

Паллам уцепился за это и взволнованно спросил:

- Так, значит, та польза, которую они извлекают из партнерства, коренится где-то в умах землян? Может быть, они извлекают из вас необходимую для себя умственную пищу?

- Вот уж не знаю.

- А бывает, что вы устаете от своего Юстаса, ощущаете изнеможение, может быть даже некоторое отупение?

- Да! - с энтузиазмом подхватил Лиминг. Приятель, до чего же ты прав! Сейчас он с превеликим удовольствием придушил бы этого чертова Юстаса.

- Я бы изучал этот феномен месяцами, - обратился Паллам к коменданту. - Невероятно интересная тема! У нас нет никаких данных о симбиотической связи у живых организмов, за исключением растений и шести видов низших злаков. И вдруг - обнаружить ее у высших позвоночных, причем у разумных разновидностей, да к тому же один из них - невидимый! Замечательно, поистине замечательно!

На лице коменданта застыло воодушевление, хотя он понятия не имел, что привело собеседника в такой восторг.

- Ознакомьте его с рапортом, - напомнил Паллам.

- Из Латинского сектора получен рапорт от нашего офицера связи, полковника Шомута, - сообщил Лимингу комендант. - Шомут владеет космоарго, и это позволило ему допросить множество пленных землян, не прибегая к помощи латинского переводчика. Мы дали ему еще кое-какие

дополнительные сведения, поэтому результат очень важен.

- А вы чего ожидали? - небрежно обронил Лиминг, в душе сгорая от любопытства.

Не удостоив его вниманием, комендант продолжал:

- Он сообщил, что большинство пленных отказались отвечать на вопросы или давать какие бы то ни было объяснения. Они решительно и бесповоротно молчали. И это вполне понятно. Они никак не могли поверить, что из них не пытаются вытянуть военной тайны. Никакие уговоры полковника Шомута не подействовали - они так и не открыли рта. - Он вздохнул при мысли о подобном упрямстве. - Но кое-кто все же заговорил.

- Любители поболтать везде найдутся, - заметил Лиминг.

Некоторые офицеры заговорили, и среди них - капитан крейсера Томпас... Томпус...

- Томас?

Да-да, именно так. - Повернувшись в кресле, комендант нажал на кнопку в стене. - Вот запись беседы с ним, которую мы получили по радио.

Из перфорированной решетки, вделанной в стену, донеслось хриплое шипение. Оно сделалось громче, потом стихло, превратившись в отдаленный шум. Послышались голоса:

Шомут: Капитан Томас, я получил приказ проверить кое-какие поступившие к нам сведения. Вы ничего не потеряете, ответив на мои вопросы, и ничего не выиграете, если откажетесь отвечать. Здесь нет латиан, только я и вы. Можете высказываться совершенно свободно. Все, что вы сообщите, мы сохраним в полной тайне.

Томас: Ну и ловко же вы это - про латиан! Только ваши фокусы меня не одурачат. Враг - всегда враг, независимо от внешности и названия. Валите отсюда - все равно ничего из меня не вытянете.

Шомут, терпеливо: Капитан, Томас, предлагаю вам сначала выслушать и обдумать вопросы, а потом уже решать - отвечать на них или нет.

Томас, недовольно: Ну, ладно. Что там у вас?

Шомут: Правда ли, что наши союзники латиане - Шизики?

Томас, после продолжительного молчания: Вы хотите знать истинную правду?

Шомут: Безусловно.

Томас, с оттенком злорадства: Терпеть не могу говорить о ком-то плохо за глаза, даже если это вонючий латианин, но бывают моменты, когда приходится- признать: грех есть грех, грязь есть грязь, а латианин - тот, кто он есть, ясно?

Шомут: Прошу вас, отвечайте на вопрос.

Томас: Латиане - шизики!

Шомут: И у них есть Гомики?

Томас: Послушайте, где вы набрались таких сведений?

Шомут: Это наше дело. Будьте любезны отвечать.

Томас, с вызовом: Мало того, что у латиан есть гомики - их появится еще чертова уйма, пока мы с вами тут чирикаем.

Шомут, в недоумении: Разве это возможно? Нам стало известно, что каждым латианином на подсознательном уровне руководит его Гомик. Значит, общая численность Гомиков должна быть ограничена. Она не может возрасти, разве что при рождении новых латиан.

Томас, поспешно: Вы меня не так поняли. Вот что я имел в виду. По мере роста потерь у латиан, численность непристроенных Гомиков будет все возрастать. Ясно, что даже самый распрекрасный Гомик не способен руководить трупом, ведь так? Поэтому слоняющихся без дела Гомиков будет куда больше, чем уцелевших латиан.

Шомут: Теперь я вижу, что вы имеете в виду. Это создаст весьма серьезную психологическую проблему. (Пауза.) Скажите, капитан Томас, не возникает ли у вас предположения, что такая масса одиноких Гомиков сможет подчинить себе каких-нибудь других живых существ, кроме латиан?

Томас, голосом настолько зловещим, что хоть орден вручай: Я бы ничуть не удивился.

Шомуш: Вы не знаете точно?

Томас: Нет.

Шомут: А правда, что истинная природа латиан знакома вам только потому, что вас о ней уведомил ваш Юстас?

Томас, изумленно: Что-что?

Шомут: Ваш Юстас. Почему это вас так удивляет?

Томас, оправившись настолько стремительно, что мог бы заработать к ордену еще и ленту: Мне послышалось, что вы сказали "Юность". Как это глупо с моей стороны. Ну конечно же, мой Юстас. Вы совершенно правы.

Шомут, понизив голос: Здесь содержится более четырехсот пленных землян. Это означает, что по планете беспрепятственно разгуливают более четырехсот Юстасов. Правильно?

Томас: Не могу отрицать.

Шомут: Тяжелый латианский крейсер "Ведер" разбился всмятку при посадке. Латиане приписали аварию ошибке команды. Но это случилось как раз через три дня после того, как сюда доставили ваших пленных. Вы считаете, что это просто совпадение?

Томас, просяив: Разбирайтесь сами.

Шомут: Вы понимаете, что в данной ситуации ваш отказ от ответа - сам по себе ответ?

Томас: Делайте какие угодно выводы. Я не выдам военной тайны Земли.

Шомут: Ладно. Давайте попробуем еще что-нибудь. В нескольких градусах к югу отсюда расположен самый крупный топливный склад в этой части галактики. Неделю назад он взлетел на воздух - весь, до последней постройки. Ущерб весьма тяжелый. Флот Сообщества обездвижен на длительное время.

Томас, с восторгом: Ура!!!

Шомут: Латианские специалисты выдвинули гипотезу, что искра статического электричества якобы вызвала взрыв бака, в котором была течь, а от него уже стало взрываться все остальное. У специалистов всегда наготове какие-нибудь правдоподобные объяснения.

Томас: Ну и что же тут не так?

Шомут: Склад функционировал более четырех лет. И все это время не было никаких искр.

Томас: Куда вы клоните?

Шомут, с нажимом: Вы сами признали, что в этом районе слоняется больше четырехсот Юстасов, которые могут делать все, что им заблагорассудится.

Томас, тоном неподкупного патриота: Я ничего не признавал. И вообще, не отвечу больше ни на один вопрос.

Шомут: Этот ответ вам подсказал ваш Юстас?

Молчание.

Шомут: Если ваш Юстас здесь, можно ли с вашей помощью его допросить?

Ответа не последовало.

Выключив запись, комендант сказал:

- Такие вот дела. Восемь других офицеров-землян дали более или менее сходные показания. Остальные постарались скрыть факты, но, как вы уже слышали, у них ничего не вышло. Сам Зангаста прослушал запись, и он всерьез озабочен сложившейся ситуацией.

- Пусть не берет в голову, - посоветовал Лиминг.

- Почему?

- Потому что все это сплошная инсценировка, цирк да и только. Мой Юстас подговорил их Юстасов - вот и все.

Физиономия коменданта ты и вытянулась.

- Когда мы с вами виделись в прошлый раз, вы уверяли, что без помощи Юстасов никакого сговора быть не может... но теперь уже все

равно.

- Я рад, что вы наконец разобрались, что к чему.

- Не будем зря терять время, - нетерпеливо вмешался Паллам. - Все это не имеет никакого значения. Доказательства, которые подтверждают ваши слова, достаточно весомы - как бы мы к ним ни относились.

Получив подсказку, комендант продолжал:

- Я сам провел кое-какое расследование. На протяжении двух лет у нас бывали мелкие неприятности с ригелианами, но ни одной особо серьезной. И вот после того, как вы свалились на нашу голову, происходит массовый побег. Очевидно, он был запланирован задолго до вашего появления, но, тем не менее, случился вскоре после него, да еще и при обстоятельствах, наводящих на мысль о посторонней помощи. Спрашивается, откуда пришла поддержка?

Понятия не имею, - многозначительно произнес Лиминг.

- Восемь моих охранников, то и дело оскорбляя вас, постепенно вызывали вашу враждебность. Из них четверо находятся в госпитале с тяжелыми ранениями, еще двоим предстоит отправка в район боевых действий. Полагаю, что раньше или позже двое остальных тоже попадут в беду - это всего лишь вопрос времени.

- Двое остальных взяли за ум и заслужили прощение. С ними ничего не случится.

- Неужели? - Комендант был явно удивлен.

Но Лиминг не унимался:

Я не могу дать таких же гарантий тем, кто расстрелял беглецов, их офицеру или начальнику, приказавшему расстрелять беззащитных пленников.

- Мы всегда расстреливаем заключенных, виновных в побеге. Это давно установленное правило и необходимая мера устрашения.

- А мы всегда расправляемся с палачами, - парировал Лиминг. - Это тоже давно уже установленное правило и мера устрашения.

- Говоря "мы", вы подразумеваете себя и вашего Юстаса? - встрял Паллам.

- Да.

- А какое до этого дело вашему Юстасу? Ведь жертвы-то не земляне. Просто кучка буйных ригелиан.

- Ригелиане - наши союзники. А союзники - значит друзья. Мне претит, когда их хладнокровно и бессмысленно уничтожают. А Юстас очень чутко реагирует на мои настроения.

- Но не обязательно им повинуется?

- Нет.

- На самом деле, - наседал Паллам, решив все выяснить фаз и навсегда, - если рассмотреть вопрос, кто кому подчиняется, то именно вы служите ему.

- Во всяком случае, частенько, - признался Лиминг, перекосившись, как будто у него только что выдернули больной зуб.

- Видите, вы сами лишний раз подтверждаете то, что уже говорили раньше, - коварно усмехнулся Паллам. - Вот в чем основная разница между землянами и латианами: вы сознаете, что вами руководят, а латиане о своем положении понятия не имеют.

- Да никто нами не руководит - ни на сознательном уровне, ни на подсознательном, - упирался Лиминг. - Наша жизнь построена на основе взаимного партнерства, ну, как у нас с женой. Иногда она нам уступит, иногда - вы ей. И никому из вас не приходит в голову считаться, кто уступает чаще, скажем, за месяц, или требовать, чтобы уступки делались точно поровну. Так ведь всегда бывает. И никто не в обиде.

- Мне трудно судить, поскольку я никогда не был женат, - изрек Паллам, потом обратился к коменданту - Продолжайте.

- Как вам, вероятно, уже известно, Сообщество отвело нашей планете роль своей главной тюрьмы, - сказал комендант. - На сегодняшний день у нас скопилось порядочно пленных, в основном ригелиан.

- Ну и что же?

- На подходе новые партии. На следующей неделе должны доставить две тысячи центаврийцев и шестьсот тетиан, которых мы поместим в только что построенную тюрьму. Сообщество начнет посылать нам все новые и новые партии, как только мы будем готовы их принять и появятся свободные корабли. - Он задумчиво посмотрел на собеседника. - Пройдет какое-то время, и они завалят нас землянами.

- И чем же такая перспектива вас не устраивает?

- Зангаста решил отказаться от приема землян.

- Это его дело, - с вежливым безразличием заметил Лиминг.

- У Зангасты светлая голова, - так и лучась патриотическим восторгом, произнес комендант. - Он твердо уверен: собрать на одной планете целую армию разномастных пленников да еще добавить к ней несколько тысяч землян означало бы создать взрывоопасную смесь, заварить такую кашу, что потом не расхлебашь! Ведь так можно и вовсе утратить власть на планете, которая к тому же стратегически расположена в тылу Сообщества, и стать мишенью для яростных атак своих же союзников.

- Вполне возможная ситуация, - согласился Лиминг. - Я бы даже сказал, очень вероятная. А еще точнее, практически неизбежная. Только она - не единственная забота Зангасты. Просто ее он счел возможным предать гласности. Есть у него еще и личный интерес.

Какой же?

- Ведь это сам Зангаста издал приказ расстреливать беглецов. Наверняка он - иначе никто бы не осмелился их прикончить. А теперь Зангаста струсил: как знать, может, Юстас ночами уже сидит у его изголовья и посмеивается. Вот он и думает, что, скопясь здесь несколько тысяч Юстасов, угроза для него возрастет пропорционально. Только он ошибается.

- Почему ошибается?

- Потому что причин для страха нет не только у раскаявшегося, а еще и у трупа! Пусть на планету свалятся хоть пятьдесят миллионов Юстасов - мертвецу уже все равно. Зангасте лучше отменить приказ о расстреле, если, конечно, жизнь ему дорога.

- Я передам ему ваш совет. Только отмена приказа может и не понадобиться. Ведь я вам уже сказал: у него светлая голова. Он разработал тонкую стратегию, в результате которой все ваши показания пройдут последнюю решающую проверку. В то же время она поможет наилучшим образом решить его личные проблемы.

Ощувив смутную тревогу, Лиминг спросил:

- Могу ли я узнать, что он собирается предпринять?

- Мы получили распоряжение поставить вас в известность. Он уже приступил к делу. - Для лучшего эффекта комендант сделал паузу, потом заключил: - Он послал Содружеству радиogramму с предложением начать обмен пленными.

Лиминг заерзал на стуле. Святые угодники, ну и наломал же он дров своими угрозами мести! Ведь с самого начала он добивался только одного: всеми правдами и неправдами выбраться из тюрьмы и попасть в такое место, откуда можно было бы отчалить на всех парах. Болтал, как заведенный, чтобы перемахнуть через стены. И вот теперь они берут его небылицы и устраивают звон по всей галактике! Вот уж воистину, задумав сеть обмана праясть, рискуешь сам в нее попасть...

- Более того, - продолжал комендант, - Содружество заверило нас в своем согласии, при условии, что обмен пойдет чин за чин. То есть капитана за капитана, навигатора за навигатора и так далее.

- Вполне разумно.

- Зангаста, в свою очередь, - сказал комендант, скалясь, как голодный волк, - тоже дал согласие, но при условии, что первыми Содружество заберет землян и обменяет их в соотношении двое за одного. Сейчас он как раз ожидает ответа.

- Двое за одного? - хлопая глазами, переспросил Лиминг. - Вы хотите сказать, что он требует двоих пленных за каждого землянина?

- Ну что вы, конечно, нет! - Комендант ухмыльнулся еще шире, так что десны обнажились. - Нам должны вернуть двух солдат Сообщества за каждого землянина и его Юстаса. Два за два - ведь это вполне справедливо, не так ли?

- Не мне судить, - Лиминг чуть не поперхнулся. - Решать будет Содружество.

А пока не придет ответ и обоюдное согласие не будет достигнуто, Зангаста хотел бы создать для вас более подходящие условия. Вас переведут в офицерские казармы, расположенные за пределами тюрьмы, вы получите офицерский паек и разрешение на загородные прогулки. С вами будут временно обходиться, как с гражданским лицом, словом, создадут все удобства. От вас требуется одно - обещайте, что не попытаетесь бежать...

Вот чертова перечница! Все рассказы Лиминга были нацелены на конечный побег. Не отказываться же от него теперь? И все же он не хотел давать слово чести, чтобы тут же его бесстыдно нарушить.

- Никаких обещаний, - отрезал он.

Комендант не верил своим ушам.

- Вы, наверное, шутите?

- Даже не думаю. Просто у меня нет выбора. Военный закон Земли не позволяет военнопленным давать никаких обещаний.

- Но почему?

- Да потому что ни один землянин не может нести ответственность за своего Юстаса. Как я могу поклясться, что не убегу, если за другой моей половиной уследить невозможно? Разве может один близнец дать клятву за другого?

- Стража! - взревел комендант, но вид у него был явно разочарованный.

Целых двенадцать дней Лиминг слонялся по камере, ночами время от времени болтая с Юстасом, в расчете на подслушивающих под дверями. Ну и влип же он в историю! Но теперь отступать уже поздно - или пан, или пропал...

Еды по-прежнему давали вдоволь, хотя качество оставляло желать лучшего. Охрана толком не знала, как с ним обращаться, - так всегда бывает, если пленнику каким-то образом удается снюхаться с начальством. Еще четверых пойманных ригелиан водворили на место, но не расстреляли. Судя по всему, он пока еще держит врага на мушке.

Хотя Лиминг ни словом ни о чем не обмолвился, остальные заключенные откуда-то прознали, что именно он неким загадочным образом повинен в общем послаблении режима. Во время прогулок они выказывали ему глубокое почтение, как человеку, которому удалось достичь невозможного. Но время от времени их любопытство все же прорывалось наружу.

- Тебе известно, что последних четырех не расстреляли?

- Да, - признался Лиминг.

- Говорят, что ты положил конец расстрелам.

- Кто говорит?

- Да так, слухи ходят.

- Вот именно, слухи ходят.

- Интересно, почему первых пойманных расстреляли, а следующих - нет? Должна же быть какая-то причина.

- Может быть, зангов совесть заела, пусть даже с опозданием, - предположил Лиминг.

- Нет, здесь что-то другое.

- Ну и что же?

- Кто-то их достал.

- Кто же например?

- Я не знаю. Но ходят упорные слухи, что ты совсем приручил

коменданта.

- Похоже на правду, верно? - поддел собеседника Лиминг.

- Лично я так не думаю. Но с землянами надо всегда держать ухо востро. - Немного поразмыслив, он спросил: - А что ты делаешь с той проволокой, которую я для тебя таскал?

Хочу связать из нее пару носок. Нет ничего удобнее и прочнее, чем проволочные носки.

Так он отделялся от любопытных и помалкивал, не желая будить напрасные надежды. В душе у него росло беспокойство. Ведь ни союзники в целом, ни Земля в частности понятия не имеют о Юстасах. Предположим, противник сделает предложение об обмене пленных два за одного, и оно будет отвергнуто с вполне понятным негодованием. Категорический отказ с их стороны может обернуться для него неприятными вопросами, на которые он не сумеет ответить.

Тогда противника раньше или позже осенит, что ему довелось повстречать первейшего в мире лгуна. И Лимингу устроят какую-нибудь хитроумную проверку. Он провалится - тут-то все и начнется. Он ни в коей мере не переоценивал свою заслугу в том, что ему так долго удавалось водить противника за нос. Из тех немногих книг, которые ему довелось прочесть, явствовало, что в основе религии зангов лежит почитание духов предков. К тому же зангам знаком так называемый полтергейст. Почва была подготовлена задолго до него. Он лишь вспахал ее и засеял. Если жертва уже верит в двух невидимых существ, ее не так уж трудно убедить проглотить и третье.

Но когда союзники передадут Асте Зангасте недвусмысленное предложение катиться подальше, третий призрак скорее всего будет с яростью извергнут. Если только не удастся ценой очередной убедительной выдумки протолкнуть этот плод воображения обратно, пока его не изрыгнули окончательно.

Но как?

Лиминг уже в который раз бился над этим вопросом, когда за ним снова явилась стража. Комендант был у себя, но Паллама с ним не оказалось. Вместо него на Лиминга с любопытством воззрелась целая дюжина штатских. Всего, значит, тринадцать - как раз подходящая компания, чтобы признать его созревшим для мясорубки.

Он сел, чувствуя себя в центре всеобщего внимания - совсем как шестихвостая мускусная крыса в зоопарке. Четверо штатских тут же принялись по очереди его атаковать. Их интересовал один-единственный предмет: бопамагилви. Похоже, что они часами развлекались с ним и в результате только дошли до легкого обалдения, что их вовсе не устраивало.

- На каком принципе основан бопамагилви? Он что, концентрирует телепатический сигнал в узкий пучок большого диапазона? На каком расстоянии ваш Юстас выходит из зоны прямой связи, так что приходится вызывать его с помощью этого устройства? Почему для получения ответа необходимо сначала провести направленный поиск? И прежде всего, откуда вы знаете, как сделать спиральную петлю?

- Я не могу вам объяснить. Откуда знает птица, как вить гнездо? Это чисто инстинктивное знание. Я всегда знал, как вызвать своего Юстаса, с тех самых пор, как сумел согнуть кусок проволоки.

А не мог ваш Юстас вложить вам в голову необходимые знания?

- Если честно, то я об этом никогда не задумывался. Тем не менее, очень может быть.

- Любая ли проволока годится?

- Да, если она не содержит железа.

- Все ли земные спирали одинаковой конструкции и размера?

- Нет, все зависит от владельца.

- Мы произвели тщательный и доскональный обыск земель, которые содержатся в латианском плену. Ни у кого из них подобных приборов не оказалось. Как вы это объясните?

- Им они просто не нужны.

- Почему же?

- Потому что их в плену больше четырехсот и они всегда могут рассчитывать, что как минимум несколько Юстасов в нужный момент окажутся под рукой.

Когда Лимингу кое-как удалось от них отбиться, у него просто ум за разум зашел, а душа провалилась в пятки. Потом насад черед коменданта.

- Союзники наотрез отказались принимать пленных землян первыми или обменивать их из расчета два к одному и вообще дальше обсуждать этот вопрос. Что вы на это скажете?

Собрав остатки воли в кулак, Лиминг ответил:

- Посудите сами, на вашей стороне - больше двадцати разных народов, самые могущественные из них - бесспорно, латиане и зебы. Неужели вы думаете, что Сообщество согласилось бы с предложением союзников отдать приоритет при обмене какой-то определенной расе? Окажись такими счастливыми, к примеру, танзитами - что ж, по-вашему, латиане и зебы так и проголосуют, чтобы они попали домой первыми?

Тут вмешался высокий, начальственного вида субъект в штатском:

- Я - Даверд, личный помощник Зангасты. Он придерживается такого же мнения и считает, что землян просто забаллотировали. Поэтому я уполномочен задать вам один вопрос.

- Какой же?

- Ваши союзники знают о Юстасах?

- Нет.

- Вам удалось скрыть от них истинное положение вещей?

- Никому и в голову не приходило что-то от них скрывать. Просто для друзей такое положение вещей не очевидно. Ведь Юстасы эффективны только в борьбе с врагами - тогда их уже ни от кого не скроешь.

- Прекрасно. - Даверд подошел поближе и напустил на себя заговорщический вид. - Латиане развязали войну, а зебы вступили с ними в военный союз. Все остальные, в том числе и мы, оказались втянутыми по разным причинам. Латиане сильны и заносчивы, но мы знаем, что они не отвечают за свои действия.

- А мне-то что до этого?

- Мы, более слабые народы, не можем противостоять латианам или зебам в одиночку. Но, объединившись, мы станем достаточно сильны, чтобы выйти из войны и поддерживать нейтралитет. Поэтому Зангаста связался с остальными.

Господи, ну и дела! Вот чего можно добиться, имея всего-навсего моток медной проволоки!

- Сегодня он получил от них ответ, - продолжал Даверд. - Они готовы создать единый фронт во имя обретения всеобщего мира - при условии, что союзники признают их нейтралитет и проведут обмен пленными.

Такое трогательное единодушие среди мелкой рыбешки говорит о многом, - злобно вставил Лиминг.

- О чем же?

- О том, что силы союзников недавно одержали победу. При этом кому-то изрядно досталось.

Даверд не сказал ни да, ни нет.

- На этой планете вы - единственный пленный землянин. И Зангаста считает, что вас можно прекрасно использовать.

- Каким же образом?

- Он решил отослать вас на Землю. Ваша задача - убедить землян, чтобы они поддержали наши начинания. Запомните: если вам это не удастся, сотням тысяч инопланетных пленников придется несладко.

- В подобных случаях полагается говорить: я умываю руки и ни за что не отвечаю. Но вы тоже запомните - вздумаете сделать из пленных козлов отпущения, раньше или позже придется поплатиться.

- Союзники ничего не узнают, - парировал Даверд - Ведь здесь не будет ни землян, ни Юстасов, так что некому будет тайком их проинформировать. Таким образом мы нейтрализуем землян. Так что союзники не смогут воспользоваться сведениями, которых у них не будет.

- Да уж, - согласился Лиминг. - Тем, чего у тебя нет, никак не воспользуешься.

Они снарядили легкий эсминец с командой из десяти зангов. Сделав единственную посадку для заправки и смены дюз, он доставил их на базовую планету, находившуюся на передней линии фронта.

База была аванпостом латиан, но их ничуть не заинтересовали планы младших партнеров. К тому же им и в голову не пришло, что человекообразное существо в зангастанском экипаже - настоящий землянин. Латианские техники тут же принялись менять обшивку дюз, готовя истребитель в обратный путь. Тем временем Лиминга пересадили на одноместный латианский корабль-разведчик, на котором не было никакого вооружения. Перед отлетом все десять зангов отдали ему церемониальный салют.

С этой минуты Лимингу оставалось полагаться только на себя. Взлет показался сущим адом. Пилотское кресло было ему велико и вдобавок подогнано под латианскую задницу, так что все выпуклости и вогнутости приходились не туда. Приборы - совершенно незнакомые и расположены не там, где положено. Кораблик мощный и быстроходный, но слушается рулей совсем иначе, чем земной. Лиминг так и не понял, как это ему удалось, но, тем не менее, он ухитрился взлететь.

Потом его преследовали постоянные опасения, что корабль засекут локаторы союзников и их орудия разнесут его в клочья.

Он мчался среди звезд, положившись на везение и не прикасаясь к передатчику. Сигнал вызова на вражеской частоте мог в единый миг превратить его в удобную мишень.

Лиминг держал курс прямо на Землю. Спал он тревожно и чутко. Не стоило доверять дюзам, хотя продолжительность полета была втрое меньше той, которую он проделал на своем корабле. Незнакомому автопилоту не стоило доверять хотя бы потому, что он был вражеской конструкции. Самому кораблю не стоило доверять по той же причине. Союзным войскам не стоило доверять, потому что у них была манера сначала дать залп, а потом уже задавать вопросы.

Скорее благодаря счастливому случаю, нежели умелому управлению, он пересек линию фронта незамеченным. Такой подвиг при достаточной наглости мог бы совершить и противник, только навряд ли отважился бы: ведь мало попасть на территорию союзников, куда труднее оттуда выбраться.

Наконец, в один прекрасный миг, Лиминг на всех парах вынырнул над ночной стороной Земли и плюхнулся на поле в двух милях к западу от главного космопорта. Было бы совсем уже глупо рисковать, сажая латианскую посудину посередине космопорта. Кое-кто, вздремнувший у тяжелой пушки, мог вздрогнуть от неожиданности и пальнуть.

Луна уже ярко сияла, отражаясь в реке Цобаш, когда он пешком подошел к главным воротам. Послышался окрик часового:

- Стой, кто идет?

- Лейтенант Лиминг и Юстас Фенакертбан.

- Подойдите для опознания.

Он поплелся вперед, размышляя про себя, что такой приказ - сущее идиотство. Часовой видит его впервые в жизни и не смог бы отличить даже от Минни Мак Свини. Хотя, конечно, - мысли пачкают мозги!

У ворот на него обрушился мощный сноп света. Из ближайшей будки выскочил какой-то молодчик с тремя нашивками на рукаве. Он тащил сканнер, за которым волочился тонкий черный кабель. Этим сканнером он стал размахивать перед прибывшим, сосредоточив основное внимание на его лице.

Из громкоговорителя в будке последовал приказ:

- Отвести в штаб разведки!

Они уже было пошли, но тут часовой встревоженно заверещал:

- Эй, а где же второй парень?

Какой еще парень? - остановившись, спросил сержант и начал озираться по сторонам.

- А ну-ка, дыхни! - посоветовал Лиминг.

- Но ведь вы сами назвали мне два имени, - чуть не лопааясь от злости настаивал часовой.

- Попроси сержанта хорошенько - он тебе выдаст еще парочку, - сказал Лиминг. - Ведь так, сержант?

- Ладно, пошли, - проворчал сержант, проявляя какую-то болезненную раздражительность.

Они добрались до штаба разведки. Дежурил полковник Фармер. Он воззрился на Лиминга и произнес:

- Вот те на!

Потом повторил это еще семь раз.

- В чем дело? - без всякого вступления надел на него Лиминг. -

Почему мы отказываемся махнуть пленных землян два к одному?

Казалось, Фармер с трудом приходил в себя от кошмарного сна.

- Так ты об этом знаешь?

- Стал бы я спрашивать, если бы не знал!

- Ладно. Но зачем нам принимать такое дурацкое предложение? Ведь мы, слава богу, еще не спятили!

Лиминг наклонился над столом, опираясь на него руками, и изрек:

- Непременнo соглашайтесь, но на одном условии.

- На каком условии?

- Чтобы они заключили такой же договор в отношении латиан. Двое наших за одного латианина и одного Гомика.

- Кого-кого?

- Одного Гомика. Латиане это скушают, как пить дать. Они раструбили по всему свету, что один латианин стоит двух врагов. Слишком уж они самодовольны, чтобы отказаться от такого предложения. Они объявят его доказательством того, что их помощь известна даже противнику.

- Но как же... - начал Фармер, испытывая легкое головокружение.

- Среди их союзников начнется столпотворение, каждый поспешит согласиться первым. У них есть свои соображения, до которых латиане дойдут, когда будет уже слишком поздно. Попробуйте хотя бы ради шутки. Двоих наших - за одного латианина и его Гомика.

Фармер вскочил, выпятив брюхо, и взревел:

- Кто такой этот чертов Гомик?

- Насчет Гомика можно выяснить проще простого, - посоветовал Лиминг. - Спросите у своего Юстаса.

Начиная заметно нервничать, Фармер сбавил тон до задушевного и продолжал со всей доступной ему мягкостью:

- Твое появление меня просто потрясло. Ведь уже много месяцев, как тебя объявили без вести пропавшим. Все считают, что ты погиб.

- Я совершил вынужденную посадку на краю света и попал в плен. Кучка покрытого чешуей сброда, который именует себя зангами, закатала меня в тюрьму.

- Ладно-ладно, - сказал полковник, успокаивающе помахивая руками.

- Лучше расскажи, как тебе удалось от них улизнуть?

- Фармер, вам я не могу лгать. Я заморочил их своим бопамагилви.

- ???

- А потом отчалил на их жестянке с десятью фаплапами на борту. -

Не обращая внимания на собеседника, он изо всех сил пнул стол, так что дождь чернильных клякс обрушился на промокашку. - А теперь давайте сюда кого-нибудь из контрразведки. Надеюсь, у них не контрмозги?

Пошлите радиogramму двое наших за одного облезлого латианина и Гомика Тергомикера в придачу. - Он огляделся с безумным видом. - И еще -

найдите, где бы мне вздремнуть. Я просто с ног валяюсь от усталости.

Сдерживаясь из последних сил, Фармер выдавил:

- Лейтенант, как вы разговариваете с полковником?

- Как умею, так и разговариваю. Майор Сморгун поставил пудинг в печь. Куда девался ваш зеленый кот, - Лиминг снова пнул ногой стол. - Ну, скорее же, полковник! Положите меня в постельку!

* * *